Z 1 5/2
T. 39.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXXIX,
изданный подъ редакціей В. П. Шнейдеръ.

Жизнь „Ивана“

ОЧЕРКИ
ИЗЪ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ
ОДНОЙ ИЗЪ ЧЕРНОЗЕМНЫХЪ ГУБЕРНІЙ.

О. П. Семеновой-Тянъ-Шанской.

1109/7

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1914.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXXIX,
изданный подъ редакціей В. П. Шнейдеръ.

Жизнь „Ивана"

ОЧЕРКИ
ИЗЪ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ
ОДНОЙ ИЗЪ ЧЕРНОЗЕМНЫХЪ ГУБЕРНІЙ.

О. П. Семеновой-Тянъ-Шанской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1914.

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28

4540

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ
2986а
27-II 1925
БИБЛІОТЕКА

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Вмѣсто предисловія.—*В. П. Шнейдеръ* VII

I. Родители „Ивана“ 1

1) Имущественное состояніе Степана—отца Ивана, когда у него родился третій сынъ Иванъ. (Степанъ мужикъ средняго достатка родился во времена крѣпостного права. Третій сынъ его родился черезъ годъ или два послѣ реформы)—1; *2*) какое приданое взялъ Степанъ (отецъ Ивана) за Акулиной—3; *3*) Изъ кого состояла семья Степана, когда въ нее вступила Акулина—3; *4*) Средній возрастъ выхода замужъ и женитьбы отцовъ и матерей „Ивановъ“—4; *5*) Насколько развиты физически будущіе отцы и матери (жениха и невѣсты)—5; *6*) Какъ часто билъ Степанъ Акулину, какъ и за что?—5; *7*) Что дѣлаетъ женщина во время беременности—7; *8*) Какъ относятся отецъ и мать къ первому ребенку, къ его появленію на свѣтъ; какъ ко 2-му и 3-му? Что говорятъ въ семьѣ объ ожидаемомъ ребенкѣ. Какъ выражаетъ свою радость и недовольство мать, отецъ и семья—7; *9*) Роды и крестины—8.

II. „Иванъ“ до того, какъ онъ сталъ на ноги 14

1) Какъ няньчила Ивана сестра до году—14; *2*) Первые проблески сознанія Ивана, первыя слова, которыя онъ произнесъ—15; *3*) Чѣмъ питался онъ до году—16; *4*) Какъ онъ былъ одѣтъ—16; *5*) Чѣмъ онъ хворалъ въ году—16.

III. „Иванъ“ на ногахъ. Дѣтство 17

1) Всталъ онъ „дыбочки“. *2*) Какъ его няньчила сестра, когда онъ сталъ ходить, какъ няньчила мать—17; *3*) Когда онъ научился лазить и гдѣ лазилъ—18; *4*) Первыя бранныя слова, первыя драки—18; *5*) Его костюмъ и внѣшность, когда онъ сталъ на ноги—19; *6*) Какъ и за что била его мать и отецъ. Наказаніе за проказы—19; *7*) Лгать, когда научился, чему научился отъ сверстниковъ—20.

стр.

IV. „Иванъ“ въ томъ возрастѣ, когда отъ него впервые потребовались домашнія услуги (7—11 лѣтъ) и „Иванъ“ подростокъ 21

1) Что думаетъ ребенокъ о старшихъ: о трудѣ ихъ, сожительствѣ отца съ матерью, пьянствѣ, дракахъ, о сельскомъ начальствѣ, о докторѣ, знахаркѣ. Какъ относится къ отцу, матери, братьямъ старшимъ и младшимъ—21; *2*) Первыя обязанности и порученія, даваемыя Ивану—22; *3*) Обращеніе Ивана и его семьи съ животными—24; *4*) Дѣтское представленіе о мірѣ Божіемъ—26; *5*) Дѣтскія игры, ихъ описанія—27; *6*) Отношенія дѣвочекъ и мальчиковъ. Какъ понимается ребятишками различіе половъ и какъ рано это пониманіе проявляется—28; *7*) Какъ наказываютъ 7—11-лѣтнихъ ребятъ ихъ родители и за что преимущественно—29; *8*) Какъ и когда ребенокъ услышалъ о Богѣ, святыхъ и пр. и что они по его представленію значатъ,—добрые они или злые или страшные, всегда ли вмѣшиваются въ людскую жизнь и дѣла. Какое отношеніе имѣютъ къ нему—29; *9*) Отдали ли Ивана въ школу и когда. По какимъ соображеніямъ—30; *10*) Что дѣлалъ мальчикъ лѣтомъ, когда ученіе прекращалось. Что вынесъ въ концѣ концовъ изъ школы. Насколько измѣнился въ своихъ представленіяхъ объ окружающей крестьянской жизни—31; *11*) Какія обязанности несъ Иванъ по возвращеніи изъ школы—32; *12*) Если ребенокъ не въ школѣ, то онъ зачастую пастухъ по найму. На какихъ условіяхъ онъ нанимается въ пастухи у помѣщика, на какихъ въ крестьянскомъ обществѣ—33; *13*) Заработки Ивана-подростка по-близости. Батрачество. Условія найма въ батраки у помѣщиковъ и у крестьянъ. Поденная работа у землевладѣльцевъ. Батрачество либо у крестьянъ, либо у священника, купца, помѣщика—33.

V. „Иванъ“ женихъ 35

1) Время, близкое къ женитьбѣ, разговоры объ этомъ—35; *2*) Есть ли въ деревнѣ особые спеціалисты по свадебнымъ обрядамъ—36; *3*) Съ какихъ лѣтъ дѣвушки сочли Ивана женихомъ, т.-е. такимъ „малымъ“, котораго можно пустить на вечеринки или въ „кругъ“, котораго можно „любить“—37; *4*) Времяпрепровожденіе Ивана жениха: а) когда обыкновенно „малый“ сходится съ женщиной, б) какъ это случается и какъ на это смотритъ самъ „малый“ и вообще крестьяне, в) существуетъ ли развратъ, г) чѣмъ малый прельщаетъ дѣвушку, а чѣмъ она его, д) улица, вечеринки, на какихъ основаніяхъ устраиваются вечеринки, е) что тамъ собственно дѣлается, ж) чѣмъ даритъ малый дѣвушку, которую любитъ, з) представленіе „малаго“ о женской красотѣ и что Иванъ дѣлаетъ съ товарищами, і) пьетъ ли и какъ пьетъ. Когда

стр.

попробовалъ первый разъ водки. Ради чего пьетъ онъ, к) Игры и удальство „малыхъ“. Гульба „годныхъ“—37; *5*) Встаетъ мужикъ въ рабочую пору очень рано—50; *6*) Какъ дѣлаются предложенія дѣвушкамъ—51; *7*) Чѣмъ руководятся женихи и невѣсты, вступая въ связь ранѣе брака? Какія прелюдіи для этого требуются?—53; *8*) Только ли потому обидно выйти за стараго, что онъ скоро помретъ или тутъ инстинктивный подборъ. Отчего не любятъ рыжихъ?—53; *9*) Что дѣлаетъ Иванъ въ первые дни и время послѣ женитьбы. Его жизнь въ семьѣ въ это время. Отношеніе къ нему и женѣ въ это время семейныхъ. Пользуются ли молодые въ это время какими-нибудь поблажками въ работѣ, въ спаньѣ, въ пищѣ и пр.? Отношеніе Ивана къ женѣ въ первые дни. Интимные разговоры—54; *10*) % незаконныхъ рожденій и убійствъ. % смертности дѣтей и когда бываетъ онъ наивысшимъ—56; *11* Подлежатъ ли убійству гулевыя дѣти или всѣ вообще. Совершается ли убійство подъ вліяніемъ стыда, страха или экономическихъ соображеній. Отношеніе къ дѣтоубійству женщинъ и особенно мужчинъ—57; *12*) Чрезъ сколько времени послѣ родовъ сожительствуютъ мужья со своими женами. На какую зорю ходитъ бабка откликать крикъ Ивана. Что и какъ поетъ мать надъ люлькой, какъ вообще укачиваетъ дѣтей. Если маленькій рождается въ августѣ, то какъ его няньчатъ осенью и зимой, выносятъ ли на дворъ. Чѣмъ вообще отличается зимнее няньченье отъ лѣтняго—58.

VI. Пропиваніе невѣсты, смотренки, свадьба 60

Раздѣленіе имущества и обязанностей между мужьями и женами—75; Изба—79; Бюджетъ—83; Раздѣлъ—85; Подсобные промыслы у крестьянъ—87; Условія заработковъ—88; Форма, въ которой пишутся договоры съ крестьянами о заработкахъ—89; Нѣсколько дѣлъ изъ волостного судоговоренія. Подати. Старшина—90; Побирушки—100; Поджоги—101; Болѣзни—102; Драчи—102; Колебаніе цѣнъ—103; Замѣтки автора—103.

VII. Программа собиранія свѣдѣній о бытѣ крестьянъ (наброски) . 119

Вмѣсто предисловія.

„...Быть можетъ, когда-нибудь впослѣдствіи, пройдя случайно черезъ чье-нибудь яркое сознаніе, — мои блѣдные образы вспыхнутъ и оживутъ хоть на мгновеніе? Ради этого „быть можетъ", ради небольшой отсрочки забвенія и непроглядной тѣни — рѣшаюсь взяться за перо..."

Изъ записной книжки *О. П. Семеновой*.

Когда человѣкъ въ сорокъ лѣтъ умираетъ и передъ оставшимися сверстниками и друзьями его жизнь видна, какъ долина съ горы, то невольно думается, стоило-ли жить? „Вкушая, вкусихъ мало меду и се азъ умираю" [1])... Каждое желаніе, каждое слово ушедшаго хочется исполнить, выполнить завѣтъ—хоть немного отсрочить забвеніе и непроглядную тѣнь, грозящую рано или поздно всякому смертному.

Ольга Петровна Семенова родилась 28 мая 1863 года. Обычно лѣто жила въ имѣніи своего отца Петра Петровича Семенова Тянъ-Шанскаго въ Гремячкѣ, Данковскаго уѣзда, Рязанской губ. Впослѣдствіи она проводила въ деревнѣ бо́льшую часть года, пріѣзжая въ Петербургъ на 3—4 зимнихъ мѣсяца. Такое долговременное пребываніе въ тѣсномъ общеніи съ народомъ дало Ольгѣ Петровнѣ при ея наблюдательности и художественной воспріимчивости богатый матеріалъ, использованный ею и для этнографическихъ статей и для художественныхъ набросковъ, которые нельзя иначе назвать, какъ стихотвореніями въ прозѣ.

---

[1]) 1-я книга Царствъ.

Послѣ смерти Ольги Петровны Семеновой осталось много тетрадокъ, записныхъ книжекъ, отдѣльныхъ клочковъ бумаги, тщательно ею собранныхъ и исписанныхъ ея отчетливымъ, своеобразнымъ почеркомъ.

Въ данномъ томѣ „Записокъ И. Р. Г. О. по Отдѣл. Этнографіи“ издается матеріалъ для предполагавшейся большой работы—„Жизнь Ивана“, въ которой рисуется жизнь современнаго „Ивана“, крестьянина одной изъ черноземныхъ губерній—„Третій сынъ Иванъ родился черезъ годъ или два послѣ реформы“ — этими словами начинается жизнеописаніе Ивана.

Ольга Петровна долго и тщательно собирала матеріалъ и вотъ наконецъ началась сводка его, выводы и обобщенія. При каждомъ пунктѣ рамки расширялись появлялись новые вопросы и т. д. Есть частыя повторенія, которыя нами оставлены, потому что это скорѣе варіанты, чѣмъ повторенія, и иногда очень цѣнные. Сохранены неровности въ языкѣ изложенія; пословицы, поговорки, анекдоты, встрѣчающіеся среди текста, всѣ вошли. Многое записано Ольгой Петровной наскоро, потому что возникающую мысль она не поспѣвала облекать въ подходящую форму, не отдѣлано, но зато искренне, и чувство правды преобладаетъ надъ внѣшней формой. Неожиданная смерть унесла О. П., и все задуманное такъ и осталось незаконченнымъ. Больная, въ полубреду, Ольга Петровна повторяла слова: „Колоколъ отзвучалъ, звукъ разсѣялся“...

Нѣтъ!.. Тысячу разъ нѣтъ! Колоколъ отзвучалъ, но звукъ воспринятъ и продолжаетъ жить. Сила мысли и духовной энергіи, вложенная Ольгой Петровной въ ея работу, не можетъ исчезнуть и разсѣяться, она найдетъ воплощеніе въ новыхъ молодыхъ силахъ; — „*пройдя случайно черезъ чье-нибудь яркое сознаніе*“,—ея мысль вспыхнетъ и оживетъ.

Кромѣ матеріала къ жизни „Ивана“ остались еще тетради со слѣдующими заглавіями:

I) Воспоминанія объ умершихъ, о „милыхъ тѣняхъ“.

II) Автобіографическія замѣтки, нѣчто вродѣ дневника, и

III) Отдѣльныя мысли, письма и т. п. имѣющія общій интересъ. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ помѣщены въ „Извѣстіяхъ“ И. Р. Г. О. за 1907 г., т. XLIII (въ нашей статьѣ: „Памяти О. П. Семеновой“), а нѣкоторыя мы печатаемъ здѣсь вмѣсто біографическаго очерка. Почему мы, ея друзья, не рѣшаемся писать ея біографіи, ясно будетъ уже изъ перваго отрывка.

* * *

Давно уже меня тревожитъ желаніе передать другимъ свою частицу жизни. Желаніе это доходитъ иногда до краснаго каленія, но, часто, часто, задумываешься надъ незначительностью, полной пустотой своего существованія и, останавливаешься. Что въ томъ, что временами кажется—будто что-то горитъ внутри ярко и горячо? Вѣдь рядомъ съ этимъ,—такимъ безотраднымъ, тяжелымъ камнемъ гнетутъ сознаніе долгіе годы безполезнаго существованія. Правда, судьба трепала меня довольно безпощадно, но кому изъ тѣхъ, кто мало-мальски побольше—самое безпощадное горе связывало руки? А я только сидѣла и плакала, плакала всю лучшую пору своей жизни, изо дня въ день притупляя въ себѣ сознаніе, что жизнь не дается дважды, что праздныя силы не крѣпнутъ и не молодѣютъ съ годами, что неостановить солнца, если къ вечеру примешься за долгій трудъ...

Всё это относится къ моему личному *я*. Но жизнь сталкивала меня со многими людьми: многіе изъ нихъ уже ушли безвозвратно,—уйдутъ понемногу и другіе... И вотъ, — ихъ-то *милыя тѣни* хочется, хотя-бы слабо, запечатлѣть на бумагѣ. Быть можетъ, когда-нибудь впослѣдствіи, пройдя случайно черезъ чье-нибудь яркое сознаніе, мои блѣдные образы вспыхнутъ и оживутъ хоть на мгновеніе?

Ради этого „быть можетъ“, ради небольшой отсрочки забвенія и непроглядной тѣни,—рѣшаюсь взяться за перо.

* * *

...Помнится дѣтское наше разсужденіе: „Когда умретъ бабушка,—невозможно будетъ жить безъ нея и мы лучше умремъ“. Кто могъ внушить маленькимъ дѣтямъ мысль о смерти—не знаю; мы никогда ея не видали, но иногда, глядя на бабушку, живо представлялось, что ея не будетъ, что мы болѣе никогда ее не увидимъ, не услышимъ, и сердце разрывалось отъ боли при этомъ представленіи. А иногда увидишь, что она задумалась и, вдругъ, мелькнетъ мысль, что и у нее въ головѣ—страшная разлука; съ тоской бросаешься къ ней: Почему ты такая скучная бабушка? Бабушка не будь такая!“ И когда она, бывало, улыбнувшись скажетъ: „что за глупости“, тревожно смотришь ей въ глаза, не довѣряя ей, подозрѣвая, что она „успокоиваетъ“ насъ только...

Долго, долго не можешь оторвать глазъ отъ вновь склонившейся надъ книжкой сѣдой головы и такъ страстно, страстно желаешь удержать ее, не дать ей уйти.

* * *

Сказать нѣсколько словъ о своихъ мечтахъ? Это легко, но еще легче показаться смѣшной. Вѣдь мечты мои до глупости заносчивы. Когда подумаешь, что въ сравненіи съ другими многими (о которыхъ говорятъ, что они „подаютъ надежды“) я представляюсь тѣмъ же, чѣмъ вставшій на ноги и въ первый разъ удержавшійся въ вертикальномъ положеніи ребенокъ (вотъ какое поэтичное сравненіе), представляется сравнительно съ ходящими уже людьми. Хорошо еще, если будущее покажетъ, что имѣла *хоть какое-нибудь* право быть заносчивой, но если случится противное (а это такъ возможно), то какъ смѣшна и жалка буду я со своими мечтами! А мечтаю я вотъ о чемъ. Не надъ многими (увы, или Слава Богу?), но надъ нѣкоторыми я знаю какъ властна природа и вотъ выразить хоть для этихъ

немногихъ тѣ чувства, которыми она (природа) охватываетъ человѣка — моя мечта. Эти чувства не холодный восторгъ передъ красотой, нѣтъ—это какая-то таинственная связь не съ красотой (въ общепринятомъ смыслѣ) даже, а съ чѣмъ-то вѣчнымъ, стихійнымъ и роднымъ, связь, которая въ иныя минуты такъ властно даетъ о себѣ знать, что забываешь всё, дѣлаешься не своимъ, такъ какъ отъ всего своего, чѣмъ въ другое время живешь, не остается тогда и слѣда. Власть и силу эти, безконечно разнообразныя въ своихъ проявленіяхъ, и хотѣлось бы передать.

* * *

Глухой уголокъ сада, хмурое небо, очертанія темныхъ высокихъ липъ, нависшая гряда облаковъ, изрѣдка нѣсколько теплыхъ капель дождя или слабый порывъ вѣтерка Богъ знаетъ откуда—вотъ и всё...

Всё: мощь насъ создающая и уничтожающая, сила родная и жуткая, передъ которой обнажается всё, потому-что передъ ней мы такіе-же мертвецы, какъ все, что жило вѣка тому назадъ, а то, что жило прежде, живо, какъ мы. (Святогорова сила всё зажигающая, всё смиряющая и всё связующая).

Всё зажигающая, всё смиряющая, всё связующая сила...

* * *

При взглядѣ на здѣшнее ясное небо, такое горькое сожалѣніе проснулось во мнѣ о прошломъ! Оно, это звѣздное небо, выманило меня въ садъ, въ липовую аллею, и, съ полдороги, я вернулась назадъ напуганная... мыслью, что встрѣчу свой призракъ, себя, какою я была такъ давно... Да, напуганная: нерадостно было бы увидѣть лицомъ къ лицу ту прежнюю дѣвочку съ довѣрчивымъ взглядомъ и радостной жаждой жизни, ту дѣвочку, которая давно уже скончалась. Тяжела была борьба со смертью, но конецъ, всё таки насталъ. Вспоминая эту покойницу, съ трудомъ вѣрится, что то была я...

А призракъ мой долженъ бродить по этому саду, въ этой

аллеѣ, гдѣ столько пережито, столько свѣтлаго счастья испытано, столько выплакано слезъ...

Сколько разъ, подъ этими самыми деревьями, та прежняя „я“ въ обликѣ пятнадцатилѣтней дѣвочки, вырвавшейся „на волю“ изъ городскихъ стѣнъ, трепеща отъ чистаго, полумистическаго счастья, вызваннаго въ душѣ теплом и ароматомъ стараго сада, невольно заражала своимъ счастьемъ окружающихъ милыхъ людей. „Свѣтленькимъ явленіемъ“ звалъ меня въ тѣ годы отецъ. Сознательной любви къ людямъ, разумѣется, не было, людское горе не всегда было понятно, но не больше-ли давала другимъ та безсознательная, заразительная радость жизни, которою было переполнено всё существо, нежели самое сознательное стремленіе облегчить чужое горе, утѣшить, помочь“... Развѣ можно, на самомъ дѣлѣ, „утѣшить“ человѣка, помочь настоящему горю?

* * *

...Зеленыя, какъ изумрудъ озими, бурыя прозрачныя рощи, паутина на овсахъ и ржищѣ, голубое небо — всё это такъ тихо, спокойно, и грустно, и блѣдно, что глазъ отдыхаетъ.

Такъ однотонно все,—начиная съ неба и кончая травой сплошь засыпанной блѣдными одноцвѣтными листьями. Но дышется хорошо: эти скучные, однообразные засыхающіе листья такъ славно пахнутъ: березовые, осиновые, дубовые..., всѣ по своему...

Опять это неуловимое „нѣчто“, котораго нѣтъ ни въ одной картинѣ (ни въ одномъ „Туманѣ“, „Золотой осени“, или „Октябрскомъ днѣ“) и что такъ ясно проступаетъ даже въ самомъ ровномъ побурѣвшемъ жнивьѣ, въ скучно потемнѣвшихъ, полуоголенныхъ рощахъ, такъ неживописно четко рисующихся на свѣтломъ небѣ...

* * *

Сегодня почему-то все вертѣлось въ головѣ—про то, какъ мы въ дѣтствѣ и молодости любили задавать другъ другу вопросы: „чего бы ты хотѣлъ въ эту минуту?“ и *вообще*

фантазировать на эту тему,—высказывая самыя неисполнимыя и невѣроятныя желанія. И если бы тогда, въ ряду этихъ желаній, кто-нибудь изъ насъ высказалъ слѣдующее: „я желаю надъ собою въ эту минуту—неподкупнаго и нелицепріятнаго суда“, никто изъ насъ не счелъ-бы это желаніе невозможнымъ и неисполнимымъ. Быть можетъ мы бы и не указали на того, кто могъ совершить такой судъ, но „гдѣ-нибудь, да нашелся бы такой человѣкъ“—такъ мы были убѣждены, такъ вѣрили. „Великъ свѣтъ—много въ немъ людей всякихъ, всякихъ,—среди нихъ найду такого, который разскажетъ мнѣ мою душу, такого, который своей лучшей, чѣмъ моя—душой произнесетъ надо мною судъ; внесетъ въ мои потемки свѣтильникъ, при которомъ можно будетъ жить“.

Такъ думалъ каждый изъ насъ...

* * *

Яркое солнце, просвѣчивая сквозь свѣжую, густую липовую листву, золотыми пятнами пестритъ полъ, печку и кровать. Просыпаешься, какъ отъ толчка, разбуженная мыслью, что вырвалась изъ города; полусонными глазами, щурясь отъ яркаго свѣта, выглядываешь въ окошко: птицы щебечутъ,—ихъ радостнымъ гамомъ полонъ весь свѣжій, зеленый садъ; отъ теплой, напоенной вчерашней грозой, земли такъ сладко пышетъ крапивой и кашкой; такое яркое небо переливается надъ замершими въ его горячей синевѣ макушками липъ и березъ. Въ комнаткѣ пахнетъ сосновымъ деревомъ: старый, знакомый запахъ, съ которымъ связаны самые счастливые лѣтніе часы ранняго дѣтства и ярко ощущаешь все обаяніе этого свѣтлаго настоящаго, сплетеннаго такъ тѣсно съ близкимъ, счастливымъ дѣтствомъ. Неудержимый порывъ радости охватываетъ сердце: все вѣдь на лицо, что только ему нужно: и солнце, и то ласкающее тепло, которое оно узнало изъ сказокъ няни, которымъ полны всѣ уголки стараго сада, полонъ и призывный голосъ кукушки и шелестъ пропеченныхъ солнцемъ травъ...

* * *

...Говорятъ, вѣдь, покойники всё, всё слышатъ, пока лежатъ на лавкѣ—о, о какъ страшно! до тѣхъ поръ слышатъ, покуда не броситъ на нихъ попъ земли горсточку. Лежатъ они, сложивши рученьки, ничего не видятъ и шевельнуться не могутъ, а всё слышатъ они.

Только лишь когда броситъ на нихъ попъ горсточку землицы,—тутъ уже всё для нихъ скроется: ни ушками не послышатъ, ни глазками не взглянутъ, ни ручеными не всплеснутъ...

Лежатъ они тихо-смирно въ своихъ могилкахъ, въ дубовыхъ гробахъ, въ бѣлыхъ саванахъ. Только темной ночью гоняетъ ихъ пономарь на водобой, какъ взойдетъ онъ на колокольню, да ударитъ въ колоколъ [1]), такъ всѣ они подымаются изъ могилокъ—и—прямо къ рѣчкѣ. Припадутъ они къ студеной водицѣ и пьютъ досыта, до тѣхъ поръ, пока первый кочетъ зачнетъ полночь опѣвать. Тутъ ужъ они опять скорехонько въ свои могилки убираются...

Задолго до дня смерти Ольга Петровна жила уже внѣ рамокъ и условностей земныхъ; жила духомъ освобожденнымъ. 12-го ноября 1906 г. ея душа порвала послѣдніе земные оковы и она увидѣла тотъ свѣтъ и ту истину, которую всю жизнь искала.

---

[1]) Около полночи пономарь, или церковный сторожъ всегда „ударяетъ въ колоколъ“.

I.

Родители „Ивана".

1) *Имущественное состояніе Степана—отца Ивана, когда у него родился третій сынъ Иванъ. (Степанъ мужикъ средняго достатка родился во времена крѣпостного права. Третій сынъ его родился черезъ годъ, или два послѣ реформы).*

Три лошади (изъ нихъ одна—стригунъ), пятнадцать овецъ, одна корова и одна телка. Свинья.

Изба деревянная въ три окна, сѣнца, дворъ, амбарчикъ, рига.

Двѣ телѣги, двѣ сохи, одна борона, двѣ дуги, двѣ сбруи, двѣ косы, два веретья, сани, топоръ, двѣ лопаты, два цѣпа, сѣчка для капусты, четыре чугуна, семь кадушекъ, два ведра, корецъ, дойникъ, шесть глиняныхъ горшковъ, четыре блюда, корыто, лампа, одна четвертная бутыль, мялка, двѣ самопрялки, два гребня съ донцами, два стана, одинъ столъ, двѣ лавки, конникъ, задникъ (всего 4 лавки), лохань, ухватъ (рогачъ), валекъ, три сковороды, двое граблей, сито, два рѣшета. Было убрано ржи 18 копенъ съ $2^1/_2$ дес. земли, — что равняется 9 четвертямъ, проса 2 четверти, картошки 12 четвертей, овса копенъ 8.

Стоимость крестьянскаго имущества.

Изба каменная	отъ	100	р.	до 200	р.	(Можно и въ 40 руб. избу поставить, но будетъ ужъ очень плохая).
„ деревянная	„	50	„	„ 120	„	
„ мазанка	„	20	„	„ 30	„	
Амбарчикъ („хатка")	„	15	„	„ 30	„	

Сѣнца рубленыя .	отъ	10	р.			до	20	р.		
Дворъ.	„	30	„			„	45	„		
Рига	„	30	„			„	50	„		
Телѣга	„	12	„			„	16	„	(обыкновенно 15 р.).	
Соха	„	—	„			„	5	„		
Сбруя.	„	7	„	50	к.	„	10	„		
Борона	„	—	„	—	„	„	—	„	80	к.
Цѣпъ	„	—	„	—	„	„	—	„	15	„
Коса	„	—	„	—	„	„	1	„	50	„
Топоръ	„	—	„	50	„	„	1	„	—	„
Сани	„	3	„	—	„	„	5	„	—	„
Дуга	„	1	„	—	„	„	2	„	—	„
Грабли	„	—	„	15	„	„	—	„	20	„ пара.
Веретье	„	—	„	—	„	„	1	„	50	„
Сѣчка для капусты	„	—	„	—	„	„	—	„	15	„
Скребка	„	—	„	—	„	„	—	„	40	„
Лопата	„	—	„	20	„	„	—	„	40	„
Ведро.	„	—	„	—	„	„	—	„	50	„
Корецъ (ковшикъ) .	„	—	„	—	„	„	—	„	15	„
Дойникъ глиняный.	„	—	„	—	„	„	—	„	10	„
Горшки глиняные .	„	—	„	10	„	„	—	„	20	„
Чугунъ	„	—	„	60	„	„	1	„	—	„
Блюдо глиняное .	„	—	„	—	„	„	—	„	10	„
Кадушки.	„	—	„	80	„	„	3	„	—	„
Корыто	„	—	„	50	„	„	—	„	90	„
Лампа	„	—	„	—	„	„	—	„	50	„
Четвертная бутыль.	„	—	„	—	„	„	—	„	20	„
Лохань деревянная	„	—	„	—	„	„	—	„	70	„
Мялка	„	—	„	—	„	„	1	„	—	„
Самопрялка . . .	„	—	„	—	„	„	1	„	10	„
Гребень съ донцемъ.	„	—	„	—	„	„	—	„	90	„
Станъ съ бердами, челнокомъ и подножками . . .	„	—	„	—	„	„	3	„	55	„

Столъ	отъ	— р.	— к.	до	3 р.	— к.
Лавка	„	— „	— „	„	1 „	— „
Рогачъ	„	— „	— „	„	— „	25 „

2) *Какое приданое взялъ Степанъ (отецъ Ивана) за Акулиной.* Прежде за невѣстой никогда не брали денегъ. Брали за нею ея одежду:—холсты (отъ 5 до 20 холстовъ по 30—35 арш. каждый) 2—5 поневъ, 4—6 рубахъ, 1 или 2 ситцевыхъ сарафана, постель (подушка изъ перьевъ, ватола, т.-е. одѣяло), также разные предметы бабьяго обихода—самопрялка, станъ и т. д., хотя, вообще, на приданое смотрѣли мало, обращая главнымъ образомъ вниманіе на физическія свойства (здоровье) и способность къ работѣ (умѣнье) будущей жены.

Женихъ давалъ невѣстѣ „поклажу“. Рублей 10—15 денегъ, овчинную шубу, поддевку изъ крестьянскаго сукна, коты, валенки, пуда 2—4 муки, мѣру крупъ, 1—2 ведра водки.

Теперь же за невѣстой берутъ деньги (рублей 5 — 10), особенно если она отличается какимъ-нибудь недостаткомъ: глуховата, или косая, или „стара“, т.-е. порядочно старше жениха, или есть про нея слухи, что „гуляла“. Холстовъ въ приданое у невѣсты уже не бываетъ („льны нынѣшніе годы не родятся“ да и невѣсты „не такія пряхи, какъ въ старину“). Зато теперь обращаютъ вниманіе на то, хорошо ли одѣта невѣста, есть ли у нея шерстяные сарафаны, „шаль“, „ботинки“, поддевка изъ тонкаго сукна и т. д. Рубахъ требуется столько же, сколько и прежде. Поневъ уже не носятъ, зато постель лучше прежней: 2 подушки, одна изъ перьевъ, другая „хлопчатая“ (изъ ваты), два одѣяла: ватола и стеганое ситцевое одѣяло. „Поклажи“ невѣстѣ даютъ все меньше и меньше. Иногда одну только шубу, а иногда только рублей 7 денегъ,—вотъ и все.

3) *Изъ кого состояла семья Степана, когда въ нее вступила Акулина?* Изъ свекра и свекрови, еще не старыхъ по годамъ (40 и 42 лѣтъ), деверя лѣтъ 16, тринадцатилѣтней золовки и еще мальчика 2 лѣтъ (деверя).

4) *Средній возрастъ выхода замужъ и женитьбы отцовъ и матерей „Ивановъ“*. Лѣтъ 20—30 тому назадъ выходили замужъ лѣтъ 16—19, женились 18—20. Въ видѣ болѣе или менѣе рѣдкихъ исключеній испрашивали разрѣшенія архіерея женить малаго, не достигшаго еще 18-лѣтняго возраста. Гораздо рѣже выдавали дѣвушекъ 15 лѣтъ. Хотя и опаснымъ считалось для дѣвушки засидѣться въ дѣвкахъ до 20 лѣтъ („обѣгать станутъ женихи“), на дѣвушку, все-таки, смотрѣли въ семьѣ, какъ на рабочую силу, а, слѣдовательно, дорожили ею и не торопились сбыть съ рукъ. Малаго же потому торопились женить, что такимъ способомъ пріобрѣталась для семьи лишняя рабочая сила. Вслѣдствіе всего этого браки между мужчинами 18 лѣтъ и дѣвушками 18—20 лѣтъ не рѣдкость даже и до сихъ поръ. Еще и теперь бываютъ случаи женитьбы 17-лѣтнихъ парней. Всякая баба съ нетерпѣніемъ ждетъ возможности заполучить себѣ „перемѣну“ въ лицѣ молодой невѣстки:

„Ужъ я сына-то качаю,
Перемѣны себѣ чаю;
Ужъ я дочерю качаю
Перепутья себѣ чаю“.

(Перепутье—домъ, куда можно зайти въ гости). Лѣтъ 15—20 тому назадъ мужчина съ усами и бородкой считался уже старымъ, „люди засмѣютъ, ежели за стараго замужъ выйти“. Разумѣется, могли засмѣять люди, ежели и на старой дѣвѣ жениться. Дѣвушки за 20 лѣтъ нерѣдко выходили за вдовыхъ, хотя, въ общемъ, считалось самымъ подходящимъ, чтобы вдовецъ женился на вдовѣ. Такія свадьбы обыкновенно справлялись очень просто, почти безъ гулянья, и въ шутку назывались „кукушечьими свадьбами“ (вдова — горькая кукушка). „Взялъ себѣ вдовецъ-то нашъ хозяйку *къ рабочей порѣ*“.

Теперь выходятъ замужъ лѣтъ 16—25, женятся же 18—27. Рѣже выходятъ замужъ дѣвушки 16 и 23—25 лѣтъ. Мужчины очень часто стали жениться уже по отбытіи воинской повинности.

Для вдовца также считается совсѣмъ „не зазорнымъ“ жениться на „дѣвушкѣ съ прошлымъ“, какъ бы мы сказали.

5) *Насколько развиты физически будущіе отцы и матери (женихи и невѣсты).* Часто весьма мало еще развиты. Есть даже примѣта, что „молодые съ вѣнца подымаются“, т.-е. растутъ послѣ своего бракосочетанія. Вслѣдствіе этого и первыя дѣти родятся слабыми (первые 2—3 ребенка) и обыкновенно не выживаютъ. Это иногда происходитъ и отъ полнаго еще неумѣнія молодой матери обращаться съ маленькимъ ребенкомъ. Молодыя матери также очень часто „засыпаютъ“ дѣтей, т.-е. придушиваютъ ихъ нечаянно во снѣ. Ребенка (до году) мать иногда ночью кладетъ между собою и мужемъ, „чтобы пососалъ“, дастъ ему грудь, заснетъ, навалится на него и придушитъ. Добрая половина бабъ заспала въ своей жизни хоть одного ребенка—чаще всего въ молодости, когда спится крѣпко. За заспаннаго младенца священникъ накладываетъ „эпитемью“.

6) *Какъ часто билъ Степанъ Акулину, какъ и за что?* Въ трезвомъ видѣ билъ рѣдко, въ пьяномъ часто и чѣмъ попало. Вообще замѣчено, что болѣе всего бьютъ женъ пьяницы: бьютъ либо за то, что жена скажетъ что-нибудь „поперекъ“ (упрекнетъ напр. въ пьянствѣ: „опять нализался“, или „нажрался кобель“); бьютъ изъ ревности. Бьютъ и палкой и рогачемъ (ухватъ), и сапогами, и ведромъ и чѣмъ попало—кулаками, пинкомъ. Таскаютъ за косы (черезъ порогъ), такъ что голова только „ту-ту-ту“. — По поводу битья: бьютъ не только жену, но иногда и стараго отца. Въ одной деревнѣ молодой парень убилъ своего отца оглоблей (такъ билъ, что онъ умеръ отъ побоевъ). Въ селѣ Мураевнѣ былъ одинъ случай, что пьяница мужъ убилъ свою жену за „гульбу“. Онъ замоталъ ея косы вокругъ своей руки и билъ головой о порогъ, о лавки и о стѣну до тѣхъ поръ, пока она не впала въ безсознательное состояніе, въ которомъ черезъ день и умерла, не приходя въ себя. — Если мужъ бьетъ жену и при этомъ

сломаетъ или испортитъ тотъ предметъ изъ своего несложнаго инвентаря, которымъ чинилъ расправу, то ему, разумѣется, гораздо болѣе жалко этотъ предметъ, чѣмъ избитую жену. Да и всякая баба гораздо больше будетъ сокрушаться о какомъ-нибудь сломанномъ рогачѣ, чѣмъ о своихъ помятыхъ бокахъ.— Мужъ молодой, убѣдившись, что „молодая“ не цѣломудрена, въ первую же брачную ночь жестоко ее иногда избиваетъ, что служитъ прелюдіей къ дальнѣйшему битью (иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ). Считаютъ долгомъ бить свою жену, если она „принесетъ“ чужого ребенка въ отсутствіе мужа (что чаще всего случается съ солдатками). Если мужъ слабый или болѣзненный, неспособный къ работѣ, то ему нерѣдко достается отъ болѣе сильной, чѣмъ онъ, супруги да еще съ попрекомъ: „Ты-то ничего небось не дѣлаешь, задохлый, а я за тебя и ворочай“.

Пьяный мужъ бьетъ иногда жену, если она откажется исполнить какое-нибудь его приказаніе (снять съ него сапоги, уложить его спать). Достанется также ей, если она откажется лечь съ нимъ спать и т. п. Словомъ, за всякое неисполненіе мужниной воли. Я знала одного мужика, который любилъ, когда онъ бывалъ пьяный, такъ издѣваться надъ женой: „становись, жена, на колѣни, клади голову на порогъ, моя воля, захочу—убью тебя!“ И баба должна была безпрекословно класть свою голову на порогъ, а онъ заносилъ надъ ней топоръ, причемъ маленькія дѣти его обыкновенно подымали плачъ и крикъ. Тогда онъ произносилъ: „дѣтей жалко, а то бы не быть тебѣ живой“, и отпускалъ жену. Если она не слушалась его—билъ ее жестоко (иногда валькомъ по головѣ). Это называется „мудровать надъ женой“ или „надъ женой измываться“.

Другой мужъ, когда бывалъ пьянъ, подпоивъ нѣсколькихъ дѣвушекъ, заставлялъ ихъ пѣть плясовую подъ окномъ своей избы, а самъ принуждалъ свою жену, подъ угрозой избить ее, плясать съ нимъ вмѣстѣ въ избѣ.

7) *Что дѣлаетъ женщина во время беременности.*—Все. И въ домѣ справляетъ всю домашнюю работу и въ полѣ—вяжетъ, полетъ, молотитъ, беретъ конопли, сажаетъ или копаетъ картофель, вплоть до самыхъ родовъ. Иныя женщины рожаютъ не домѣсивъ хлѣбовъ. Иныя родятъ въ полѣ, иныя въ тряской телѣгѣ (почувствовавъ приближеніе родовъ иныя бабы торопятся доѣхать домой). Иная баба, при начавшихся родовыхъ схваткахъ, бѣжитъ домой, „какъ овченка“: приляжетъ во время схватокъ на землю, а какъ боли отпустятъ, опять бѣжитъ, благимъ матомъ: „*какъ овченка* бѣжитъ, трясется“.

8) *Какъ относятся отецъ и мать къ первому ребенку, къ его появленію на свѣтъ. Какъ ко 2-му, 3-му? Что говорятъ въ семьѣ объ ожидаемомъ ребенкѣ. Какъ выражаютъ свою радость и неудовольствіе мать, отецъ и семья.*—Перваго еще ждутъ болѣе или менѣе радостно. Иногда мужъ подшутитъ: „Ты *мнѣ*, пожалуй, и сына родишь, хозяйка“. „Кого еще Богъ дастъ, можетъ и дочерю догадаюсь *себѣ* родить“ (дочь—помога матери, нянька дѣтямъ). „Свекры“ сообщаетъ „сусѣдямъ“: „а молодая-то наша затяжелѣла вѣдь“ (довольнымъ тономъ). Разсуждаютъ, кого позвать въ кумовья. Отецъ, понятно, ждетъ сына. Даже поговорка есть: сынъ—батюшкинъ, дочь—мамушкина. Для матери болѣе или менѣе безразлично, кто будетъ ея первенькій. Къ дочери отецъ относится совершенно равнодушно. Такое же отношеніе, впрочемъ, проявляетъ и ко второму и третьему сыну. Матери же начинаютъ обыкновенно тяготиться уже третьимъ ребенкомъ. Удовольствіе отца по поводу рожденія сына первенца выражается иногда сообщеніемъ о томъ сосѣдямъ: „Анютка-то моя сына принесла“. Либо зазывая кого-нибудь въ кумовья: „выручила меня моя хозяйка—сына принесла“. А дома говорятъ: „молодуха наша мальчикомъ распросталась“. Если мать цѣлуетъ и ласкаетъ ребенка: „радуйся, радуйся на первенькаго-то“. Ласковыя слова матери: „сынокъ мой (или дочка), хорошій мой, золотой, касатикъ, ягодка, дитеночекъ милый“. Если первый ребенокъ дѣвочка,

отецъ относится къ ней совершенно равнодушно. Дома, большею частью, говорятъ объ этомъ съ сожалѣніемъ, развѣ одна изъ женщинъ прибавитъ: „ничего, нянька будетъ“, и всѣ на слѣдующій же день забываютъ о дѣвочкѣ. Если же баба начинаетъ часто родить, то въ семьѣ къ этому, конечно, относятся неодобрительно, не стѣсняясь иногда дѣлать грубыя замѣчанія по этому поводу: „ишь ты, плодливая, обклалась дѣтьми, какъ зайчиха. Хоть бы подохли они, твои щенки-то, трясетъ каждый годъ, опять щенка ошлепетила“, и т. д., и т. д. Замѣчанія эти исходятъ нерѣдко отъ свекрови. Молодого отца, у котораго родилась первенецъ-дочь, товарищи его и вообще другіе мужики на деревнѣ имѣютъ право побить, какъ только онъ выйдетъ на работу. „Зачѣмъ дѣвку родилъ“, и нерѣдко здорово отдуютъ, а онъ ужъ молчитъ, потому, такъ издавна водится.

9) *Роды, крестины.* Иногда бабка при началѣ родовъ, для ускоренія ихъ, втаскиваетъ родильницу въ печь и тамъ паритъ ее. „Свекра“ идетъ за бабкой. Старается выторговать у бабки что-нибудь изъ положеннаго ей вознагражденія (полагается за „принятіе“ младенца — ржаной хлѣбъ, хлѣбъ ситный, такъ называемый „пирогъ“; бумажный платокъ, въ 20 к., и 10 к. деньгами). Бабка не хочетъ согласиться на невыгодныя для нея условія. Свекровь отправляется въ какую-нибудь другую деревню, или въ дальній конецъ села звать другую бабку, свою родственницу, которая возьметъ съ нея дешевле. Зачастую молодая неопытная роженица мучится въ это время совсѣмъ безъ присмотра. Хорошо, если у нея есть по близости родная мать или сестра; эти еще иногда вступятся и не пожалѣютъ для бабки своего хлѣба. Является бабка (зовутъ ее обыкновенно обиняками, чтобы никто, кромѣ нея, не зналъ о начавшихся родахъ, для того, чтобы легче было роженицѣ: „что-жъ это ты, бабка, обѣщалась поглядѣть на мою корову и не идешь?“). Молится: „въ добрый часъ распростаться“. Набираетъ въ ротъ воды, льетъ на руки, мылитъ ихъ, если у хозяевъ есть мыло, и „свидѣтельствуетъ“ роженицу. Если роды медленно подви-

гаются впередъ, обводитъ роженицу три раза вокругъ стола. Либо призываетъ ея мужа и заставляетъ его три раза пройти между ногами стоящей роженицы. Если и это не помогаетъ (собственно, если роды затянутся долѣе сутокъ) служатъ молебенъ, открываютъ Царскія Двери. Для ускоренія родовъ женщина схватываетъ руками брусъ („виситъ на брусѣ"). Если брусъ высоко, то къ нему привязываютъ двѣ покромки и она хватается за нихъ руками. Передъ окончаніемъ родовъ покромки ослабляютъ, такъ что женщина можетъ встать на полъ на колѣни. Иногда женщинѣ приходится такъ долго висѣть на брусѣ, что недѣли двѣ послѣ родовъ у нея болятъ руки. Случается, что младенецъ рождается какъ разъ въ то время, когда она виситъ. Когда младенецъ идетъ „не путемъ", т.-е. впередъ ногами, или согнутый, то нѣкоторыя бабки спускаютъ роженицу съ доски. Широкая доска приставляется наискосокъ къ стѣнѣ и укрѣпляется такъ. На верхъ доски бабка, при помощи мужа, кладетъ навзничь роженицу — головою внизъ. Затѣмъ мужъ и бабка ее отпускаютъ и она быстро катится внизъ головою (мужъ и бабка слѣдятъ, чтобъ она не свернулась на бокъ), отъ такого быстраго движенія и нѣкоторой встряски ребенокъ будто бы „выправляется" и вторично уже можетъ пойти правильно, т.-е. головкой впередъ. По рожденіи ребенка бабка перевязываетъ ему пупокъ льномъ или нитками. Если долго не выходитъ послѣдъ, родильницѣ пихаютъ въ ротъ ея косы (если косы коротки—то пальцы), чтобы она подавилась, что́ будто бы содѣйствуетъ скорѣйшему выхожденію послѣда. Когда послѣдъ выйдетъ, бабка купаетъ младенца и обмываетъ родильницу, при этомъ бабка иногда „расправляетъ" головку младенцу, придавая ей руками болѣе округленную форму. Поправляютъ и носикъ младенца, если онъ, напримѣръ, приплюснутый.

Если младенецъ родится обмершимъ,—дуютъ ему по три раза на темя, между лопатками и на подошвы ногъ, шлепаютъ по задку или откачиваютъ, какъ утопленника. У богатыхъ

бабка пребываетъ иногда дня по три, по четыре послѣ родовъ, кормясь за ихъ столомъ. А у бѣдныхъ ребенокъ уже съ перваго дня совсѣмъ предоставляется матери и ея уходу. Попадаетъ въ грязную люльку, гдѣ подстилкой ему служитъ материнская старая грязная понева. Болѣе опрятныя матери подкладываютъ въ люльку соломку, которую мѣняютъ черезъ день или два. Это однако бываетъ рѣже: „Хорошо,—и на поневѣ полежитъ, не лучше другихъ. Небось другіе не подохли—выросли“. Когда молока у матери не хватаетъ, или когда оставляютъ ребенка одного, даютъ ему соску. Мать, сестра или бабка нажуютъ или картошки, или чернаго хлѣба, или баранку, выплюнутъ въ рѣденькую тряпку, завяжутъ ниткой—и соска готова. Иногда одна и та же тряпица долго употребляется, не прополаскиваясь, причемъ пріобрѣтаетъ противный кислый запахъ. Матери на третій и на четвертый день послѣ родовъ встаютъ и принимаются за домашнюю работу, иногда даже за тяжелую—вродѣ замѣшиванія хлѣбовъ и сажанія ихъ въ печь. Иногда даже на другой день послѣ родовъ родильница уже затапливаетъ печь сама. При такихъ условіяхъ бабѣ, конечно, долго „не можется“ и уходъ за ребенкомъ самый плохой: онъ прѣетъ въ грязной люлькѣ, въ мокрой пеленкѣ, надрывается отъ голоднаго крику, пупокъ у него пухнетъ и болитъ — „грызь“ (грыжа), какъ говорятъ бабы. Родильница, разумѣется, питается все время обычной крестьянской пищей. Иногда у нея является фантазія „огурчиковъ зелененькихъ“, или „яблочковъ“ — бы поѣсть. Фантазію эту родные иногда удовлетворяютъ. Надо сказать, что „сусѣди“ въ такихъ случаяхъ оказываются довольно добродушными и удѣляютъ родильницѣ отъ своихъ огурцовъ, или яблокъ, если у родильницы въ домѣ таковыхъ не оказывается. Былъ одинъ случай что родильница (въ селѣ Мураевнѣ) [1]) такъ объѣлась огурцами, принесенными ей сосѣдкой

[1]) Мураевня—село въ $1^1/_2$ в. отъ имѣнья, въ которомъ О. П. всегда жила

на второй день послѣ родовъ, что вскорѣ умерла.—Крестятъ ребенка обыкновенно на слѣдующій (иногда на третій) день послѣ того, какъ онъ родился. Наиболѣе часто встрѣчающіяся мужскія и женскія имена: Иванъ, Василій, Михаилъ, Алексѣй; Марья, Анна, Авдотья, Акулина, Татьяна. Большею частью священникъ даетъ имена по своему усмотрѣнію. Богатыхъ чаще спрашиваютъ, какъ желаютъ назвать, чѣмъ бѣдныхъ. За крестины платятъ попу 50 коп. и ржаной хлѣбъ. Ржаной хлѣбъ отъ родильницы, а 50 коп. платитъ кумъ. Кума даетъ „ризки“ родильницѣ, аршина 2 дешеваго ситцу и рубашку ребеночку. Къ богатымъ идутъ охотно крестить, а къ бѣднымъ неохотно, потому что „у нихъ угощеніе плохое“. Дѣло въ томъ, что послѣ крестинъ, (происходящихъ обыкновенно послѣ обѣдни), дѣлается „крестильный“ обѣдъ для кумовей: выставляется водка (по достатку), огурцы съ квасомъ, каша, „пирогъ“. У богатыхъ кромѣ того—щи, лапша, блинцы и даже курица. Отца во время этого обѣда кормятъ круто посоленой кашей, приговаривая: „каково солоно было матери родить тебѣ сына (или дочь)—такова и тебѣ будетъ эта каша“.

Крестятъ обыкновенно около 11—12 часовъ. Послѣ этого по зову родителей новорожденнаго (домохозяева собственно), кумъ и кума, а также мать и отецъ родильницы, ея сестры, а иногда братъ идутъ на крестильный обѣдъ. Водку подаютъ сразу. Средній крестьянинъ, въ зависимости отъ урожая, ставитъ водки отъ одной бутылки до цѣлой четверти и даже больше (больше, если случайно окажутся лишнія деньги, которыя можно на это „пропить“, а самъ хозяинъ любитъ выпить) Подносятъ хозяева сначала куму и кумѣ, а затѣмъ и другимъ гостямъ. Поднося, говорятъ „съ крестникомъ“, а кумъ и кума „съ внучкомъ“, если домохозяева дѣдъ и бабка новорожденному, или „съ сыномъ“, если домохозяева отецъ и мать его. Пожеланій никакихъ не высказывается. Только одна бабка, принося кашу говоритъ, обращаясь къ кумовьямъ, „зацѣпимъ кашу на ложки, а крестнику вашему на ножки“. Гости кла-

дутъ на тарелку мѣдныя и мелкія серебряныя деньги на зубокъ родильницѣ. Собственно кладутъ деньги только кумовья, да иногда отецъ родильницы расщедрится и положитъ какую-нибудь монету на тарелку.

Бабка тоже ставитъ (подавая хлѣбъ и „пирогъ“) свое блюдечко на столъ и ей кладутъ копейки, семитки и рѣдко кто пятакъ. Сидятъ за столомъ часовъ до 2—3. Когда водки много — напиваются. Говорятъ о своихъ дѣлахъ, объ уборкѣ, урожаѣ или сѣвѣ, разсказываютъ деревенскія сплетни о сосѣдяхъ и т. п. Родильница тутъ же, въ глубинѣ на лавкѣ (крестины обыкновенно происходятъ на слѣдующій послѣ родовъ день). Шутятъ. Новорожденный кричитъ. Когда ребенокъ очень кричитъ: „Ну ты, коровушка, что же ты свои... спрятала!“ Сестры родильницы иногда встаютъ изъ-за стола и подходятъ къ ней, чтобы спеленать ребенка. Когда уходятъ гости ихъ провожаютъ „съ поклонами“, отецъ новорожденнаго, домохозяева-старики и бабка. Бабка остается у домохозяевъ, такъ какъ въ кругъ ея обязанностей входитъ помочь справить крестильный обѣдъ. Она помогаетъ и убирать послѣ него.

Пѣсенъ на крестильномъ обѣдѣ не принято пѣть.

Когда, окончивъ свои обязанности, бабка уходитъ изъ дому—ей устраиваютъ проводы. Родильница подаетъ тазикъ съ водой, въ которую опущенъ хмѣль. Сначала бабка моетъ руки, затѣмъ родильница, причемъ опускаетъ въ воду 10 коп.—плату бабкѣ. (Омовеніе дѣлается „на легкость родильницѣ“). Этотъ обрядъ называется также „серебреніемъ бабки“. Затѣмъ бабку угощаютъ водкой, даютъ ей полагаемые ей хлѣбъ и пирогъ и прощаются съ ней. Бабка иногда призывается и для леченія младенцевъ. Чаще всего лечитъ „грызь“ и „крикъ откликаетъ“. Для леченія „грызи“ бабка беретъ овсяное „дермо“ лошади, прожимаетъ его сквозь тряпку, смѣшиваетъ съ молокомъ матери и поитъ этимъ ребенка. Крикъ нападаетъ отъ сглазу и его бабка „откликаетъ“ по тремъ зорямъ—двумъ вечернимъ и одной утренней. Для этого она ходитъ съ младен-

цемъ въ поле, становится противъ зари и говоритъ, поклонившись въ сторону зари: „Господи, благослови. Вечерняя заря зарница, красная дѣвица, вечерняя, утренняя, денная, ночная, полуденная, полуночная, часовая, минутная, возьми Ивановъ крикъ,—а ему дай сонъ—здоровье. Аминь“.—Заговоръ повторяется трижды. За заговоръ, или за леченіе бабка получаетъ 1—2 или 1—4 хлѣба. Поносъ „на дѣтяхъ“ лечатъ церковнымъ виномъ, котораго покупаютъ въ церкви на 5 коп. Даютъ его больному ребенку по каплѣ.

Мать идетъ въ поле на работу дней черезъ 5—7 послѣ родовъ, ребенка либо беретъ съ собой, или, если поле близко и можно прибѣжать накормить ребенка, — оставляетъ его на попеченіе „старухи“ или старшей сестры (о томъ какъ няньчатъ сестры—см. дальше). Если мать беретъ ребенка въ поле, то либо просто кладетъ его въ какой-нибудь тряпкѣ на межу, гдѣ его „караулитъ“ сестренка или братишка лѣтъ 5—7, либо, если захватила съ собой въ телѣгу люльку, кладетъ его въ люльку, привязанную къ верху поднятымъ оглоблямъ телѣги. Ребенку до году дается и жвачка: мать, бабка или сестра разжуютъ картофелину, или кусокъ хлѣба—и изъ своего рта перекладываютъ пальцемъ эту жвачку въ ротъ ребенка.

Прежде, въ крѣпостныя времена ходили въ поле черезъ 3 дня послѣ родовъ, а теперь обыкновенно черезъ 5—7 дней. Отъ тяжелой работы, непосредственно вслѣдъ за родами, у рѣдкой бабы не бываетъ въ большей или меньшей степени опущенія матки. Иногда такія опущенія матки („золотника“) принимаютъ очень тяжелую форму, а въ легкой, по мнѣнію бабки, это даже „совсѣмъ“ ничего. „Бываютъ опущенія“ матки даже у дѣвушекъ (очень молоденькихъ) отъ непосильной работы: „животъ сорвала“. Пьютъ отъ этого „киндербальзамъ,—подъемныя капли“. Бабка правитъ животъ, накидывая на него „махотку“, т.-е. горшокъ глиняный. Положитъ бабу на спину, помажетъ ей животъ гущей, опрокинетъ на него горшокъ и подъ нимъ быстро зажжетъ охлопокъ „прядева“. Животъ,

вслѣдствіе этого, втягиваетъ въ горшокъ. Чѣмъ горшокъ меньше, „тѣмъ лучше“. Считается, что послѣ этого матка вправляется на свое мѣсто и животъ перестаетъ болѣть („накидывать махотку“, „править животъ“; плата за это хлѣбъ, 1—2 хлѣба, немного муки, или крупы). Или же бабка паритъ родильницѣ горячимъ вѣникомъ животъ; распаривъ бабка его „поднимаетъ“ руками нѣсколько разъ, чтобы вправить на мѣсто золотникъ.

„Животъ“ бабка еще такъ „правитъ“: помылитъ руки, вправитъ выпавшую матку на свое мѣсто, затѣмъ вдвинетъ во влагалище очищенную картошку, а животъ (низъ его) крѣпко перевяжетъ платкомъ. Иная баба цѣлый мѣсяцъ ходитъ къ бабкѣ и та повторяетъ ей эту операцію, пока получится облегченіе (?). Правятъ животъ и такъ: поставятъ женщину головой внизъ, и бабка при помощи мужа больной встряхиваетъ ее нѣсколько разъ за ноги, „чтобы животъ поднялся“. Послѣ этого животъ опять-таки перебинтовывается. По мнѣнію бабокъ, нѣтъ ни одной женщины, у которой не было бы испорченнаго живота. Одна бабка говорила, что это страданіе развивается у нѣкоторыхъ женщинъ особенно сильно вслѣдствіе пьянства мужей: „иной напьется пьянъ, да всю ночь и лежитъ на женѣ, не выпущаетъ ее изъ подъ себя. А ей-то бѣдной больно вѣдь, иная кричитъ просто, а онъ ее отдуетъ, бока намнетъ—ну и должна его слушаться. А каково подъ пьянымъ, да подъ тяжелымъ лежать...—у иной бабы все наружу выйдетъ—ни стать, ни сѣсть ей“. Многія бабы мнѣ разсказывали, какъ онѣ мучились такимъ образомъ, и несмотря на это, носятъ и родятъ дѣтей.

II.

„Иванъ“ до того, какъ онъ сталъ на ноги.

1) *Какъ няньчила Ивана сестра до году.* (9-ти или 10-лѣтняя дѣвочка). Таскала иногда съ трудомъ на рукахъ, причемъ часто роняла его: „ахъ, батюшки, да какъ же я это

его упустила". Иванъ катился иногда головой внизъ подъ какую-нибудь горку. За крикъ получалъ легкіе шлепки свободной рукой своей няньки либо по лицу, либо по головѣ: „молчи, сукинъ сынъ". Иногда сестренка бросала его на землю „гдѣ помягче", а сама бѣжала къ толпѣ подругъ—„поиграть", половить раковъ въ рѣчкѣ и т. п. Ребенокъ по часу и больше ползалъ въ грязи, запачканный, мокрый, кричалъ, плакалъ. Чтобы онъ замолчалъ, ему иногда давалась въ руки печеная картошка, сырое яблоко, огурецъ и т. п. Иногда онъ пытался переползти высокій порогъ избы, падалъ, ушибался, ссаживалъ себѣ все лицо и т. п. Свою печеную картошку или огурецъ онъ, разумѣется, вываливалъ въ грязи и навозѣ и уже въ такомъ видѣ ѣлъ ихъ, иногда пополамъ съ тѣмъ, что текло у него изъ носу и т. д. Ѣлъ отбросы изъ корыта для свиньи, пилъ изъ этого же корыта, хваталъ руками что попало, „нагадитъ да рукой и хвать". Иногда набивалъ себѣ землею ротъ, глоталъ землю.

2) *Первые проблески сознанія Ивана, первыя слова, которыя онъ произнесъ.* Первое, что онъ началъ сознавать—это, разумѣется, голодъ или сытость, а затѣмъ ласку, баловство, или побои. Первыя слова: „тятя", „мама", „няня" или „баба". Первое стремленіе—это, разумѣется, ухватить что-нибудь, что можно съѣсть. Болѣе всего онъ признавалъ мать, а менѣе всего отца, который обращалъ на него (за исключеніемъ дядей) наименьшее вниманіе изъ всѣхъ членовъ семьи. Я вообще замѣчала, что отцы постарше, несмотря на то, что тяготятся иногда ребятами, въ общемъ ласковѣе съ ними, чѣмъ отцы молодые. Пожилой отецъ или „дѣдъ", напримѣръ, скорѣе смастеритъ ребенку игрушку, чѣмъ молодой отецъ, скорѣе возьметъ его съ собою въ телѣгѣ покататься и т. п. Отцы и матери, возвращаясь съ базара (ярмарки), обыкновенно привозятъ дѣтямъ (маленькимъ) „гостинцы", т.-е. подсолнуховъ или какихъ-нибудь дешевыхъ „жамокъ" или леденцовъ. Дѣти, поджидая родителей съ базара, уходятъ иногда очень далеко имъ навстрѣчу (цѣлой толпой).

3) *Чѣмъ питался онъ къ году.* Молокомъ матери, соской, кашей, хлѣбомъ, картошкой, молокомъ коровьимъ. Заботилась о его воспитаніи почти исключительно мать.

Какъ только у дѣтей выростаютъ зубы они жуютъ и кислыя незрѣлыя яблоки и огурцы

4) *Какъ онъ былъ одѣтъ.* Въ рубашенку; когда мать шла съ нимъ въ гости или къ обѣднѣ, то завертывала его въ одѣяло и надѣвала ему на голову колпачокъ, сшитый изъ лоскутиковъ (дѣвочкѣ надѣвается чепчикъ изъ такого же матеріала).

5) *Чѣмъ онъ хворалъ въ году.* Поносомъ, „грызью", золотушкой (струпья на головѣ); иногда болятъ уши (лѣтомъ часто бываетъ заразное воспаленіе глазъ—эпидемическое). Нерѣдко дѣти „сохнутъ" (рахитъ—англійская болѣзнь). Иногда у очень маленькихъ дѣтей бываетъ лихорадка. Про дѣтскія болѣзни и говорить нечего: коклюшъ („кашель напалъ: закатится, закатится—инда весь посинѣетъ"), жаба или дифтеритъ („глоточку захватило"), корь („корюха"), скарлатина, чесотка. Отъ жестокаго поноса у маленькихъ дѣтей иногда „кишечка" выходитъ. Случается что и маленькія дѣти болѣютъ сифилисомъ, полученнымъ отъ родителей, бываютъ и случайныя зараженія этой болѣзнью. Бабки лѣчатъ дѣтскій поносъ такъ: берутъ ребенка за ноги и трясутъ его головой внизъ. „Ребенокъ покричитъ, покричитъ,—да иногда и полегчаетъ ему съ этого". Отъ „грызи"—бабка грызетъ ребенку нѣсколько дней подъ рядъ пупокъ, или „припускаетъ къ пупку мышь" (смазавъ пупокъ тѣстомъ). Я знаю случай, когда ребенокъ умеръ отъ такого лѣченія. Или прикладываютъ къ пупку полынь. Лѣчатъ еще „грызь" такъ: поставятъ ребенка на ножки (придерживая его, чтобы не упалъ) у притолки и замѣтятъ на какой высотѣ притолки приходится его пупочекъ, затѣмъ это мѣсто на притолкѣ просверливаютъ буравчикомъ.—Золотуху лѣчатъ чередой (Bidens tripartita)—поятъ ею дѣтей и купаютъ въ настоѣ изъ нея. „Откликаютъ крикъ", носятъ подъ нашесть къ курамъ. За лѣченіе бабка беретъ всѣмъ—и хлѣбомъ, и мукой, и крупой, и деньгами, и

мыломъ, только тѣстомъ не беретъ. „Младенческая“ (родимчикъ, судороги, воспаленіе мозга): крестьяне убѣждены, что у каждаго человѣка въ дѣтствѣ должна быть младенческая. У нѣкоторыхъ дѣтей „младенческая“ бываетъ, будто бы, во снѣ, такъ что даже замѣтить ее трудно, и это самая благополучная „младенческая“. По мнѣнію крестьянъ, ребенка очень опасно испугать во время „младенческой“: „бываетъ, что и слѣпые, и глухіе, и глупые отъ этого остаются“. „Извѣстно, съ чего дѣти мрутъ,—съ поносу, да съ „младенческой“ говорила мнѣ одна баба.

III.

„Иванъ“ на ногахъ. Дѣтство.

1) Всталъ онъ „дыбочки“ около году и 2 мѣсяцевъ.

2) *Какъ его няньчила сестра, когда онъ сталъ ходить, какъ няньчила мать.* Какъ и прежде, онъ часто оставался подъ призоромъ сестры. Няньчила она его такъ же, какъ и прежде, съ тою только разницей, что стала давать ему болѣе основательные пинки за разныя провинности—въ родѣ крика, замазанной рубашки и т. п. Когда онъ, бывало, запачкается до неузнаваемости, сестра сниметъ съ него рубашечку и посылаетъ къ лужѣ или пруду вымыться. Иванъ шелъ и съ такими же голыми ребятишками, какъ онъ, барахтался въ водѣ у берега, солнце обжигало ему спину, и когда онъ голый прибѣгалъ опять къ сестрѣ, то въ награду за свое послушаніе на него опять надѣвалась рубашка, успѣвшая уже нѣсколько просохнуть на какомъ-нибудь шесткѣ. Мать обмывала его сама, когда бывала дома, стирала его рубашенку, иногда зашивала ее, искала у него въ головѣ вшей, давала хорошіе куски (сравнительно съ тѣми, которые онъ получалъ отъ сестры) и за это онъ, разумѣется, болѣе всѣхъ льнулъ къ матери. Ребята,

лѣтъ 4—6, иногда объѣдаются бѣленой и пасленомъ (Solanum nigrum, по-крестьянски—„бзника“).

Бываютъ случаи, что маленькія дѣти, за которыми не усмотрятъ, подходятъ сзади къ лошади и хватаютъ ее за хвостъ или стегаютъ хворостиной, за что платятся подчасъ совершенно изуродованнымъ лицомъ—выбитыми зубами, испорченнымъ глазомъ. Такія же маленькія дѣти въ отсутствіе родителей бываютъ причиной пожаровъ: утащатъ пачку „сѣрничковъ“ и разведутъ костеръ гдѣ-нибудь на задворкахъ, у угла риги, глядишь, и вся деревня сгоритъ.

3) *Когда онъ научился лазить и гдѣ лазилъ.* Часто начинаютъ лазить уже съ 2 лѣтъ. Сначала на „задникъ“ (лавка), а потомъ и черезъ ворота и плетни. Падаютъ головой внизъ, ушибаются. Самые маленькіе ребята всползаютъ иногда съ лавки на окно и выпадаютъ изъ оконъ. Ребята постарше забираются на риги, на деревья, причемъ дѣло иногда не обходится безъ ушибовъ. За такія проказы дѣтямъ достается отъ старшихъ.

4) *Первыя бранныя слова, первыя драки.* Научился имъ Иванъ, отъ старшихъ братьевъ и сестеръ очень рано, когда еще не умѣлъ произносить связныхъ фразъ. „Сукой“ сталъ называть мать, когда она ему въ чемъ-нибудь отказывала—къ потѣхѣ всей семьи и даже самой матери, поощрявшихъ его въ такихъ случаяхъ. „Продувной-то какой, ишь шельма“; „такъ ее такъ, ее (мать), зачѣмъ тебя не слушаетъ“. Матери очень наивно иногда хвастаются способностями своихъ совсѣмъ малолѣтнихъ дѣтей: „И какой атаманъ—вѣдь сукой уже меня называетъ“; „атаманить“ значитъ буянить, затѣвать какія-нибудь проказы, руководить ими. Мать онъ иногда билъ по переднику какой-нибудь хворостинкой—тоже къ немалому удовольствію старшихъ. Драться съ другими дѣтьми тоже началъ какъ только сталъ на ноги. Къ этому его тоже поощряли, особенно, если онъ одолѣвалъ другого младенца. Что касается до бранныхъ словъ, то дѣти, начиная съ самыхъ маленькихъ, знакомы почти

со всѣмъ репертуаромъ крестьянскихъ бранныхъ словъ. Нечего говорить, какъ мальчикъ лѣтъ 7—12 и даже дѣвочки того же возраста „ругаются", какія слова употребляютъ во время своихъ игръ (когда повздорятъ). „Кобель, сука, сволочь, блядь"—очень употребительныя дѣтьми ругательства.

5) *Его костюмъ и внѣшность, когда онъ сталъ на ноги.* Костюмъ состоялъ изъ посконной, или холщевой рубашенки, либо „въ роспускъ", либо подпоясанной подъ брюхомъ какой-нибудь „оборкой". Волосы бѣлые (разумѣется непричесанные), остриженные въ кружокъ. Ноги босыя, съ присохшей къ нимъ коркой чернозема. Къ причастію мать надѣвала на Ивана рубашку почище—изъ домашней синей холстины (крашенины) и тщательно подпоясывала его. На ноги—чулки изъ шерсти и башмачки изъ сукна (бахилки). Голову мазали ему масломъ коровьимъ или постнымъ. Когда ребенку минуло года 2, надѣвались и портки—тоже изъ домашняго матеріала „тяжина". Постоянно ходить въ порткахъ мальчикъ начинаетъ лишь съ 8—10 лѣтъ. Маленькія дѣвочки ходятъ дома тоже только въ однѣхъ холщевыхъ, но только длинныхъ рубахахъ—и непремѣнно подпоясанныя. Очень рано (лѣтъ съ 2 уже) стремятся къ тому, чтобы „подвязаться платкомъ" (голову). По праздникамъ на нихъ надѣвается ситцевый сарафанъ. Дѣвочки лѣтъ съ 10 носятъ уже обыкновенно (даже и дома) шерстяную домотканную юбку. На дѣвочекъ тоже при случаѣ надѣваютъ шерстяные чулки и бахилки.

6) *Какъ и за что била его мать и отецъ. Наказаніе за проказы.* Били его за крикъ, за то, что вываляется въ грязи, или стащитъ какой-нибудь кусокъ. За драку и ложь, за скверныя слова не били. Отецъ болѣе билъ за воровство, а мать за крикъ или порчу костюма. Били рукой, кнутомъ и хворостиной, драли за уши и за вихры. „Подожди, ужо я надеру тебѣ виски-то".

Всѣ проказы 2—3-лѣтняго ребенка сводятся къ порчѣ костюма, или воровству чего-нибудь съѣстного, что̀ сейчасъ же

можно положить въ ротъ. Получалъ онъ и подзатыльники, если подвертывался некстати подъ ноги или мѣшалъ какому-нибудь дѣлу взрослыхъ людей. Былъ онъ, впрочемъ, очень увертливъ и умѣлъ во-время отскочить и убѣжать подальше отъ щелчка, ему предназначавшагося. Били за то, что залѣзетъ куда-нибудь, откуда можетъ упасть и ушибиться. Одинъ 4-лѣтній мальчуганъ, проникшись очевидно идеей, что онъ можетъ замѣнить курицу, сѣлъ на куриное гнѣздо съ маленькими цыплятами. Мать, найдя его тамъ, должна была прибѣгнуть къ хитрости, чтобы не испугать его, иначе онъ всѣхъ цыплятъ бы могъ отъ страху „подавить“. „Ишь насѣдка у меня какая хорошая“. Ребенокъ далъ къ себѣ приблизиться и снять себя съ гнѣзда, послѣ чего ему, разумѣется, досталось и веревкой и за вихры. Одинъ разъ нѣсколько крестьянскихъ ребятъ влѣзли на самый верхъ риги. Отецъ, чтобы не напугать ихъ (отъ страху они могли упасть съ риги), сталъ ихъ звать „чай пить“ (чай пьется рѣдко); ребята, разумѣется, тотчасъ же слѣзли благополучно съ риги и вмѣсто чаю получили „вожжи“.

7) *Лгать когда научился, чему научился отъ сверстниковъ.* Очень рано, какъ только понялъ за что его бьютъ. За ложь его не преслѣдовали совсѣмъ. Лгалъ онъ, разумѣется, только изъ самообороны, и нерѣдко для того, чтобы выиграть время и удрать отъ родительскаго гнѣва, — сваливалъ свою провинность на какого-нибудь „сусѣдскаго“ Алешку и удиралъ благополучно, пока мать разыскивала мнимаго воришку. Онъ прекрасно зналъ, какъ остываетъ родительскій гнѣвъ, если исчезнуть съ глазъ долой на нѣсколько часовъ. Для того, чтобы увѣрить родителей въ своей мнимой невиновности, самые маленькіе клопы очень основательно божатся. Съ достовѣрностью можно сказать, что ребенокъ научается лгать отъ страха быть побитымъ.

IV.

„Иванъ“ въ томъ возрастѣ, когда отъ него впервые потребовались домашнія услуги (7—11 лѣтъ) и „Иванъ“ подростокъ.

1) *Что думаетъ ребенокъ о старшихъ: о трудѣ ихъ, сожительствѣ отца съ матерью, пьянствѣ, дракахъ, о сельскомъ начальствѣ, о докторѣ, знахаркахъ, какъ относится къ отцу, матери, братьямъ старшимъ и младшимъ.*

Маленькія дѣти въ крестьянскомъ быту очень скоро развиваются. Какой-нибудь десятилѣтній малышъ сплошь и рядомъ разсуждаетъ какъ взрослый. Это, разумѣется, объясняется несложностью крестьянскаго обихода главнымъ образомъ, затѣмъ—участіемъ ребенка во всѣхъ почти работахъ и во всѣхъ событіяхъ крестьянской жизни, гдѣ все налицо. Взрослые не стѣсняются все говорить при ребятахъ, напиваться и драться при нихъ. Испытывая уже съ малыхъ лѣтъ голодъ, ребенокъ рано научается понимать цѣнность вещей. Онъ прекрасно понимаетъ, что̀ это значитъ, когда отецъ тащитъ деньги въ кабакъ и какъ это на немъ (ребенкѣ) отзовется. Нерѣдко ребенокъ попрекаетъ своего отца или мать, и если не всегда это дѣлаетъ, то только изъ боязни быть побитымъ. Видя, что грубая сила постоянно торжествуетъ, онъ самъ уже очень рано начинаетъ признавать эту силу (какъ право). Если отецъ бьетъ мать, то онъ, разумѣется, жалѣетъ мать, но не съ той точки зрѣнія, что отецъ *неправъ а мать права.* Жалѣетъ онъ мать либо безотчетно, либо потому, что „того и гляди убьетъ ее батя“. А лишиться матери—самое ужасное несчастье для ребенка. Скорѣе мать выроститъ своихъ дѣтей, нежели отецъ. Мать ужъ будетъ биться какъ рыба объ ледъ, а подниметъ своихъ дѣтей на ноги, выроститъ себѣ помощника сына. Что же касается до отца, то онъ замѣчательно безпечно относится къ своимъ дѣтямъ-сиротамъ. Нѣтъ несчастнѣе дѣтей, какъ дѣти безъ матери. Для отца ихъ какъ будто бы не существуетъ,

а мачихи бьютъ и обижаютъ ихъ На сельское начальство, докторовъ и знахарокъ ребенокъ смотритъ глазами старшихъ. Нѣтъ спеціально *дѣтской* точки зрѣнія на нихъ. Если ребенка спросить, „для чего поставленъ земскій начальникъ“?—онъ отвѣтитъ: „чтобы мужиковъ смирять“. Въ нѣкоторыхъ глухихъ деревушкахъ, далекихъ отъ земскаго пункта, ребенокъ знаетъ одного только урядника, и при прекрасномъ знаніи отцовскихъ нуждъ, земскій начальникъ, становой, губернаторъ—сливаются для него во что-то общее. Младшихъ своихъ братьевъ ребенокъ не прочь обидѣть, а старшихъ братьевъ онъ боится. Самыхъ маленькихъ—годовалыхъ онъ все-таки „жалѣетъ“ и нерѣдко дѣлится съ ними яблокомъ, пряникомъ, огурцомъ.

2) *Первыя обязанности и порученія, даваемыя Ивану.* Первыя порученія заключаются въ присмотрѣ за младшимъ братомъ или сестрою. Какъ и сестру, брата иногда заставляютъ качать люльку. Сами старшія сестры очень любятъ свалить свою обязанность на младшаго брата, чтобы убѣжать къ подругамъ. Почти на моихъ глазахъ старшая сестра, дѣвочка лѣтъ 12, убѣжала къ подругамъ и въ избѣ въ люлькѣ бросила свою больную поносомъ 10 мѣсячную сестренку на попеченіе двухъ мальчишекъ, 5 и 6 лѣтъ. Ребятишки такъ раскачали люльку, что ребенокъ вылетѣлъ изъ нея, ударился головою о камень въ земляномъ полу избы и тотчасъ же умеръ. Затѣмъ, маленькому Ивану давали иногда и непосильныя обязанности, въ родѣ того, чтобы принести тяжелое ведро воды изъ колодца и т. п. Онъ пасъ отцовскую лошадь. У нашихъ крестьянъ не существуетъ обычая, чтобы былъ одинъ табунщикъ для лошадей всей деревни, а каждый домохозяинъ „кормитъ“ свою лошадь по пару, по оврагамъ и рубежамъ самъ, т.-е. посылаетъ ее пасти 7—11 лѣтняго мальчугана. Разумѣется, при такой пастьбѣ, всѣ деревенскіе мальчишки собираются вмѣстѣ „въ одинъ гуртъ“ и проказятъ. Любимыя проказы—отыскиваніе птичьихъ гнѣздъ (яйца пекутъ въ кострѣ), собираніе грибовъ, орѣховъ и ягодъ въ чужомъ лѣсу, а иногда

всѣ ребята цѣлой толпой, оставивъ съ лошадьми, по взаимному соглашенію, двухъ какихъ нибудь мальчишекъ, пробираются въ помѣщичій садъ и воруютъ тамъ яблоки, или на огородахъ („задахъ“) деревни обезглавливаютъ всѣ подсолнухи, набиваютъ себѣ пазухи огурцами и т. п. Разъ такіе мальчики стащили цѣлаго гуся у мельника и, зарѣзавъ его, изжарили на кострѣ и съѣли. Часто таскаютъ и жарятъ утокъ. Дѣвочки также пасутъ скотину, а именно телятъ. У насъ телята пасутся отдѣльно отъ коровъ, и каждый дворъ обязанъ по очереди по одному дню пасти мірскихъ телятъ. Иногда пасутъ и женщины, но, въ большинствѣ случаевъ, онѣ посылаютъ за себя дѣвочку лѣтъ 9—12. Такъ какъ телята обыкновенно пасутся недалеко отъ деревни (въ какой нибудь лощинкѣ или просто на выгонѣ), то за дѣвочкой-пастушкой обыкновенно увязывается нѣсколько ея товарокъ. Такія дѣвочки, разумѣется, ведутъ себя скромнѣе мальчиковъ, затѣваютъ иногда какую-нибудь игру (въ горѣлки) или шьютъ себѣ что-нибудь, иногда и пѣсни поютъ. Мальчики-пастушки никогда почти не сходятся съ дѣвочками, развѣ, чтобы ихъ подразнить и попугать.—Если среди пасущихъ лошадей попадаются мальчишки лѣтъ 14—16, то они „озорничаютъ“ еще пуще маленькихъ ребятъ, такъ „озорничаютъ“, что взрослой дѣвочкѣ „стыдно бываетъ даже пройти мимо нихъ“, такими шутками и словечками они ее привѣтствуютъ. Курятъ „цыгарки“ изъ обрывковъ бумаги. Курить начинаютъ иногда чуть ли не съ 8 лѣтъ. Табакъ для такихъ цыгарокъ покупаютъ въ мелочной лавочкѣ, или кабакѣ на сворованныя у матери яйца, лѣтъ 16-ти, 17-ти. Прежде (лѣтъ 25 тому назадъ) курили трубки, а теперь курятъ „цыгарки“. Курятъ табакъ—махорку, покупаемую въ лавочкѣ, въ селѣ по 3 коп. за осьмушку. Тамъ же покупаютъ и бумагу (разную, старую, большею частью печатную). Бумагу и такъ иногда добываютъ „округъ барскихъ дворовъ“. Средній мужикъ употребитъ на куреніе рубля 3—$3^1/_2$ въ годъ.

Дѣвочекъ и мальчиковъ лѣтъ 7—10 посылаютъ иногда загнать скотину, пощипать для коровы травы; посылаютъ также въ кабакъ за виномъ. 7—11-лѣтніе мальчики возятъ снопы, берутъ картошку. Дѣвочки—во-первыхъ няньки, затѣмъ помогаютъ и въ полѣ: полютъ, берутъ картошки, носятъ взрослымъ питье во время рабочей поры. Полоскаютъ бѣлье. Учатся шить и прясть, мять ленъ и коноплю. Ходятъ за водой. Между прочимъ, лѣтомъ дѣти ужасно любятъ цѣлой компаніей купаться въ рѣчкѣ. Выбираютъ мелкое мѣсто и цѣлый день ихъ не вытащить изъ воды. Купаются чуть не съ апрѣля и до сентября. Дѣвочки такія же охотницы до купанья, какъ и мальчики и нерѣдко купаются вмѣстѣ съ мальчиками, которые однако не прочь подразнить ихъ, утащить ихъ рубашки и сарафаны и спрятать въ кусты и т. п. Нерѣдко дѣти такъ долго купаются, что матерямъ приходится ихъ выгонять изъ воды крапивой, или хворостиной.

3) *Обращеніе Ивана и его семьи съ животными* (собаками, кошками, примѣры обычной жестокости къ нимъ).

Обращеніе съ животными, конечно, довольно жестокое. Жалѣютъ лошадь, или корову главнымъ образомъ, какъ рабочую силу и цѣнность. Подъ пьяную руку это не мѣшаетъ мужику срывать свой гнѣвъ на лошади, когда онъ разсердится: колотитъ ее по бокамъ и по мордѣ, если она не въ силахъ сдвинуть возъ и т. д. Нечего и говорить ужъ про собакъ и про кошекъ: это животныя не цѣнныя, а потому съ ними совсѣмъ не церемонятся, да они и менѣе полезны, даже мучаютъ ихъ такъ себѣ, изъ удовольствія посмотрѣть, что изъ этого будетъ. Ребятишки любятъ бросать кошекъ, маленькихъ щенятъ, если поймаютъ, въ воду и смотрѣть выплывутъ ли они. „И тебѣ не жалко?“—„Чаво тамъ жалѣть,—чтожъ это не человѣкъ вѣдь, а песъ, собака“!

Вотъ маленькій разсказъ довольно характерный (въ немъ сказываются двѣ стороны „Ивана“ ребенка). Одинъ мальчикъ лѣтъ 8 подобралъ гдѣ-то щеночка и когда мать (мать его

была вдова) запретила ему держать его, то онъ пряталъ его въ какой-то ямѣ, на гумнѣ, и носилъ ему туда нерѣдко свой хлѣбъ (дѣлился съ нимъ своей пищей). Въ свое время щенокъ, оказавшійся сучкой, проявился на свѣтъ Божій. Мать посмотрѣла на это сначала сквозь пальцы, но когда къ сучкѣ стали сбѣгаться кобеля, то она стала выходить изъ терпѣнія и разъ при другихъ мальчикахъ сказала своему сыну; „Повѣсь свою сучку, дуракъ, не то собаки насъ самихъ съѣдятъ“. Мальчики подхватили это и стали разсуждать о злости кобелей, когда они „бѣгаютъ“, и слово за слово стали поддразнивать Ѳедьку, что и гдѣ же ему повѣсить сучку, когда она окружена кобелями, которые, конечно, разорвутъ всякаго, кто подойдетъ къ сучкѣ! И довели до бѣлаго каленія Ѳедькино самолюбіе. „Я-то не повѣшу? Ничуть я не боюсь вашихъ кобелей!“ — „Такъ и повѣсь, тогда мы и повѣримъ!“ и. т. д. Совершенно раззадоренный, Ѳедька взялъ веревку, поймалъ сучку и на веревкѣ повелъ ее къ „лозинамъ“, которыя росли около рѣчки. Ребята шли за нимъ, равно какъ и „кобели“. По дорогѣ они, конечно, продолжали его подзадоривать. У рѣчки мальчикъ вздернулъ маленькую тщедушную собачонку на вѣтку. Но гнилая веревка скоро оборвалась и еще живая собаченка сорвалась внизъ, стала барахтаться въ рѣчкѣ. Раздался ребячій смѣхъ. Совсѣмъ ужъ внѣ себя и отъ смѣху и отъ неудачи, Ѳедька схватилъ пригоршню камней на берегу и добилъ ими въ водѣ полуживую собачонку, ту, съ которой онъ въ свое время дѣлился своимъ хлѣбомъ. Ему впрочемъ стало жалко собаки,—когда онъ добилъ ее—и онъ ушелъ домой. „Ты куда же, Ѳедька?“— „Да чаво жъ тамъ смотрѣть-то!“ (сердито). А остальные мальчишки довольно безжалостно любовались, (лучше сказать „любопытствовали“), какъ одинъ изъ кобелей бросился въ воду, вытащилъ оттуда мертвую собаку и поволокъ ее по огородамъ...

Во время пахоты крестьяне ужасно любятъ ругать свою лошадь. Для лошади это, конечно, безвредно—и потому ужасно

комично слышать со стороны градъ сквернымъ словъ, сыплющихся на какого-нибудь меренка или кобыленку. „Но, но, гнида“. „Пошевеливайся, идолъ“—„У-у ты, діаволъ, гнилой, дермо с . . . е“. и т. д. Ругаются въ такихъ случаяхъ со смакомъ, съ захлебываніемъ, съ наслажденіемъ и, вѣроятно, иногда съ самозаслушиваніемъ. Ругать животное, конечно, не грѣхъ, или почти не грѣхъ.

4) *Дѣтское представленіе о мірѣ Божіемъ.*

Въ сущности мало разнится отъ представленія взрослыхъ,—развѣ только въ томъ, что у ребенка большую роль играетъ родительская власть. Ребенокъ, конечно, не можетъ себѣ представить, какъ можно жить безъ этой власти, которая можетъ всегда покарать его, можетъ побить, можетъ и накормить. (Даже матери бьютъ своихъ сыновей). Свою зависимость отъ родителей маленькіе Иваны, конечно, очень чувствуютъ. Наши дѣти не въ меньшей зависимости отъ родителей, чѣмъ крестьянскія, но, благодаря постоянной сытости, чувствуютъ это менѣе.—Что касается до властей, до мірского устройства, до природы, то всякій 10-лѣтній ребенокъ знаетъ все это не менѣе старшихъ, находясь постоянно среди нихъ, присутствуя при сходахъ и т. п. Что касается природы, то маленькіе Иваны имѣютъ еще болѣе досуга наблюдать ее. Изъ всего этого, мнѣ кажется, легко вывести дѣтское представленіе о мірѣ Божіемъ.—Разумѣется какъ и всегда, дѣтямъ многое кажется страшнѣе и грандіознѣе чѣмъ взрослымъ: нѣкоторыя явленія природы (гроза, буря), до Бога и Ильи пророка включительно, пожары и т. п., все это представляется и крестьянскому ребенку страшнѣе, чѣмъ взрослому. И точно такъ же, какъ наши дѣти, маленькіе Иваны чувствуютъ облегченіе всѣхъ страховъ возлѣ матери или отца. Можетъ быть у крестьянскихъ ребятишекъ побольше страховъ, благодаря разсказамъ объ оборотняхъ, вѣдьмахъ, домовыхъ, лѣшихъ, которымъ вѣрятъ сами взрослые, но и тутъ, подъ крыломъ матери или старшихъ, маленькіе Иваны чувствуютъ себя болѣе или менѣе въ безопас-

ности. „Молчи, молчи, не кричи,—я тебя не дамъ“—постоянное утѣшеніе матери или отца, когда ребенокъ объятъ страхомъ и плачетъ. У пьяныхъ и жестоко бьющихъ ихъ родителей бываютъ, разумѣется, очень запуганныя дѣти, такія, какихъ у насъ не бываетъ. Затѣмъ крестьянскій ребенокъ всегда недовѣрчивѣе, когда его чѣмъ-нибудь манятъ (даже къ своимъ родителямъ), подозрѣвая за лаской какую-нибудь каверзу. Въ своемъ мѣстѣ было уже разсказано, какъ родители, боясь, чтобы ребенокъ не убѣжалъ, подманиваютъ его съ тѣмъ, чтобы проучить за что-нибудь.

5) *Дѣтскія игры, ихъ описанія.* Въ возрастѣ до 10 лѣтъ мальчики и дѣвочки играютъ иногда вмѣстѣ. Излюбленныя игры—горѣлки, плетень, рѣдька. *Плетень*: Дѣти становятся въ рядъ и сплетаются руками (плетень). Къ крайнему мальчику подходитъ мальчикъ или дѣвочка, изображающая собою „поджигателя“. „Ванька, дай мнѣ огоньку“. Иногда Ванька не даетъ. Тогда она идетъ къ другому концу: „Аниска, дай огоньку“. Дѣвочка протягиваетъ деревянную палочку, изображающую спичку. Дѣвочка ходитъ съ нею передъ плетнемъ, потомъ вдругъ дѣлаетъ видъ, что чиркаетъ спичкой и поджигаетъ съ одного конца плетень, а сама обращается въ бѣгство. Плетень расплетается, и всѣ ее ловятъ, а когда поймаютъ, то бьютъ. *Рѣдка*: Дѣти садятся на корточки другъ за дружкою, длиннымъ рядомъ, держась руками каждый за поясницу другого. Кто-нибудь идетъ „рѣдьку дергать“. Подходитъ къ первому въ ряду со словами: „дай, бабка, рѣдечки“, беретъ его за руки и старается поднять на ноги, въ то время, какъ слѣдующій ребенокъ придерживаетъ его сзади за поясницу, не давая его поднять. Изображающій рѣдьку говоритъ: „Трудно меня вытащить, подкопай меня“; ребенокъ беретъ палочку, „окапываетъ кругомъ рѣдьку“. Но опять рѣдьку не вытащить. „Рѣдька“ говоритъ: „Полей меня“. Ребенокъ приноситъ въ какомъ-нибудь черепкѣ воды и льетъ на рѣдьку (при общемъ смѣхѣ). Далѣе: „Раскачай меня“ и т. д., наконецъ, рѣдька

вытащена, тогда ребенокъ принимается за другую. Если осилитъ всѣ рѣдьки, то онъ (или она) „молодецъ“ (хотя руки послѣ такого упражненія и болятъ цѣлый день). *Игра „въ шаръ“* (играютъ мальчики постарше, лѣтъ 10—12): Мальчики становятся въ кружокъ (кругъ). Передъ каждымъ ямочка, въ рукахъ каждаго палка. Въ серединѣ круга мальчикъ тоже съ палкой и съ шаромъ, грубо сдѣланнымъ изъ дерева. Онъ старается загнать шаръ въ ямку котораго-нибудь изъ мальчиковъ, а тѣ отбиваютъ шаръ. Если удастся загнать шаръ въ ямку котораго нибудь изъ мальчиковъ, то онъ мѣняется съ нимъ мѣстомъ, а тотъ идетъ загонять шаръ. При этой игрѣ очень больно иногда достается голымъ ногамъ мальчугановъ (шаромъ или даже палкой)— и дѣло иногда кончается общимъ побоищемъ. Дерутся также „на кулачки“—иногда очень жестоко,—до крови избивая другъ друга, борются. Дѣвочки въ шаръ не играютъ и на кулачки, разумѣется, не бьются. Очень любятъ играть въ тряпичныя куклы, которыхъ онѣ заставляютъ то быть „*господами*“, *бьющими своихъ работниковъ*, то „вѣнчаютъ“ двухъ куколъ и т. п. Дѣтскія игрушки очень просты. Отцы дѣлаютъ маленькимъ ребятишкамъ деревянныя телѣжки, въ которыхъ старшіе катаютъ младшихъ, а дѣвочки—куколъ изъ тряпицъ. У мальчиковъ кнуты. На ярмаркѣ покупаются глиняные свистки въ видѣ пѣтушковъ и т. п. Мальчики иногда играютъ въ лошадки. Зимой любимое занятіе—катаніе на ледянкахъ и салазкахъ съ горъ. Для дѣвочки, собственно говоря, лучшая забава—новый нарядъ. Иную отъ земли едва видно (года 3), а подаришь ей башмаки или платочекъ, такъ она „даже на ночь съ ними не разстается“. Всякая дѣвочка всегда гораздо болѣе оцѣнитъ новый сарафанъ, чѣмъ самую нарядную куклу.—Щелкающіе кнуты.

6) *Отношенія дѣвочекъ и мальчиковъ. Какъ понимается ребятишками различіе половъ и какъ рано это пониманіе проявляется.* Очень часто старшіе начинаютъ въ шутку называть совсѣмъ маленькихъ ребятишекъ „невѣстой и женихомъ“. Дѣти съ

самыхъ малыхъ лѣтъ присутствуютъ при сговорахъ, свадьбахъ. Съ другой стороны, очень рано усвоиваютъ матеріальную сторону своего быта: отецъ „хозяинъ“, мать „хозяйка“, отецъ главенствуетъ надъ матерью, а у матери такія и такія-то обязанности и работы. И всякій ребенокъ поэтому отлично понимаетъ, что дѣвочки будущія „невѣсты“, а мальчики „женихи“. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ еще до сихъ поръ держатся обычая „просватывать“ совсѣмъ маленькихъ дѣвочекъ (лѣтъ 12—14) за соотвѣтствующихъ имъ по возрасту мальчиковъ,—Ольхи, Заболотье [1]). Выпиваютъ вино. Родители жениха и невѣсты называютъ другъ друга сватомъ и свахой и ходятъ въ гости другъ къ другу. Теперь ужъ такіе сговоры нерѣдко разстраиваются, когда женихъ и невѣста дѣлаются взрослыми. А нѣтъ, такъ 14—15 лѣтъ „невѣста“ и 16 лѣтъ „женихъ“ начинаютъ сожительствовать вмѣстѣ до своего совершеннолѣтія. Случается это, разумѣется, послѣ какой-нибудь „улицы“.

7) *Какъ наказываютъ 7—11-лѣтнихъ ребятъ ихъ родители и за что преимущественно.* Какъ уже говорилось, за воровство и разныя проказы, либо грозящія ушибомъ самому ребенку, либо убыткомъ въ хозяйствѣ (нечаянный поджогъ, пролитое молоко, разбитая посуда и т. п.), наказываютъ главнымъ образомъ битьемъ (веревкой, хворостиной, крапивой, кулакомъ, пинками, драньемъ за уши и за волосы). Иногда не даютъ въ наказаніе поѣсть за обѣдомъ, или за ужиномъ. Очень небольшихъ ребятъ (лѣтъ 4) привязываютъ на нѣсколько часовъ веревкой къ столу или къ лавкѣ.

8) *Какъ и когда рѣбенокъ услышалъ о Богѣ, святыхъ и пр. и что они по его представленію значатъ, — добрые они или злые, или страшные, всегда ли вмѣшиваются въ людскую жизнь и дѣла. Какое отношеніе имѣютъ къ нему?* До 2, иногда до 3 лѣтъ ребенокъ не имѣетъ представленія о Богѣ, а затѣмъ уже начинаетъ понимать, что образа въ углу избы „Богъ“. Подражая старшимъ, крестится на нихъ. Лѣтъ

[1]) Ссылка на два села Данковскаго уѣзда Ряз. губ.

въ 7 иногда съ грѣхомъ пополамъ выучится читать „Отчу“ или „Богородицу“. Бываютъ, впрочемъ, бабы, которыя всю жизнь свою не знаютъ толкомъ „Отчи“. Первыя слова о Богѣ, которыя слышитъ ребенокъ, это, разумѣется, тѣ, что „Богъ накажетъ“, поэтому Богъ представляется ребенку прежде всего грознымъ. Первый святой, котораго онъ узнаетъ—это, кажется, „Илья пророкъ“, и ребенокъ уже очень рано начинаетъ креститься во время грома, чтобы „онъ батюшка“ не убилъ его. На исповѣди, къ которой отправляются дѣти, начиная съ 6—7 лѣтъ, священникъ тоже пугаетъ его наказаніемъ Божіимъ. Впрочемъ, подрастая и начиная принимать участіе въ пастьбѣ скота, общихъ проказахъ съ другими дѣтьми или поступая въ школу, ребенокъ довольно быстро заражается „вольнодумствомъ“. Сколько разъ приходилось изъ дѣтскихъ устъ слышать фразы въ родѣ: „Богъ-то еще тамъ не то накажетъ, не то нѣтъ“... Такое „вольнодумство“ не только у дѣтей, но и у взрослыхъ какъ-то удивительно уживается вмѣстѣ съ вѣрой и съ суевѣріемъ. Слышитъ ребенокъ отъ стариковъ про „Егорья“, покровителя лошадей, и про „Алексѣя—съ горъ потоки“, про „Аграфену-купальницу“, про „Ивана-Купалу“. Всѣ эти разсказы довольно извѣстны.

Кирилла и Меѳодія (въ маѣ) называютъ у насъ „Царь-Градъ,—Кириллъ и Меѳодій“. Не годится въ этотъ день работать: „онъ (Царь-Градъ) *батюшка грозенъ*, того и гляди все выбьетъ“. Такія розсказни тоже, разумѣется, слышитъ ребенокъ и иногда повторяетъ ихъ точь въ точь какъ взрослые.

9) *Отдали ли Ивана въ школу и когда? По какимъ соображеніямъ?* Отдали, когда ему минуло 10 лѣтъ. „Все больше жалованья возьметъ, коль грамоту будетъ знать“. Теперь, въ виду заработковъ въ Москвѣ, все больше и больше стремятся научить своихъ сыновей грамотѣ (частью и письму). „Въ Москвѣ-то еще пуще чѣмъ у насъ глядятъ, умѣешь ли ты грамотѣ, а по грамотѣ тебѣ и цѣна“. „Грамотнаго труднѣе обсчитать“ и т. п.

10) *Что дѣлалъ мальчикъ лѣтомъ, когда ученье лѣтомъ*

прекращалось. Что вынесъ въ концѣ концовъ изъ школы? На сколько измѣнился въ своихъ представленіяхъ объ окружающей крестьянской жизни. О занятіяхъ мальчика лѣтомъ уже сказано *(порученія, даваемыя мальчикамъ, ихъ игры)*. Примѣненіе своей „грамотѣ“ мальчикъ находитъ довольно скоро. Онъ пишетъ письма „старикамъ“ (нерѣдко за нѣкоторое вознагражденіе: копейка, двѣ,) и читаетъ псалтырь по покойникамъ, сорокъ копѣекъ за ночь. Чтеніе и письмо мальчики по выходѣ изъ школы безусловно не забываютъ. Можетъ быть только неразборчивѣй и безграмотнѣй начинаютъ писать, впослѣдствіи; забываются, разумѣется, разныя грамматическія и ариѳметическія правила. Если въ школѣ сообщаются какія-нибудь историческія или географическія свѣдѣнія, то и это, какъ не имѣющее примѣненія въ жизни, легко забывается. Стихи собственно любятъ и легко запоминаютъ, причемъ, по-моему, больше всего нравится складъ стиховъ (пѣвучесть риѳмы). „Какъ складно вѣдь“. Въ смыслъ ихъ не особенно вникаютъ. Ныньче осенью книга о кончаніи міра (столкновеніе съ кометой) получила большое распространеніе и о ней много толковали. Я замѣчала, впрочемъ, что при нѣкоторомъ напоминаніи кое-что возобновляется въ памяти. Взгляда на окружающую жизнь школа какъ-то не мѣняетъ. То школа, а это жизнь, и между школой и жизнью у крестьянъ всегда какая-то черта. Въ нашемъ селѣ есть читальня. Книги берутъ охотно мальчики и „малые“. Требуютъ больше всего „романовъ“ (у Гоголя „романы“ и его очень любятъ) или чего-нибудь „забавнаго“. На житія святыхъ и историческіе разсказы спросъ меньше, а книгъ о природѣ (напр. книги Богданова и Кайгородова) и совсѣмъ не спрашиваютъ, точно такъ же, какъ книгъ о хозяйствѣ.

Въ нашемъ округѣ есть только министерская школа и церковно-приходскія. Программа министерской очень обширна (2 класса, 5 отдѣленій, учатся 5 лѣтъ), и въ ней рѣдко кто кончаетъ курсъ. Программа церковно-приходскихъ школъ (одноклассныхъ 2 года, двухклассныхъ 4 года, и школъ гра-

мотности 2 года), извѣстна: Законъ Божій, славянскій языкъ, церковное пѣніе, русскій языкъ, счисленіе, начальныя свѣдѣнія изъ географіи и русской исторіи. Вотъ нѣкоторыя выписки изъ этой программы (изд. 1894 года).

„Самое названіе церковно-приходскихъ школъ указываетъ на особенное значеніе въ нихъ Закона Божія. Онъ составляетъ главный предметъ ихъ, и всѣ другіе предметы должны быть поставлены, по возможности, отъ него въ болѣе или менѣе тѣсную зависимость. По всей задачѣ и духу преподаванія церковно-славянская грамота должна примыкать къ Закону Божію, какъ ближайшее пособіе для него и имѣть значеніе непосредственное послѣ него. При преподаваніи русскаго языка въ церковно-приходскихъ школахъ необходимо обращать исключительное вниманіе на изученіе языка, а не задаваться побочными цѣлями, напр., сообщеніемъ учащимся различныхъ свѣдѣній изъ окружающаго міра (міровѣдѣніе). Начальныя свѣдѣнія по Русской исторіи, составляя нераздѣльное цѣлое со свѣдѣніями по исторіи Русской церкви, преподаются совмѣстно... Изъ общаго хода исторіи Россіи учащіеся должны вынести твердое убѣжденіе, что наша родина всегда была сильна своей православной вѣрой и единодержавной царской властью, что когда оскудѣвала святая вѣра въ народѣ, или когда не было сильной единодержавной власти, русская земля подвергалась тяжкимъ бѣдствіямъ и была близка къ гибели и т. п. и т. п.

Преподаютъ въ церковно-приходскихъ школахъ священники, дьяконы, иногда учители (изъ крестьянъ, окончившихъ церковно-приходскую школу). Такіе учители обыкновенно прибѣгаютъ къ ручной расправѣ при занятіяхъ съ дѣтьми. Мальчики не любятъ славянскую граматику. Когда преподаваніе лежитъ на одномъ священникѣ, то дѣло въ ней идетъ обыкновенно плохо (школа въ Кобельшѣ — „никудашная“ по мнѣнію крестьянъ: „батька день учитъ, а два нѣтъ“).

11) *Какія обязанности несъ Иванъ по возвращеніи изъ школы.* Пахалъ, учился косить, возилъ снопы, стерегъ лошадей — словомъ, во всемъ уже помогалъ отцу. Ходилъ на

поденную, также отработывалъ взятыя отцомъ у сосѣдняго помѣщика „подъ заработки“ деньги.

При наймѣ пастуха, міръ обыкновевно съ него спиваетъ $^1/_4$, $^1/_2$ ведра водки. Случается, что сопьютъ съ одного, да и оставятъ его на бобахъ, придравшись къ нему за что-нибудь, а собственно для того, чтобы „спить“ съ другого.

12) *Если ребенокъ не въ школѣ, то онъ зачастую пастухъ по найму. На какихъ условіяхъ онъ нанимается въ пастухи (собственно подпаски) у помѣщика, на какихъ въ крестьянскомъ обществѣ.*

Въ пастухи или лучше, сказать, подпаски нанимаютъ мальчиковъ лѣтъ съ 10—12. Для найма подпаска къ общественному („обчественскому“) стаду существуютъ такія условія: мальчику платитъ пастухъ (изъ своего жалованья) за все лѣто (6 мѣсяцевъ) 7—9 рублей деньгами, а кормится мальчикъ во все время своего найма изъ двора во дворъ. У кого „одна доля“ — онъ столуется одинъ день, у кого двѣ — два и т. д. За одну долю считается корова; 10 овецъ—тоже одна доля. Телка перваго поля считается за двѣ овцы, телка второго—за четыре. (Самъ пастухъ получаетъ 35 р. за всѐ лѣто, если стадо небольшое и требуется одинъ подпасокъ, и 50 — 60, если стадо большое и подпасковъ требуется два). Передъ началомъ пастьбы скота пастухъ собираетъ съ крестьянъ яйца, по парѣ яицъ съ доли и по горсти моченца (тоже съ доли). Два раза въ годъ (престольный день и Рождество) пастухъ собираетъ по одному „пирогу“ съ каждаго двора. Кормится онъ такъ же, какъ и подпасокъ (по „чередамъ“, или дворамъ).

Помѣщики нанимаютъ подпасковъ за плату (на хозяйскихъ харчахъ) отъ 8 — 12 рублей въ лѣто. (8 рублей получаетъ подпасокъ при коровахъ, 10—12 получаетъ стерегущій лошадей мальчикъ, табунщикъ).

13) *Заработки Ивана-подростка по-близости. Батрачество. Условія найма въ батраки у помѣщиковъ и у крестьянъ. Поденная работа у землевладѣльцевъ. Батрачество либо у*

крестьянъ, либо у священника, купца, помѣщика. И крестьяне и помѣщики платятъ батраку въ лѣто, на хозяйскихъ харчахъ, съ марта по „заговѣнье“, т.-е. 15 ноября, отъ 27 до 35 рублей. Рабочему въ годъ, тоже на хозяйскихъ харчахъ, платятъ отъ 40 до 55 рублей. Всякому рабочему пишется у помѣщиковъ договорный листъ, засвидѣтельствованный въ волостномъ правленіи, который хранится у нанимателя, а у рабочаго есть книжка, въ которую вписывается получка имъ жалованья, штрафы. Штрафуютъ рабочихъ за пьянство, за прогулъ рабочаго дня (самовольный), за порчу хозяйскаго добра (лошади, экипажа, молотилки) вслѣдствіе неосторожнаго съ нимъ обращенія, могущаго быть засвидѣтельствованнымъ очевидцами. Штрафуютъ и за грубость, сказанную хозяину. Штрафуютъ за грубость чаще всего купцы. Поденная плата очень колеблется. Въ урожайный годъ рабочій день мужчины въ рабочую пору оплачивается отъ 25—50 к., а женщины отъ 20—40 копѣекъ. Въ годъ неурожайный въ рабочую же пору платятъ мужчинамъ отъ 20—35 коп., а женщинамъ отъ 15—25 коп. Зимой рабочій день женщины отъ 10—25 коп., мужчины отъ 15—30 коп. Бабамъ батрачкамъ платятъ въ годъ 24—36 рублей.

Стоимость крестьянской одежды (домашняго издѣлія).

Понева отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 50 к.
Коты 3 р.
Завѣсы (передникъ) отъ 1 р. до 1 р. 50 к.
Рубаха женская 1 р.
Покромка отъ 10 к. до 15 к.
Чулки 30 к.
Поддевка (крестьянское сукно) 5 р.
Валенки 1 р. 50 к.
Мужская крашенинная рубаха 50 к.
Портки (тяжевые) 50 к.
Лапти отъ 15 к. до 20 к.

Валенки 2 р. 20 к.
Поддевка 5 р.
Сапоги 7 р. 50 к.

Теперь ужъ поневы нъ нѣкоторыхъ деревняхъ выходятъ изъ моды, замѣняясь сарафанами. Въ такихъ деревняхъ на бабахъ — юбки, чулки, буднишняя поддевка, полушубокъ, рубаха, покромка домашняго приготовленія, а остальное изъ фабричнаго матеріала. На мужикахъ, — домашняго производства — будничный костюмъ: рубаха, портки, онучи, лапти, поддевка, тулупъ, а въ праздникъ мужикъ (особенно молодой) надѣваетъ ситцевую рубаху, ластиковые шаравары, жилетку (иногда пиджакъ и калоши даже) и сапоги бутылками. Валенки валяютъ дома.

V.

„Иванъ“ женихъ.

1) *Время, близкое къ женитьбѣ разговоры объ этомъ.* Разговоры въ семьѣ о предстоящей женитьбѣ „малаго“ — это тотъ же разсчетъ. Для того, чтобы сдѣлаться настоящимъ мужикомъ („жителемъ“), надо жениться, — имѣть хозяйку. Для родителей „малаго“ эта „хозяйка“ ихъ сына — рабочая сила, которую они торопятся пріобрѣсти. „Пора уже тебѣ, мамушка, и перемѣну въ домѣ“ или „къ печи“, говоритъ какая-нибудь замужняя дочь своей матери (о всякой женитьбѣ или отдаваемой замужъ первыя заговариваютъ бабы, а не мужики; мужики только соглашаются съ ними). „Пора, пора, дочка, да вотъ спутался Гришка съ Дунькой Винокуровой а она и дѣвка никудашняя, да и Гришку, того и гляди, Семенъ-то (отецъ Дуньки) въ зятья переманитъ. Такъ-то и боишься Гришкѣ слово объ свадьбѣ молвить. Онъ только съ Дунькой и стоитъ на улицѣ“... „Никудашняя дѣвка“, это такая дѣвка, которая плохо прядетъ, плохо ткетъ, плохо работаетъ въ полѣ. Нѣко-

торыя дѣвки „злыя“, „карахтерныя“. Другія „добрѐ хитры“, третьи „распутныя“, „шлюхи“. Еще другія „хворыя“. „Дѣвка-то она смирная, да хворая какая-то. Никогда цвѣту въ лицѣ у ей нѣтъ, да и глазки все чтой-то слезятся“. Дѣвка должна быть „умная, здоровая, рукодѣльная и смирная“. „Работать куда ее ни ткни“. Бываетъ, впрочемъ, что какіе-нибудь 15—25 рублей, даваемые отцомъ „за дѣвкой“ замѣняютъ и здоровье, и умъ, и доброе поведеніе... Отцы и матери падки на это ужасно. Сами женихи на такое денежное приданое совсѣмъ не смотрятъ. Одинъ мужикъ негодовалъ на жену своего брата. „Женить-то его женили, да жена-то никудашняя: ни прясть, ни шить. Вы сами знаете, изъ чего нашъ братъ женится, изъ рубахъ да изъ портковъ...“

2) *Есть ли въ деревнѣ особые спеціалисты по свадебнымъ обрядамъ.*

Во-первыхъ, пѣвуньи. Въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ такой бабы, которая не знала бы лучше другихъ всѣ свадебныя пѣсни. Ее въ качествѣ запѣвалы и зовутъ на свадьбы. За „величаніе“ весь хоръ пѣвицъ, составленный, за исключеніемъ вотъ такой запѣвалы, изъ подругъ невѣсты и ея родныхъ и родныхъ жениха, собираетъ деньги, которыя потомъ дѣлятся поровну, но деньги эти, конечно, очень малы, а идутъ запѣвать на свадьбахъ главнымъ образомъ изъ-за „угощенія“ и водки. Что касается до свахъ, сватовъ или поѣзжанъ, то ихъ со стороны не бываетъ. Въ свахи зовутъ нерѣдко самую опытную въ такихъ дѣлахъ родственницу, но спеціалистской по такому дѣлу въ цѣлой деревнѣ ее назвать нельзя, такъ какъ она бывала свахой только среди своихъ родныхъ. Вообще родственники и ихъ почитаніе играютъ огромную роль во всѣхъ „торжествахъ“ крестьянской жизни, на свадьбахъ, крестьянскихъ обѣдахъ, поминальныхъ и т. д. На поминальный обѣдъ зовутся, впрочемъ, и посторонніе, такъ какъ „они помолятъ Бога за покойника“, т.-е. поспособствуютъ его водворенію въ рай (это вѣрованіе—въ связи съ мытарствомъ души послѣ смерти и т. п.).

3) *Съ какихъ лѣтъ дѣвушки сочли Ивана женихомъ, т.-е. такимъ „малымъ“, котораго можно пустить на вечеринки, или въ „кругъ“, котораго можно „любить“.* Это зависитъ вообще отъ внѣшняго вида, роста малаго. Иногда рослаго и виднаго 16-лѣтняго мальчика считаютъ уже вполнѣ „женихомъ“, который можетъ любить, дарить дѣвокъ, а иногда и 18-лѣтняго, мало развитого малаго не принимаютъ въ круги. Надъ маленькимъ ростомъ вообще принято смѣяться. У всякаго маленькаго мужика или бабы ужъ непремѣнно есть прозвище: „пичуга“, „гусекъ“, „фунтикъ“, „звѣрекъ“ и т. д. „Маленькая собачка, по вѣкъ щенокъ“ — смѣются дѣвушки надъ маленькимъ, не казистымъ парнемъ.

4) *Времяпрепровожденіе Ивана жениха: а) когда обыкновенно „малый“ сходится съ женщиной; б) какъ это случается и какъ на это смотритъ самъ малый и вообще крестьяне (мужчины и женщины); в) существуетъ ли развратъ; г) чѣмъ мылый прельщаетъ дѣвушку и чѣмъ она его; д) улица, вечеринки. На какихъ основаніяхъ устраиваются „вечеринки“; е) что тамъ собственно дѣлается; ж) чѣмъ даритъ малый дѣвушку, которую любитъ; з) представленія „малаго“ о женской красотѣ; и что Иванъ дѣлаетъ съ товарищами; і) пьетъ ли и какъ пьетъ. Когда попробовалъ въ первый разъ водку. Ради чего пьетъ онъ; к) игры и удальство малыхъ. Гульба „годныхъ“.*

Прежде еще чаще встрѣчались цѣломудренные малые и дѣвушки, а теперь цѣломудреннаго малаго уже не найти, да и дѣвушекъ такихъ совсѣмъ мало. Въ 16—17 лѣтъ малый обыкновенно уже сходится съ женщиной. Случается это, при обыкновенныхъ условіяхъ, во время весеннихъ и лѣтнихъ „улицъ“ или на „вечеринкахъ“. Съ воскресенья на „красной горкѣ“ дѣвки выходятъ въ первый разъ на улицу для пѣсенъ и круговъ, и съ этого дня вплоть до зимы бываетъ по всѣмъ праздникамъ и даже иногда по буднямъ на деревнѣ „улица“. Водятъ круги, въ которыхъ „ходятъ малые“, выбирая дѣвушекъ и цѣлуя ихъ, пляшутъ подъ звуки „жалѣйки“ и гармоники.

Танцуютъ иногда „по дамски“, т.-е. „кадрель“, и, наконецъ, когда всѣ старшіе уже улягутся спать, кто хочетъ уходитъ въ „конопи“, въ кусты, за риги, въ солому, и тамъ ужъ дѣло доходитъ до связей. Приблизительно то же самое и на вечеринкахъ: можно уйти въ ригу, въ сарай. Старшіе, разумѣется, нерѣдко ругаютъ и бьютъ дочерей за такія связи; малымъ же ничего за это не достается. Малый, разумѣется, смотритъ на внѣбрачную связь гораздо легче, чѣмъ дѣвушка. Очень нерѣдки случаи, что бросаютъ ту, „которую любили“. Но очень часто внѣбрачныя связи кончаются бракомъ. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ еще крѣпко держатся обычая „женить сыновей“ и „выдавать дочерей замужъ“, а не давать имъ самимъ жениться — молодые люди нарочно сходятся, чтобы закрѣпить свое намѣреніе жениться. Отецъ и мать легче соглашаются на выборъ своего сына, если онъ скажетъ имъ, что между нимъ и его избранницей есть уже „грѣхъ“. (Вѣрность до гробовой доски и до сырой земли). Когда малый сходится съ дѣвушкой, онъ ее, понятно, увѣряетъ, что возьметъ за себя замужъ. Изрѣдка, почти сразу говоритъ дѣвушкѣ: „хочу люблю, хочу нѣтъ“, но это уже обыкновенно продуктъ городской жизни (Московской). Дѣвушка же большею частью надѣется выйти замужъ за того, съ кѣмъ сходится. Если малый сосваталъ себѣ невѣсту, были уже „смотрины“ и „вино выпито“, то даже старшіе смотрятъ совсѣмъ снисходительно на то, когда женихъ и невѣста сходятся между собою до брака. Послѣднее время это даже стало входить почти въ обычай. Если малый живетъ въ батракахъ, то сходится съ женщиной еще легче и обыкновенно съ женщиной замужней—въ такихъ случаяхъ. Если онъ живетъ въ батракахъ у мужика, то съ которой-нибудь изъ женщинъ — членовъ семьи, а если у помѣщика, то съ какой-нибудь „стряпухой“ (на рабочихъ), скотницей и т. п. Стряпухи на рабочихъ обыкновенно даже пользуются славой „гулящихъ“. Я знала одну бабу лѣтъ 30, жившую въ стряпухахъ (мужъ ея былъ въ отхожемъ промыслѣ), которая завѣдомо была въ связи

съ 8-ю рабочими за-разъ. Это, разумѣется, можетъ произойти только „на барскихъ хлѣбахъ“ (въ возрастѣ начиная отъ 16 и до 40 лѣтъ). И всѣ ея любовники отлично знали, что ихъ восемь. Иногда они, разговаривая (очень мирно) между собою, рѣшали, что нужно общими силами проучить бабенку („отдуть ее хорошенько“), но этого не случалось — вѣрно она умѣла каждаго умаслить... Проффессіональнаго разврата не существуетъ, но очень легко купить всякую бабу деньгами и подаркомъ. Одна баба очень наивно признавалась: „Прижила себѣ на горе сына и всего-то за пустякъ, за десятокъ яблоковъ!“ Бабы и дѣвки очень любятъ ходить за яблоками въ сады къ съемщикамъ. Яблоки покупаются или, лучше сказать, мѣняются на яйца, а иногда на самоё себя... Нынѣшнимъ лѣтомъ былъ такой случай, что 20-лѣтній караульный яблоноваго сада изнасиловалъ 13-лѣтнюю дѣвочку — и мать этой дѣвочки (очень правда бѣдная) помирилась съ обидчикомъ за 3 рубля. Дня два или три послѣ того „кричала“ эта бѣдная дѣвочка и такой испуганный, забитый видъ сдѣлался у нея! Свидѣтельницами изнасилованія были такія же 13-лѣтнія дѣвочки, вошедшія въ шалашъ караульнаго въ тотъ самый моментъ, когда онъ совершалъ насиліе, зажимая дѣвочкѣ одной рукою ротъ... Дѣвочка потомъ разсказывала, что когда малый собирался сдѣлать надъ ней насиліе, то говорилъ ей: „не бойся, ты вѣдь не затяжелѣешь, тяжелѣютъ только однѣ бабы“, а когда она хотѣла кричать, то говорилъ: „не кричи, дѣвочка, я тебѣ рубль дамъ“.

Иногда весною, до рабочей поры, нѣсколько бабъ и дѣвокъ изъ одной деревни „подымаются“ идти на богомолье въ Воронежъ или къ „Сергію-Троицѣ“. Родители и мужья очень хорошо знаютъ, что̀ такое это богомолье, но нѣсколько сговорившихся между собою бабъ и дѣвокъ представляютъ собою силу, противъ которой трудно бороться. Идутъ, заночевывая христовымъ именемъ по разнымъ деревнямъ, и чего, чего тутъ ни бываетъ. Одинъ деревенскій житель очень спра-

ведливо окрестилъ это богомолье „служеніемъ чернобогу“. Бываетъ часто и вытравленіе плода. Жена одного изъ помѣщиковъ помогала иногда бабамъ при трудныхъ родахъ, давая имъ пить настой казацкаго можжевельника, который (Iuniperus sabina) росъ у нея въ саду въ достаточномъ количествѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ на деревнѣ прознали про свойство этого растенія, чьи-то „невидимыя руки“ (по выраженію помѣщика) постоянно обрываютъ у него всѣ кусты можжевельника (по ночамъ) и очевидно для цѣлей вытравленія, потому что родильницамъ помѣщикъ никогда не отказываетъ въ настоѣ изъ этого растенія. Случаи убійства новорожденныхъ незаконныхъ младенцевъ очень нерѣдки. Родитъ баба или дѣвка гдѣ-нибудь въ клѣти одна, затѣмъ придушитъ маленькаго руками и броситъ его либо въ воду (съ камнемъ на шеѣ), либо въ густой коноплѣ, или на дворѣ или гдѣ-нибудь въ свиномъ катухѣ зароетъ. Родила разъ баба (вдова) подъ самое Свѣтлое Воскресенье, когда всѣ были въ церкви и задушила ребенка. „Все равно околѣлъ бы съ голоду“ (у нея было 6 дѣтей кромѣ этого ребенка), послѣ чего скорѣе спрятала его въ свой сундукъ и заперла на ключъ, такъ какъ ждала, что вотъ,-вотъ вернутся всѣ изъ церкви. Все Свѣтлое Воскресенье пролежала, говоря, что ей „шибко неможется“. Ночью, когда всѣ улеглись спать, она взяла ведро (будто за водой идти), зашла съ нимъ въ клѣть, вынула изъ сундука ребенка и положила его въ ведро—и на прудъ поскорѣе. Въ пруду она закинула ребенка (съ камнемъ на шеѣ) въ воду и вернулась какъ ни въ чемъ не бывало, съ ведромъ воды домой. Наутро она ушла изъ дому и нанялась гдѣ-то въ стряпухи. Ребенка нашли въ пруду, такъ черезъ мѣсяцъ, когда прудъ сталъ усыхать, и баба попалась. Попалась разъ и дѣвка, когда собака вытащила изъ конопли брошеннаго ею туда задушеннаго ребенка. Въ Мураевнѣ (большое село) почти каждый годъ находятъ одного, а то и двухъ мертвыхъ младенцевъ. Но рѣдко дознаются, чьи они. Нынче свиньи выкопали у погоста посинѣвшаго мертваго ново-

рожденнаго: видно было, что ребенокъ только что закопанъ въ землю. Дѣло осталось „безъ послѣдствій“. Крестьяне не любятъ дознаній и уголовщины и если даже что и знаютъ, то помалкиваютъ. Также смотритъ на это дѣло и священникъ. „Случился грѣхъ, а съ кѣмъ—Богъ его знаетъ. Чужая душа потемки—развѣ дознаешься... Мало ли ихъ, дѣвокъ, гуляютъ„. Иногда отправляютъ незаконныхъ дѣтей въ Москву въ воспитательный домъ. Въ Мураевнѣ есть даже такая баба, которая за нѣкоторое вознагражденіе отвозитъ въ воспитательный „гулевыхъ дѣтей“. Къ одному бездѣтному помѣщику пришла разъ баба съ предложеніемъ, не купитъ ли онъ ея ребенка: „Слыхала я, что тебѣ дитё нужно, ну думаю, и толкнусь, може и купишь. Онъ у меня гулевой, а мужъ скоро прйде...“

Что способствуетъ легкости нравовъ теперь сравнительно со стариною.

Во-первыхъ, заработки на сторонѣ. Затѣмъ, пожалуй, большее общеніе съ другими деревнями. Прежде жизнь всякой деревни шла въ ней самой. Деревня работала на своего владѣльца и изъ этихъ рамокъ не выходила. А теперь крестьяне самыхъ различныхъ деревень встрѣчаются на общей поденной работѣ у помѣщиковъ. Всякая дѣвушка можетъ пойти на поденную куда ей угодно и такимъ образомъ уйти отъ надзора своей родины. Одновременно завелся обычай, котораго не было прежде: парни ходятъ въ хороводы въ тѣ деревни, куда только имъ вздумается. Также свободно приходятъ на деревню и батраки изъ сосѣднихъ помѣщичьихъ усадебъ: они тоже пришлый элементъ въ крестьянской „улицѣ“.—Такіе парни, разумѣется, могутъ совершенно безнаказанно ухаживать за чужими дѣвушками и имъ трудно наступить на хвостъ, такъ какъ они издалека. Да если и баба какая слюбится съ барскимъ батракомъ, который сегодня здѣсь, а завтра ужъ будетъ далеко,—то это для нея безопаснѣе въ смыслѣ пересудовъ, чѣмъ еслибы она была въ связи съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ деревенскихъ. — Легкость нравовъ способствуетъ и

отлучкѣ мужей на заработки. Онъ себѣ тамъ заводитъ „мамзелей“, а жена можетъ завести любовника и дома. Если она бездѣтная, то въ отсутствіе мужа нерѣдко нанимается въ кухарки на работниковъ въ помѣщичью усадьбу. А если у нея ребенокъ, то она цѣлыми недѣлями гоститъ у своей „мамушки“, которая ужъ, конечно, во всѣхъ обстоятельствахъ „прикроетъ“ свою дочку. „Игры да прятки привели дѣвку къ Ванькѣ“ (Ванявкѣ). Поговорка.

По моимъ наблюденіямъ наибольшимъ успѣхомъ у дѣвокъ пользуются тѣ малые, которые „чисто ходятъ“, т.-е. имѣютъ жилетку, пиджакъ, сапоги бутылками и хорошій картузъ; дѣйствуетъ также на дѣвокъ умѣнье играть на гармоникѣ, нѣкоторыя словца „вѣжливыя или игривыя“ (теперь уже у насъ каждую дѣвку называютъ „барышней“ на улицѣ), пожалуй нѣкоторая ловкость. Въ прежнія времена костюмъ парней не имѣлъ такого значенія, какъ теперь: прежде любили „кудрявыхъ да румяныхъ, да веселыхъ, не глядя на то, что они обуты въ лапти. Дѣвокъ на улицѣ любятъ непремѣнно веселыхъ, такихъ, которыя умѣютъ плясать и за словомъ въ карманъ не полѣзутъ. По мнѣнію одного помѣщика чѣмъ неприличнѣе себя ведетъ дѣвица въ кругу, тѣмъ больше успѣха она имѣетъ. Теперь, впрочемъ, всякая дѣвушка имѣетъ своего малаго, „кого любитъ“ или „съ кѣмъ стоитъ“—его она и поджидаетъ въ хороводѣ. Онъ ее „выбираетъ“ онъ и „даритъ ее“ то бумажнымъ платкомъ, то дешевымъ кольцомъ или серьгами, то кускомъ розоваго мыла или „духовитаго мыла“, то гостинцами—подсолнухами, жамками, рожками. Дѣвки тоже иногда дарятъ парней гостинцами (обыкновенно, когда „провожаютъ“ ихъ послѣ окончанія улицы) или шьютъ имъ изъ разныхъ тряпочекъ „кисеты“ для табаку. Замѣчательная черточка: бабы и дѣвушки „провожаютъ“, а не наоборотъ: „малый“ даже до порога избы не проводитъ свою дѣвушку, а дѣвушки провожаютъ и своихъ малыхъ и жениховъ. Такъ и въ пѣсняхъ поется. Въ отношеніяхъ между малыми и дѣв-

ками еще не совсѣмъ утратилось прежнее крестьянское представленіе, что за всякій подарокъ слѣдуетъ „отдаривать“ и не все еще сведено къ деньгамъ, какъ платѣ за любовь. Есть еще какое-то подобіе любви: дѣвушка рубашку сошьетъ тому, кого любитъ, если онъ ее попроситъ, а малый съ удовольствіемъ увидитъ на дѣвушкѣ платочекъ, или кольцо, имъ подаренное и т. п. Вообще, дѣвушкѣ, которую онъ любитъ, парень и подаркомъ, и словомъ, и поцѣлуемъ выражаетъ свою любовь, а на жену свою, даже вскорѣ послѣ свадьбы, всякій мужикъ уже смотритъ какъ на свою благопріобрѣтенную собственность которую нѣтъ никакой причины ласкать или цѣловать, а тѣмъ болѣе „дарить“. Ужъ и то хорошо, если молодой мужъ не бьетъ свою жену и не даетъ своимъ семейскимъ на первыхъ порахъ наваливать на нее слишкомъ много работы. Дѣвушка далеко не всегда требуетъ денегъ. Зато ужъ всякая женщина (за очень рѣдкими исключеніями) потребуетъ денегъ за то, что отдалась (а то такъ еще впередъ возьметъ); „задаромъ“ женщины не „грѣшатъ“ — развѣ ужъ какія-нибудь очень робкія, забитыя вдовы. Нѣкоторыя вдовушки, впрочемъ, очень хорошо устраиваются. У насъ на деревнѣ одна вдова взяла къ себѣ зятя въ домъ (выдала за него замужъ 18-лѣтнюю глуповатую, забитую свою дочь) и живетъ съ этимъ зятемъ наравнѣ съ дочерью. Когда зять напивается пьянъ — бываютъ разумѣется и побоища въ этомъ ménage en trois, но все кончается благополучно, и „Сашкѣ-Гусихѣ“ гораздо лучше живется за зятемъ, чѣмъ жилось за слабымъ, больнымъ мужемъ. Ей многія бабы завидуютъ.

„На улицу“ собираются дѣвки со всей деревни и отчасти молодыя бабы, особенно такія, у которыхъ мужья въ отсутствіи. Нарядятся и выйдутъ на выгонъ (въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ „порядка“). Бываетъ это обыкновенно уже въ сумерки. Начинаютъ съ какой-нибудь протяжной или круговой пѣсни. Приходятъ не только свои, деревенскіе, но и изъ другихъ деревень. А если по близости деревни находится бар-

скій дворъ, то барскіе батраки одними изъ первыхъ являются на улицу, вмѣстѣ со стряпухами, скотницами и т. п. Являются съ гармошками, или дудками, подъ звуки которыхъ попозднѣе, уже разгулявшись, пляшутъ. Чѣмъ лишѣе пляшетъ баба, или дѣвка, тѣмъ больше она „приговариваетъ“—(„мой мужъ черноусъ, я его не боюсь“, „горе, горе, мужъ Григорій, хоть бы худенькій, да Иванъ“. „Я милого недолюбливала, цѣловала, приголубливала“ и т. п. до безконечности). Бабы, такъ тѣ, ко всеобщему увеселенію и удовлетворенію такія присказки иной разъ „выговариваютъ“, что слушать стыдно. Чѣмъ дальше въ ночь, тѣмъ меньше становится кругъ. Подъ звуки гармошки пляшетъ какой-нибудь одинъ, а то и два „зарядившихся“ въ потайномъ шинкѣ малыхъ, а остальные „съ тѣми, кого любятъ“ расходятся по коноплямъ, кустамъ, за риги... (Очень скоро прерываются крестьянскіе романы—коли деревенская дѣвушка сойдется съ барскимъ батракомъ: господа норовятъ брать батраковъ издалека, верстъ изъ-за 15—30, и всякій романъ долженъ кончиться вмѣстѣ со срокомъ парня у помѣщика...) Дѣвки и бабы никогда не ходятъ въ чужія деревни на улицы. Гуляютъ, т.-е. продолжается „улица“, иногда часовъ до 2 утра и это въ рабочую пору. Поспятъ часикъ, другой, а потомъ и въ поле. Надняхъ я услышала пѣсню, которая поразила мена тѣмъ, что въ нѣсколькихъ словахъ очерчиваетъ все то, что я записывала на основаніи наблюденій и разспросовъ. Привожу эту пѣсню, какъ очень характерную для нравовъ. Она плясовая, играютъ ее на улицѣ:

„Вы не ждите, дѣвки, время
Гуляйте теперя,
Осень замужъ отдадутъ,
Такой воли не дадуть.
Навалится мужъ негодный
Буде измываться.
Стане, буде измываться,
Все мною поношаться.

Не тибе́-ли щеголь Ваня,
Я тибе́ любила,
Околъ печи въ рогачахъ,
Ваню хоронила,
Чтобы батюшка не зналъ,
По чуланамъ не искалъ.
Ходилъ, шуркалъ по чуланамъ
Нашелъ околъ печи,
Около печи, въ рогачахъ
Ухватилъ за плечи.
Дѣтишушка стосковался
Некого любить:
Жену мужнюю любить—
Надо золотомъ дарить,
А солдатку-то любить—
Солдаткѣ живой не быть,
Красну дѣвицу любить,
Надо щегольно ходить".

„Вечорки", „вечеринки" происходятъ такъ: дѣвушки сговариваются съ какой-нибудь вдовой, или одинокой солдаткой, и та за освѣщеніе (1 или 2 фунта керосину) пускаетъ ихъ въ свою избу. Въ „вечоркахъ" участвуютъ дѣвушки, солдатки и женщины, у которыхъ мужья въ отсутствіи. Къ слову: бабы (особенно однолѣтки) всю жизнь называютъ другъ дружку „дѣвушка", а мужики „малый". „Я, дѣушка, говорю ему..." „Эхъ, малый, какая эта угощенья". И „дѣушка" и „малый" оказываются бабой и мужикомъ лѣтъ по 50. Каждой вечеринкой завѣдуетъ „староста". Въ „старостахъ ходитъ"—либо который-нибудь изъ ребятъ, либо какая-нибудь вдова, или солдатка. Малые приносятъ съ собою водку, гостинцы (жамки, подсолнухи, яблоки, леденцы, баранки)—и угощаютъ дѣвушекъ и хозяйку избы. Дѣвушки приходятъ первыя и заигрываютъ пѣсню, а затѣмъ уже являются ребята. Поютъ пѣсни, пьютъ, ѣдятъ, пляшутъ, играютъ въ карты (дурачки) и въ игры „монахи", „сусѣди", „казачки" и т. п. Всѣ эти игры сводятся къ поцѣлуямъ; напр., „*Сусѣди*": „староста" размѣщаетъ мужчинъ и женщинъ на лавкѣ попарно, по своему усмотрѣнію, затѣмъ подходитъ къ каждой парѣ и спрашиваетъ у малаго и у дѣвки „въ согласьѣ ли онъ" или она съ своимъ сусѣ-

домъ или сусѣдкой. Если, положимъ, дѣвушкѣ не нравится ея сусѣдъ, она можетъ потребовать себѣ въ сусѣди другого малаго. Тогда староста говоритъ: Ну, теперь вы въ согласіи, такъ уберите мнѣ двѣ нивы ржи или: „отмѣрьте мнѣ 10 аршинъ тесьмы“ (означаетъ два или десять поцѣлуевъ). *Монахи*: Одинъ изъ парней (а за нимъ другой и третій и всѣ по очереди) уходитъ въ сѣни, а затѣмъ стучится въ дверь избы. Староста ему открываетъ дверь: „Игуменъ, игуменъ, дай-ка мнѣ монàшку“. „Каку тебѣ монашку?“ Парень шепчетъ старостѣ, на ухо, какую ему дѣвушку надобно. Тотъ ему подводитъ и въ сѣняхъ за закрытыми дверями молодые люди цѣлуются (и т. п.)

Иногда вся вечеринка кончается буйствомъ разгулявшихся ребятъ; бьютъ окна, горшки, посуду — вступаютъ въ драку другъ съ другомъ. Достается иногда и хозяйкѣ избы.

Представленія о красотѣ очень примитивны. Женщины въ нашей мѣстности безусловно красивы, рослы и лѣтъ въ 15—16 недурно сложены (послѣ 16-ти фигуры у нихъ портятся, благодаря тяжелой работѣ). Чѣмъ раньше выходитъ замужъ дѣвушка, тѣмъ скорѣе она пріобрѣтаетъ отцвѣтшій, изможденный видъ. Наиболѣе распространенный типъ—это очень правильныя лица съ темно-сѣрыми (иногда удивительно красивыми) глазами, темными бровями и рѣсницами и темными волосами. Кожа смугловатая. Настоящія блондинки чрезвычайно рѣдки. Чаще попадаются черноволосыя, черноглазыя женщины. Но самыя красивыя женщины не считаются среди крестьянъ таковыми. Вообще при выборѣ невѣсты или любовницы крестьянскій вкусъ совсѣмъ не сходится съ нашимъ. Намъ нравятся строгія или чистыя линіи и очертанія,—а всякій мужикъ предпочтетъ дебелую, расплывшуюся дѣвку или бабу. Надо, впрочемъ, сказать, что въ выборѣ жены или любовницы случайность у крестьянъ играетъ гораздо бо̀льшую роль, чѣмъ самый вкусъ, котораго иногда, въ сущности, и нѣтъ вовсе: удивительно неприхотливы нѣкоторые малые и мужики. Не любятъ блѣдныхъ

(безъ румянца). Не долюбливаютъ также „сурьезныхъ“ лицъ: „Дюковатая“, „смотритъ дюкомъ“, „угрюмая“. Надо, чтобы женское лицо было открытымъ, веселымъ. Очень любятъ черныя брови. У „малаго“ дѣвки очень любятъ кудрявые волосы и тоже черныя брови. Высокій ростъ („большой малый“, „большая дѣвка“) очень цѣнится. „Тушная дѣвка, здоровая дѣвка, чернобровая, румяная, веселые глаза“—все это комплименты дѣвкѣ.

„Щечки алы, брови черны,
Развеселые глаза—
Д'ужъ и гдѣ же красота эта взята?“

„У Иванушки на головушкѣ
Вились кудрюшки, завивался.“

Малые, пожившіе въ городѣ, нисколько не требовательнѣе тѣхъ, которые города не видали. Часто даже наоборотъ.

Въ одной деревнѣ (очень глухой) былъ такой случай: выдали родители замужъ беременную дѣвушку, чтобы ея грѣхъ скрыть. Когда родился ребенокъ, то вся семья мужа ополчилась на него (ребенка). Самъ мужъ былъ смирный, „съ простинкой“ и не попрекалъ жену ея дѣвичьимъ грѣхомъ, но родные не давали ей проходу и въ концѣ концовъ заявили: „чтобы ублюдка твоего, щенка паршиваго не было бы. Умори его“. Требованіе это было такъ настойчиво (бѣдную женщину билъ ея свекоръ, свекровь тоже не давала ей свободно вздохнуть), что молодуха исполнила его: „наскребла“ спичечныхъ головокъ въ соску и ребенокъ умеръ. Преступница попала подъ судъ, но была оправдана. Съ „распутевыми“ дѣвками или бабами чинится иногда расправа. „Распутевой“ называется такая дѣвка или баба, у которой нѣсколько любовниковъ. Такіе любовники сговариваются иногда поучить свою любовницу—и если она дѣвка—мажутъ ей ворота дегтемъ, а если она баба—бьютъ ее; побьютъ ее, затѣмъ подымутъ ей рубашку на голову, свяжутъ ее (такъ, что голова женщины находится

какъ бы въ мѣшкѣ, а до пояса она голая, и пустятъ такъ по деревнѣ. Дѣвка, у которой одинъ любовникъ, уже не считается по нынѣшнимъ временамъ „распутевой“ и ей ворота дегтемъ не мажутъ. На одной ярмаркѣ я видѣла такую сцену. Шла баба (вдова) со своимъ пьянымъ любовникомъ. Любовникъ этотъ (барскій батракъ), разумѣется, пилилъ на гармоникѣ. Она сама была выпивши и направлялась опять къ кабаку, чтобы пить. Въ это время къ ней подскочила ея 13-лѣтняя дочь и стала ее упрекать, зачѣмъ она деньги въ кабакъ тащитъ—себя срамитъ. За это пьяный любовникъ такъ отдулъ несчастную дѣвочку, что смотрѣть было жалко, и хоть бы кто-нибудь изъ мужиковъ вступился за дѣвчонку. Только бабы подняли крикъ...

Что касается до выпивки и вина, то на нихъ, разумѣется, всѣ падки. Одна свадьба сколько вина съѣдаетъ! Я сама видѣла, какъ на свадьбахъ подпаивали 9—10-лѣтнихъ дѣвочекъ и заставляли такимъ способомъ ихъ плясать, ко всеобщей потѣхѣ. Говорятъ, что подпаиваютъ „для потѣхи“ и мальчиковъ. Малые въ большинствѣ случаевъ начинаютъ пить изъ удальства. Есть случаи, когда отъ молодыхъ „Ивановъ“ обычаемъ *требуется* пьянство. Это бываетъ передъ призывомъ. Малые, которые должны поздней осенью ѣхать въ воинское присутствіе, называются „годными“. Съ окончанія рабочей поры вплоть до своей явки въ городъ малый долженъ гулять. На эту гульбу родители выдаютъ ему деньги, когда у него уже своихъ не хватаетъ. Всѣ „годные“ одной деревни гуляютъ гурьбой, вмѣстѣ. Малому „безчестно“, если онъ отстанетъ отъ товарищей, и чтобы этого не случилось, онъ ставитъ ребромъ послѣднюю свою и родительскую копейку. „Гуляютъ“ и въ трактирѣ, и на улицахъ, и, надо сказать, безобразятъ ужасно. У каждаго „годнаго“ должна быть непремѣнно гармошка, на которой онъ и пилитъ иногда цѣлую ночь напролетъ, вплоть до солнечнаго всхода. „Годные“ съ такой музыкой, да еще съ пьяными пѣснями всей толпой бродятъ по селу, выбиваютъ

стекла въ окнахъ, позволяютъ себѣ всѣ самыя неприличныя шутки—и это имъ прощается. „Что это за скандалъ на улицѣ?“—„Да годные гуляютъ“... и это слово (годные) все объясняетъ и оправдываетъ. Годные очень часто ухитряются играть въ орлянку („въ орелъ“), хотя эта игра у насъ преслѣдуется властями. Легче всего, конечно, всякому малому напиться въ первый разъ въ годовой праздникъ. У насъ годовой праздникъ—Михайловъ день и въ этотъ день весь приходъ поголовно пьянъ. Въ урожайные годы „гуляютъ“ цѣлую недѣлю, а въ неурожайные все-таки ухитряются попьянствовать денька три. Основательно также пьютъ на масляницу. Въ эту недѣлю всѣ ѣздятъ къ своимъ роднымъ въ гости, катаются. Весной тонутъ въ оврагахъ—„въ полую воду закупался“, попадаютъ подъ возы, — опрокинется возъ на пьянаго мужика — тутъ ему и конецъ. На Рождество и Пасху пьютъ значительно меньше. Малый можетъ впервые напиться пьянымъ и во время „улицы“. Въ каждой ужъ деревнѣ есть непремѣнно потайной шинокъ, содержимый какой-нибудь вдовой и который бойко торгуетъ во время „улицы“. Пьютъ „шкаликами“. „Выпилъ шкаликъ“. При умѣренной выпивкѣ выпиваютъ по два,—три шкалика сразу. Шкаликъ—средней величины стаканчикъ. Мужики, по ихъ словамъ, пьютъ иногда, „чтобы горе забыть“, „чтобы забота съ плечъ“. Собственно водка уже дѣлается для нихъ нерѣдко потребностью. При сходахъ постоянно „спиваютъ съ кого-нибудь“. Мужикъ считаетъ угощеніе (въ гостяхъ) хорошимъ только тогда, когда тамъ было достаточно водки. „Пусть лучше водка будетъ да сухая корка, нежели тамъ блины, да курятина, да жа́мки, да безъ водки“. Всякій мужикъ, разумѣется, охотнѣе пьетъ въ гостяхъ или шинкѣ, чѣмъ дома. При существованіи потайного шинка въ деревнѣ,—дома совсѣмъ не пьютъ (за исключеніемъ свадебъ и крестильныхъ обѣдовъ). Пьютъ при первомъ помолѣ „новинки“ у мельника. Мельникъ всегда держитъ у себя водку. За водку ему, разумѣется, платятъ зерномъ. Общее пьянство бываетъ еще

при работахъ у землевладѣльца „за угощеніе“ (работы эти по большей части—либо покосъ, либо извозъ въ городъ). При такихъ случаяхъ нерѣдки страшныя драки и увѣчья, или даже убійства другъ друга косою. Пьютъ въ городѣ, когда продадутъ тамъ овесъ. Нечего ужъ говорить, что солдатство пріучаетъ къ пьянству. Иногда, когда въ компаніи пастуховъ (т.-е. стерегущихъ лошадей) окажется два-три малыхъ побольше (лѣтъ 16—17), они подъучаютъ младшихъ, воспользовавшись отсутствіемъ ихъ родителей, украсть у нихъ водки—которая затѣмъ выпивается сообща. Въ такой выпивкѣ участвуютъ 10—12-лѣтніе мальчуганы.

5) Встаетъ мужикъ въ рабочую пору [1]) очень рано. Молится: „Господи Іисусе Христе, во имя Отца и Сына и Святого Духа—аминь“ (поклонъ въ землю). А иногда прямо идетъ на работу и только по дорогѣ крестится. Вечеромъ же передъ сномъ „и Богу молится и спать валится“. Спитъ часа два-три. Натощакъ идетъ въ поле и коситъ (какъ только начнетъ заниматься заря). Иногда косятъ хлѣбъ въ мѣсячныя ночи,—чтобы онъ не слишкомъ осыпался („съ росой, да съ холодкомъ“). Къ 7—8 часамъ мужикъ возвращается домой и завтракаетъ (картошка, хлѣбъ). Въ рабочую пору мужики охотно пьютъ водку (для подкрѣпленія) за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ (по шкалику, по два). Если въ деревнѣ есть шинокъ, то, позавтракавши и направляясь въ поле, мужикъ туда заходитъ и тамъ выпиваетъ свой шкаликъ. Послѣ завтрака мужикъ опять въ полѣ—до обѣда (12 часовъ дня). „Въ обѣдѣ“ онъ ѣстъ щи, кашу или опять-таки картошку и хлѣбъ. Щи, разумѣется, безъ говядины—съ одной капустой. Иногда ихъ забѣливаютъ сметаной или просто сливками. Картошку крошатъ въ квасъ, прибавляютъ туда лукъ. Каша—пшенная, либо на молокѣ (жидкая „кулѣшъ“), либо крутая (тогда ее ѣдятъ съ „конопнымъ“ масломъ). Послѣ обѣда мужикъ отдыхаетъ, затѣмъ

[1]) Разница между зимою и лѣтомъ: зимою—почти полное бездѣлье и сплошной сонъ на печи, а лѣтомъ непомѣрное напряженіе всѣхъ силъ.

опять въ поле, причемъ беретъ съ собою хлѣба, чтобы „полудновать“ (часа въ 3—4—5). Къ темнотѣ возвращается домой, гдѣ въ 9 часовъ вечера, приблизительно, ужинаетъ.

Ужинъ—тотъ же разогрѣтый обѣдъ. Иногда похлебаютъ снятого молока. Въ праздникъ мужикъ спитъ дольше, такъ, чтобы встать только передъ обѣдней. (Въ рабочую пору, впрочемъ, когда жарко и надо торопиться уборкой хлѣба, чтобы онъ не осыпался, мужикъ работаетъ и по воскресеньямъ). Къ началу обѣдни онъ поспѣваетъ въ село. Иногда еще до начала обѣдни поспѣваетъ завернуть въ шинокъ и „пропустить“ шкаликъ, другой. Не думаю, чтобы онъ думалъ о службѣ и о Богѣ въ церкви,— слишкомъ много другихъ заботъ, особенно въ рабочую пору. Онъ побаивается немного попа, который любитъ говорить проповѣди и въ церкви обличать своихъ прихожанъ въ лѣни и нерадѣніи къ Божьему храму (иногда прямо указывая на нерадивыхъ прихожанъ и припоминая разные ихъ грѣшки). По окончаніи службы „тверезые мужики идутъ домой, а многіе направляются въ шинокъ, гдѣ напиваются пьяны (всѣ „гуртомъ“). Болѣе трезвые мужики дома обѣдаютъ, потомъ отдыхаютъ и затѣмъ до вечера „сидятъ такъ“, разговаривая о своихъ дѣлахъ другъ съ другомъ, объ уборкѣ хлѣба и тому подобномъ. Впрочемъ, и у себя дома, въ своей деревнѣ есть гдѣ напиться, такъ что рѣдко кто не выпьетъ въ праздникъ. Вечеромъ жены ощущаютъ на своихъ спинахъ и бокахъ вино, выпитое мужемъ, и затѣмъ все успокаивается. На утро, конечно, голова болитъ. А зимою мужикъ встаетъ часовъ въ 6. Задаетъ кормъ скотинѣ. Иногда молотитъ. Плететъ лапти на всю семью, а остальное время лежитъ на боку и спитъ. Блины, убоина, *драчена*, пышки, соломата, калинникъ, оладьи, щи съ солониной, всѣ эти кушанья фигурируютъ на крестьянскомъ столѣ только въ годовой праздникъ, на свадьбѣ или на крестильномъ обѣдѣ.

6) Какъ дѣлаются предложенія дѣвушкамъ.

Послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ во время хороводовъ, вечери-

нокъ, игръ, оставшись наединѣ съ нравящейся ему дѣвушкой, парень спрашиваетъ: „Пойдешь за меня замужъ?“ Рѣдкая дѣвушка на это не отвѣтитъ сначала: „Вотъ еще что вздумалъ!“ Причемъ еще и смѣяться начнетъ, закрываясь платочкомъ или отворачиваясь отъ парня. Иная похвастаетъ, что ее туда-то сватаютъ и т. п.

„Нѣтъ,—ты не вертись, а скажи путемъ—идешь за меня замужъ, аль нѣтъ? Коли идешь—я за тобой сватовъ пришлю“ и т. д.

Въ концѣ концовъ дѣвушка тихо отвѣчаетъ: „Иду“ (если ей парень нравится).

„Ну, то-то! Такъ-то ты мнѣ понравилась, Аннушка,—тебя буду, значитъ, сватать и болѣ никого!“ Можетъ слѣдовать за этимъ поцѣлуй, отъ котораго Аннушка будетъ, конечно, отбиваться и т. п. Происходитъ это все за какимъ-нибудь угломъ двора, или за ригой, или въ скирдахъ. Уславливаются, когда прислать сватовъ.

Если парень и дѣвушка въ связи уже, то дѣло происходитъ нѣсколько иначе. Послѣ свиданія (настоящаго) гдѣ-нибудь въ конопляхъ или въ скирдахъ малый говоритъ:

„Что-жъ, Матрена, аль посватать тебя! Думаю тебя и дома съ радостью примутъ,—не плохая ты дѣвка вѣдь!“

Матрена: „Знамо хорошо бы вѣнецъ принять: какъ-никакъ, а грѣхъ такъ-то! Не поблюла я себя, не пожалѣла для тебя,—а каково-то мнѣ? Ты же меня улещалъ, что замужъ возьмешь... Ежели затяжелѣешь, что тогда, что тутъ дѣлать? Прямо камень на шею да въ рѣку!“ (Слезы на глазахъ).

Малый: „Ну, ну, не рюмь,—нешто я отъ тебя отказываюсь? Поговорю съ отцомъ съ матерью и сватовъ за тобой пришлю!“

Матрена: „Мотри же, Ваня, я въ надеждѣ буду!“ и т. д.

Улещаютъ:

Гумно, ометъ соломы, подъ нимъ въ примятомъ мѣстечкѣ парень и дѣвушка. Парень хочетъ обнять дѣвушку.

Матрена: „Ну, тебя. Не тронь, отстань, закричу я!“

Иванъ: „Глупая, да нешто я тебѣ что̀ плохое сдѣлаю...“ (Волнуясь и хватая Матрену за подолъ).

„Матренушка, дай поиграть, матушка,—честью тебя прошу! (все болѣе и болѣе волнуясь). Полушалокъ я тебѣ во̀ какой куплю, сватать тебя буду. Живъ не буду,—коли замужъ тебя не возьму!“

Матрена (дѣлая попытку вырвать свой подолъ, почти хнычетъ): „Ну, ты, уйди прочь, отстань, не грѣши!“

Иванъ: „Да какой же грѣхъ, коли мы вѣнцомъ прикроемъ?“ (Обнимаетъ Матрену окончательно).

Матрена: „Стра-ашно!“

7) *Чѣмъ руководятся женихи и невѣсты, вступая въ связь ранѣе брака? Какія прелюдіи для этого требуются?*

Руководятся только тѣмъ, что „вино выпито“, женихъ и невѣста уже благословлены образами на сговорѣ, — сдѣланъ уже расходъ на сговоръ и, слѣдовательно дѣло почти навѣрное не разойдется. При такихъ условіяхъ дѣвкѣ не страшно отдаваться своему нареченному, если къ тому расположитъ какое-нибудь поздно закончившееся игрище, теплая ночь или удобная минута, когда можно скользнуть въ свою ригу или хатку...

Когда случается, что женихъ отказался отъ невѣсты послѣ сговора, или невѣста отъ жениха (чаще отказываются невѣсты, такъ какъ онѣ чаще еще идутъ замужъ по благоусмотрѣнію родителей и въ послѣднюю минуту устрашаются), то отказавшаяся сторона по иску обиженной стороны выплачиваетъ штрафъ. Размѣръ этого шрафа колеблется отъ 10 до 25 рублей и утверждается мірскимъ приговоромъ.

8) *Только ли потому обидно выйти за стараго, что онъ скоро помретъ или тутъ инстинктивный подборъ. Отчего не любятъ рыжихъ?*

Богъ знаетъ. Вѣроятно это только одна изъ причинъ, а другая кроется въ какой-то дальней традиціи, по которой мужъ и жена должны быть „ровнями“. Мнѣ кажется, что это

что-то очень древнее, до корней котораго и добраться трудно! Можетъ быть, когда-нибудь тутъ игралъ роль и инстинктивный темный подборъ. Мы не знаемъ, вѣдь, въ какихъ условіяхъ жили „предки“ въ доисторическій періодъ. Во всякомъ случаѣ у насъ еще до сихъ поръ невѣсты кровно обижаются на „стараго“ (лѣтъ на 6 — 8 старше) жениха, плачутъ и убиваются, если по родительскому усмотрѣнію имъ надлежитъ выйти за такового, а подруги надъ ними смѣются. Между тѣмъ какой-нибудь 18—20-лѣтній малый и не думаетъ обижаться, что будущая его подруга жизни на два, а то и на четыре года старше его. Это ужъ даже и неровни выходятъ. Нынѣшней осенью я опять могу назвать два брака (только два брака и было всего въ нашей округѣ), когда малые 18 и 20 лѣтъ женились на 20 и на 26-лѣтнихъ дѣвкахъ... Эти черточки, конечно, относятся до такихъ малыхъ и дѣвокъ, которые не жили или мало жили въ городѣ. Что касается до втянувшихся въ городскую жизнь „Ивановъ“, то, можетъ быть, у нихъ развился другой взглядъ.

Относительно осколковъ старины извѣстно, что сохраняется до сихъ поръ не мало совершенно доисторическаго: жива еще пѣсня о томъ, какъ невѣста велѣла своимъ братьямъ зарѣзать своего жениха (возлюбленная—милаго) и устроила пиръ, напекла изъ его тѣла пироговъ, накурила изъ его мозгу вина и т. п.

Живо еще опахиваніе деревень отъ мора, просятъ прощенія у матери сырой земли и т. д. и т. д. Вѣроятно и рыжихъ не любятъ потому, что имъ приписывали въ старину какія-нибудь особыя неудобныя для домашняго обихода свойства. Изъ разспросовъ я могла вывести заключеніе, что ихъ считаютъ втайнѣ коварными и злыми. — Все это во всякомъ случаѣ дебри старины!

9) Что дѣлаетъ Иванъ въ первые дни и время послѣ женитьбы? Его жизнь въ семьѣ въ это время. Отношеніе къ нему и женѣ въ это время семейныхъ. Пользуются ли мо-

лодые въ это время какими-нибудь поблажками въ работѣ, въ спаньѣ, въ пищѣ и проч.? Отношеніе Ивана къ женѣ въ первые дни. Интимные разговоры.

„До трехъ дней“ молодоженъ—„князь молодой“. Все семейство съ нимъ помягче. „Если не ради него, то ради молодой увàга дѣлается“. „Садитесь, молъ, молодые, вы тамъ ужъ старики какъ хотите, а это у насъ молодые!“ Поблажка бываетъ только на три дня гулянья (въ спаньѣ и ѣдѣ напримѣръ), а послѣ работаютъ, какъ и другіе. Даже говорятъ молодому: „Ты былъ молодымъ, а теперь ужъ старикъ сталъ, женой обвязался, ну и работай“. Съ молодой бываютъ помягче, такъ какъ она вступила въ новую семью, которая на первыхъ порахъ ее побалываетъ, „кормятъ получше“. Такимъ образомъ поблажка состоитъ въ прикармливаніи будущей работницы, въ трехъ дняхъ гульбы и въ мѣстѣ спанья: молодымъ разрѣшается спать внѣ избы, пока тепло: въ ригѣ, въ кладовушкѣ.

„Я, грѣшница, говоритъ одна баба недавно женившая своего сына, послушала потихоньку, что̀ они промежъ себя въ первую ночь шепчутъ. Наигрались ужъ знать,—тихо лежатъ, я ужъ думала спятъ, а потомъ вдругъ Ванька и говоритъ: „Акуль!“

„Чево?“ „А вѣдь не чаялъ я, что ты за меня замужъ пойдешь!“

„Что такъ?“—„Да вывели тебя на смотренкахъ, хорошая ты такая! Румяная да чистая, а я корявый да косой... Такъ я и думалъ откажешься ты“.

Вздохнула это все-таки она и говоритъ: „а вотъ и вышла... Чтожъ, можетъ ты лучше меня жалѣть станешь за мое хорошство“.—Посмѣялась я. Смирная она у меня бабенка. Думается лучше и не надо... Разумѣется Ванька мой нехорошъ съ лица, хоть и свое дѣтище, да ужъ скажу правду, и старенекъ по такой (ему 22 года) бабенкѣ: онъ ужъ отъ призыва отшелъ, а ей всего семнадцать годковъ. Да только сирота она,—бѣдность... Ничего при ней нѣтъ, что и было, то прошлый годъ

погорѣло, въ однѣхъ рубашкахъ онѣ съ матерью повыскакали, да и живутъ по фатерамъ съ той поры. А мы, слава Богу, свой хлѣбъ ѣдимъ! И, нечего сказать, смирный мой Ванюшка, да и работникъ...“

Въ первые дни послѣ свадьбы молодая разбираетъ въ разговорахъ съ мужемъ его семью, разспрашиваетъ о всѣхъ отдѣльныхъ членахъ ея, иногда она опасается за будущее, и т. п. Обсуждаетъ „порядки“ въ домѣ своего мужа. Если жена нравится своему молодому мужу, то онъ, разумѣется, ее успокаиваетъ, старается ей объяснить какъ и что, какъ нужно „обойтись“ со свекромъ и свекровью и т. д.

Изъ разговора двухъ бабъ:

— Слыхала, барскій табунщикъ Илья женился?

— Врешь!

— Ничего не вру. И дѣвку какую хорошую взялъ: изъ Сергевки!

— Да онъ вѣдь Настасью сваталъ?

— Мало что: сваталъ да она за него не пошла. — Не пойду, говоритъ, за пьяницу. Вчерась приходилъ къ барину за разсчетомъ: „Поздравьте, говоритъ, меня: я женился!“ А самъ плачетъ и кулакомъ слезы утираетъ. Очинно ужъ онъ Настьку полюбилъ, объ ней стосковался.—Отъ барина пошелъ, встрѣтились они съ Настькой на гумнѣ, разговорились. Парню жалко дѣвки,—дѣвкѣ жалко парня! Плачутъ и цѣлуются.

— Грѣхи-и!

— Такъ-то и говорится недаромъ: поиграть одно дѣло,— а замужъ выйтить другое!

10) $^0/_0$ незаконныхъ рожденій и убійствъ. $^0/_0$ смертности дѣтей и когда бываетъ онъ наивысшимъ (отчего).

Процентъ незаконныхъ рожденій у незамужнихъ въ сущности очень невеликъ въ сравненіи съ „нечестными“ дѣвушками.

Въ большомъ селѣ Б. (около 1200 душъ) одинъ или два, и даже три раза въ годъ такой скандалъ съ дѣвушками слу-

чается. Такихъ дѣтей отправляютъ въ Москву, но случаются и убійства. Такъ въ теченіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ было 2 завѣдомыхъ дѣтоубійства въ этомъ селѣ и его приходѣ,—когда матери попали подъ судъ. (Приговорены были къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ ареста).

На дѣлѣ убійствъ, конечно, больше. Надо принимать во вниманіе и незаконныхъ дѣтей солдатокъ, или просто замужнихъ женщинъ. Незаконность такихъ дѣтей часто извѣстна только самой семьѣ и въ нѣдрахъ семьи легко могутъ происходить такія убійства дѣтей, которыя невозможно вывести на свѣжую воду. Мнѣ всегда подозрительны засыпанія „дѣтей“: такъ легко нарочно придушить маленькаго ребенка, навалившись на него, якобы во снѣ.

Смертность дѣтей бываетъ наивысшая лѣтомъ, Петровками, и особенно въ рабочую пору, когда безпризорныя дѣти питаются кое-чѣмъ и кое-какъ, когда они ѣдятъ и огурцы и незрѣлыя яблоки и всякую зелснуху. Главная причина смертности дисентерія — поносъ. Что касается до $^0/_0$ смертности, то въ большинствѣ семей умираетъ болѣе половины всѣхъ рожденныхъ дѣтей. Рѣдкая баба не родитъ 8-ми, а то и 10, 12 ребятъ, а изъ нихъ остается въ живыхъ 3—4.

11) Подлежатъ ли убійству гулевыя дѣти, или всѣ вообще. Совершается ли убійство подъ вліяніемъ стыда, страха или экономическихъ соображеній. Отношеніе къ дѣтоубійству женщинъ и особенно мужчинъ.

Не всѣ, а гулевыя, конечно. Хилаго, мучащаго свою мать, ребенка, не убьютъ, хотя жаловаться будутъ на его существованіе и ежеминутно призывать смерть на него. Убійство совершается и подъ вліяніемъ стыда и страха, и по экономическимъ соображеніямъ. Дѣвушка конечно скорѣе всего убьетъ своего ребенка подъ вліяніемъ стыда. Замужняя женщина, солдатка подъ вліяніемъ страха передъ мужемъ и семьей, а вдова, обремененная дѣтьми, — по экономическимъ соображеніямъ. (См. разсказы о томъ, какъ отравила спичками

своего незаконнорожденнаго младенца молодая замужняя женщина (подъ давленіемъ свекрови) стр. 47 и какъ утопила въ пруду своего ребенка (незаконнаго) неимущая вдова, живущая по мѣстамъ стр. 40). Старыя старухи очень безжалостно и хладнокровно относятся къ убійству мѣшающаго и обременительнаго незаконнаго „щенка“, а молодыя конечно съ усиліемъ и „надрывомъ“ убиваютъ своихъ дѣтей тогда, когда стыдъ или страхъ затемняетъ имъ соображеніе, или когда невтерпежъ отъ тѣхъ мукъ, которыя переносятъ онѣ и несчастный незаконный малышъ.—Мужчины, я думаю, по моимъ наблюденіямъ, часто просто не знаютъ о такихъ убійствахъ,—среди ихъ семьи даже, а если и догадываются, то изображаютъ собою—„моя изба съ краю, я ничего не знаю; бабы тамъ чего-то путаютъ, проклятыя, ну да Богъ съ ними,—мнѣ то что“. (Такъ навѣрно разсуждаетъ мужикъ, отгоняя отъ себя мысль о томъ, что̀ именно и ка̀къ дѣлаютъ бабы).

У Толстого удивительно схвачены черточки крестьянскія въ такихъ случаяхъ: наблюдаешь крестьянскую жизнь, присматриваешься къ ней—и все это такъ, какъ у него представлено: жестокость старой Матрены, изступленіе Анисьи... все это настоящая крестьянская жизнь, какъ она есть на самомъ дѣлѣ.

12) Черезъ сколько времени послѣ родовъ сожительствуютъ мужья со своими женами? На какую зарю ходитъ бабка откликать крикъ Ивана? Что и какъ поетъ мать надъ люлькой, какъ вообще укачиваетъ дѣтей? Если маленькій рождается въ августѣ, то какъ его няньчатъ осенью и зимой, выносятъ ли на дворъ? Чѣмъ вообще отличается зимнее няньченіе отъ лѣтняго?

„По закону“ надо бы подходить къ женѣ только послѣ 6 недѣль, послѣ того, какъ родильница возьметъ очистительную молитву. Но это рѣдко бываетъ. Послѣ перваго ребенка мужъ иногда побережетъ жену, а ужъ послѣ второго и третьяго, конечно, нѣтъ. Если выпьетъ (подъ пьяную руку), то довольно

часто черезъ недѣлю уже начинаетъ жить съ женой, а нѣтъ, такъ недѣли черезъ 2—3, что уже совсѣмъ обыкновенно. Вообще сожительство Ивана съ женой въ тѣсной связи съ его сытостью, или голодомъ, а также съ выпивкой вина.—Отъѣвшійся осенью Иванъ, да еще послѣ „шкалика“ почти всегда неумѣренъ. А Иванъ голодный, въ рабочую пору, напримѣръ, собственно не живетъ съ женой. Жену, конечно, не спрашиваютъ о ея желаніяхъ: „Аксинья,—иди-ка сюда“—и все тутъ. А жена ужъ по интонаціи знаетъ, „чего нужно“ мужу.

Ходячія колыбельныя пѣсенки:

Баю, баюшки, баю
Баю дитятку мою,
Не ложися на бочокъ,—
Придетъ сѣренькій волчокъ,
Онъ утащитъ во лѣсокъ.

или:

Баю, бай, баю бай
Не ложися ты на край,
Придетъ сѣренькій волчокъ.

и т. д.

Баю, баюшки, баю,
Колотушекъ надаю...
Колотушекъ двадцать пять—
Будешь лучше, крѣпче спать.

или:

Баю, баюшки баю,
Живетъ мужикъ на краю;
Онъ не скуденъ не богатъ,
У него много ребятъ,
Всѣ на коничикѣ сидятъ,
Всѣ соломинку ѣдятъ.

Еще болѣ поражу
Я ничѣмъ не накормлю;
Ничего не подстелю.

или:

Баю бай, баю бай,
Спи, усни, спи, усни
Угомонъ тебя возьми...

Раскачиваютъ люльку ногой (въ рукахъ какое-нибудь шитье). Когда заставляютъ качать люльку маленькую дѣвочку, то случается, что отъ сильнаго раскачиванія ребенокъ вылетаетъ изъ люльки; „Машка, полегче, дура, мотри вывернешь его на землянку!“. Обычный окрикъ на дѣвочекъ.

Послѣдняя пѣсенка самая обыденная (Баю, бай, спи усни, угомонъ тебя возьми), сами бабы говорятъ: „Некогда тутъ „прибирать“ баутки—и безъ того заботы много. Только и скажешь—бай, да угомонъ тебя возьми. Коли ежели ужъ дѣла мало, да объ дѣтяхъ раздумаешься, да горе возьметъ на ихъ глядя, тутъ другой разъ зачнешь прибирать, да рѣко...

„Баю баюшки баю
Баю дитятку мою“...

VI.

Пропиваніе невѣсты, смотрёнки, свадьба.

Самой средней руки свадьба обходится мужику рублей пятьдесятъ. Сватаетъ за сына мать съ бабкой, или съ теткой, или съ крестной матерью. Приходятъ въ домъ невѣсты. Здороваются съ матерью невѣсты (которая, обыкновенно, уже зная о приходѣ свахъ, ждетъ ихъ въ избѣ). Смотрятъ на „матицу“: „Намъ за матицу перейти надо“ (означаетъ, что хотятъ сосватать невѣсту). „Чтожъ, хорошее дѣло“. „У тебя дочка, а у насъ сыночекъ“. „Ну, чтожъ, въ добрый часъ“. „Мы не шутимъ“. „И я не шучу. Чтожъ, я согласна—отца пойти спросить“.

Идутъ за мужемъ. Посовѣтовавшись съ нимъ въ сѣняхъ, приводятъ его къ свахамъ. Повторяется тотъ же разговоръ (свахи все время стоятъ недалеко отъ дверей избы). „Мы согласны, дочку пойти спросить“. Идутъ за дочерью, которая тѣмъ временемъ уже успѣла надѣть почище сарафанъ и платокъ. Спрашиваютъ ее въ сѣняхъ—желаетъ ли она идти замужъ за такого-то. „Какъ вы, батюшка и матушка, желаете“. Приводятъ дѣвку. Свахи осматриваютъ ее. Родители дѣвки говорятъ: „Чтожъ, можно и винца выпить“. Выставляютъ на столъ бутылку вина и свой хлѣбъ. Свахи ставятъ свою бутылку вина и свой хлѣбъ. Дѣвка уходитъ. Садятся, пьютъ вино и закусываютъ, причемъ условливаются о „поклажѣ“ невѣсты и о „дарахъ“ невѣсты жениху. Если мать и отецъ невѣсты рѣшили спровадить свахъ (не отдать дочь), то они запрашиваютъ несоразмѣрную поклажу. А если свахамъ не понравилась невѣста, то онѣ и вина не пьютъ: послѣ ухода невѣсты—тотчасъ же уходятъ сами, ссылаясь на то, что онѣ еще подумаютъ, посовѣтуются съ домашними и женихомъ и т. д. Послѣ того, какъ уговорятся о поклажѣ и дарахъ и выпьютъ вино—дѣвушка „пропита“. Между свадьбой и смотренками женихъ можетъ нѣсколько разъ „провѣдать вечеркомъ невѣсту“. Приноситъ водку и угощаетъ свою будущую родню. Невѣстѣ онъ приноситъ гостинца. Невѣста каждый разъ послѣ того *провожаетъ* его до какого-нибудь перекрестка. Тутъ просватанные нерѣдко вступаютъ въ связь.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того (недѣли черезъ 1—2)—назначаются „смотрёнки“. „Сговоръ“. „Запой“. Женихъ, т.-е. его родители заготовляютъ угощенье (блины, жареная курица, пирогъ, огурцы или моченыя яблоки, жамки, баранки, подсолнухи, водка). Все это укладывается въ сундукъ и берется съ собою. Женихъ и вся его родня ѣдутъ къ невѣстѣ. Входятъ въ избу. Мужчины вмѣстѣ съ женихомъ садятся на одну лавку. Поодаль отъ нихъ, на другую лавку, садятся женщины (тоже женихова родня). Сундукъ съ угощеньемъ ставится около печки.

Невѣста въ это время одѣвается въ лучшій свой нарядъ. Затѣмъ ее выводитъ за руку замужняя ея сестра, или невѣстка. Невѣста кланяется жениху и его роднѣ, цѣлуетъ всѣхъ бабъ. Женихъ и родные встаютъ съ лавки. Невѣсту ставятъ противъ жениха. Платокъ на головѣ невѣсты завязанъ такъ, что лицо ея въ тѣни. Родня жениха осматриваетъ невѣсту очень внимательно. „А не хромая она у васъ?“ Сестра или сноха невѣсты проводятъ ее по избѣ. Предлагаются и другіе вопросы (о глухотѣ, напримѣръ). Затѣмъ будущіе свекоръ и свекровь подходятъ къ дѣвушкѣ. „Что-жъ это она у васъ такъ подвязана? Глазъ не видать—не кривая ли она?“ Сестра невѣсты открываетъ ей лицо. Если невѣста блѣдная, спрашиваютъ, отчего она блѣдна, не „хвора́я-ли“. На слѣдующій послѣ смотренокъ день женихъ иногда пріѣзжаетъ въ телѣгѣ „катать“ невѣсту съ подругами. Онъ везетъ ихъ въ трактиръ, гдѣ угощаетъ ихъ чаемъ, жамками, иногда водкой. По дорогѣ дѣвки поютъ пѣсни, величая жениха и невѣсту, бьютъ въ косы. Лошадь бываетъ съ бубенчиками и съ какими нибудь тряпицами въ гривѣ. Если невѣста понравилась, то мать жениха повязываетъ ей голову привезеннымъ на этотъ случай платкомъ, а отецъ жениха кладетъ ей на темя какую нибудь монету (иногда даже 1 рубль). Послѣ этого отецъ и мать отводятъ въ сторону своего сына, а дѣвушку въ другую сторону отводятъ ея отецъ и мать. Спрашиваютъ жениха, нравится ли ему невѣста, а невѣсту, нравится ли ей женихъ. Если нравится отвѣтъ таковъ: „Вамъ, батюшка и матушка, нравится и мнѣ тоже“. Послѣ этого ставятъ жениха и невѣсту рядомъ и благословляютъ ихъ образомъ. Сначала отецъ и мать жениха, затѣмъ отецъ и мать невѣсты, затѣмъ крестный отецъ и крестная мать жениха и т. д. Женихъ и невѣста кланяются въ ноги благословляющимъ и цѣлуютъ икону. Послѣ этого женихъ и невѣста идутъ держась за руки, либо въ другую избу (если въ крестьянскомъ дворѣ двѣ избы), либо къ сосѣду. Тамъ уже накрытъ столъ и все приготовлено въ ожиданіи ихъ. Во время этого пере-

хода въ другую избу женихъ имѣетъ право пощупать свою невѣсту, особенно, если ему показалось, что у нея какой-нибудь физическій недостатокъ. Тощія невѣсты на этотъ случай обыкновенно надѣваютъ на себя массу юбокъ и сарафановъ (другъ подъ дружку), чтобы показаться пышными. Если женихъ убѣдится, что дѣвушка беременна, то можетъ вернуться къ отцу и матери и разстроить свою свадьбу, хотя это рѣдко случается. Нѣкоторые малые уже „идутъ“ на „погулявшую дѣвушку“ и хорошее приданое, а другіе робки и не сумѣютъ хорошо „ощупать“ невѣсту. Такъ какъ смотренки обыкновенно происходятъ поздней осенью, да еще подъ вечеръ, то въ темнотѣ — въ сѣняхъ или на улицѣ — очень легко это сдѣлать. Женихъ можетъ и на дворъ выйти съ невѣстой. Невѣста должна ужъ молчать въ такомъ случаѣ и слушаться. Приходятъ въ избу. Невѣстинъ братъ сажаетъ жениха и невѣсту за столъ— въ передній уголъ. Приходятъ дѣвушки, подруги невѣсты и садятся вокругъ стола. Сначала ставится на столъ женихово угощенье и вино. Пьетъ сначала женихъ и невѣста и затѣмъ всѣ дѣвушки. Ѣдятъ. Когда съѣдено женихово угощенье, братъ невѣсты ставитъ невѣстино угощенье. Пьютъ и ѣдятъ тѣмъ же порядкомъ. Дѣвушки заигрываютъ величальныя пѣсни. Пляшутъ (очень часто всѣ дѣвушки напиваются пьяны). Женихъ и невѣста въ это время сидятъ рядкомъ и ѣдятъ жамки или щелкаютъ подсолнухи. Имъ не возбраняется жать другъ другу руку и разговаривать между собою. Когда все угощенье кончено и перепѣты всѣ пѣсни — женихъ и невѣста, опять за руку—идутъ въ ту избу, гдѣ „выводили“ невѣсту. Тутъ тоже можно пощупать невѣсту. Одна баба, женившая своего сына на очень бѣдной дѣвушкѣ, которая нравилась сыну, все дразнила сына, что у его жены одинъ палецъ не цѣлый. (Палецъ у нея былъ раздавленъ въ дѣтствѣ дверью). Онъ ей и отвѣтилъ: „Что же матушка, ужъ какъ я ее щупалъ, а не догадался, что пальчикъ у нея не правый, да и ты сама ничего не примѣтила, когда Таньку выводили“. Въ этой избѣ по-

уходѣ невѣсты все время пируютъ „сваты“, т.-е. собственно всѣ старшіе. Тамъ женихъ и невѣста опять садятся въ передній уголъ и старшіе пьютъ за ихъ здоровье и величаютъ ихъ. Затѣмъ невѣста встаетъ и „даритъ сватовъ“: свекору—рубаху, свекрови—платокъ, другой роднѣ—поручники. Послѣ женихова родня садится на телѣги и уѣзжаетъ, а женихъ идетъ домой пѣшкомъ. Невѣста опять рука объ руку съ нимъ, провожаетъ его до конца деревни, или до ближняго перекрестка. За ними слѣдуютъ дѣвушки съ пѣснями. Это уже бываетъ поздно нѣчью и, если женихъ не успѣлъ пощупать свою невѣсту раньше во время переходовъ изъ избы въ избу, то еще и тутъ можетъ это сдѣлать. Въ концѣ деревни всѣ останавливаются. Женихъ цѣлуетъ невѣсту и даритъ ей гостинцевъ (жамокъ, подсолнуховъ и яблокъ). Невѣста возвращается домой. Поспѣшно сбрасываетъ съ себя нарядный платокъ и ударяется головой о лавку съ причитаньемъ—„крикомъ“ (такъ его у насъ называютъ). Ей вторятъ мать и сестра:

„Кормилецъ мой батюшка,
Родимая моя матушка,
Пропили меня горькую, несчастную,
Пропили на зеленомъ винѣ,
Пропили на горѣлой корочкѣ.
Какъ мнѣ будетъ итти во чужи люди,
Къ чужому отцу съ матерью.
Чужому отцу съ матерью угождать надо,
Угождать надо—все ихъ слушаться“.

Послѣ этого всѣ ложатся спать [1]).

Наканунѣ свадьбы бываетъ дѣвичникъ. Передъ вечеромъ, въ этотъ же день—днемъ пріѣзжаютъ отецъ и мать жениха за дарами невѣсты жениху. Они отъ имени жениха привозятъ невѣстѣ фунтъ мыла и пару серегъ; дѣвушки, подруги невѣсты приходятъ къ ней. Невѣста „выставляетъ“ имъ угощенье

[1]) Невѣста кричитъ такимъ образомъ также каждый вечеръ втеченіи недѣли до свадьбы. Иныя невѣсты, совсѣмъ охрипшія, ѣдутъ въ церковь.

и водку. Онѣ ее величаютъ. Послѣ того невѣста обращается къ отцу и къ матери (кричитъ):

„Кормилецъ мой батюшка,
Родимая моя матушка,
Спасибо вамъ за хлѣбъ, за соль;
Отгостила у васъ, отпраздновала—
Послѣдній денечекъ,
Послѣдній часочекъ".

Послѣ этого она раздѣвается и самая близкая ея подруга паритъ ее въ печкѣ и моетъ жениховымъ мыломъ. Дѣвушки поютъ:

„Растопися нова банюшка,
Раскалися жарка каменка,
Ты разсыпься мелкъ-крупенъ жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,
По серебряному блюдечку,
Ты расплачься Акулинушка
Передъ рѡднымъ своимъ батюшкой.
И т. д.

Послѣ этого невѣста идетъ за своей лучшей брачной постелью и стелетъ ее на полъ. На эту постель укладываются спать дѣвушки. Сама невѣста ложится гдѣ-нибудь съ краюшка — ближе къ двери. Утромъ она просыпается раньше всѣхъ подругъ и будитъ ихъ:

„Вставайте, милыя мои подруженьки,
Вставайте умывайтесь ключевой водой,
Утирайтись бѣлымъ ручникомъ.
Бѣла заря занимается,
Мои разлучники подымаются,
Подымаются да собираются
Разлучить меня съ отцомъ, съ матерью,
И съ милыми моими подруженьками".

Дѣвушки встаютъ и идутъ завтракать къ жениху. Затѣмъ возвращаются и завтракаютъ у невѣсты. Все время величаютъ невѣсту и жениха и собираютъ за это подачки деньгами. Послѣ этого приступаютъ къ „собиранію" невѣсты. Расплетаютъ ей косу и чешутъ голову. Она кричитъ:

„Милыя мои подруженки
Не расплетайте вы мою русу косу,
Не вылетайте вы алу ленту,
Не сымайте съ меня дѣвичью красоту;
Не надѣвайте на меня бабью сухоту,
Дѣвичья красота часовая,
Бабья сухота вѣковая.

Затѣмъ надѣваютъ на невѣсту рубашку, юбки, сарафанъ, обуваютъ ее и т. д.

Пріѣзжаетъ женихъ съ поѣзжанами. Отецъ сажаетъ невѣсту за столъ. Если невѣста сирота, то сажаетъ ее крестный отецъ, а она кричитъ: „Не красенъ денекъ безъ краснаго солнышка, не красна моя бесѣдушка безъ родного батюшки“.

Женихъ слѣзаетъ съ телѣги. Въ эту минуту ему навстрѣчу въ вывороченныхъ шубахъ съ устрашающими жестами, съ рогачами, съ кольями въ рукахъ выскакиваютъ всѣ женщины (родня невѣсты), и не пускаютъ „разлучника“ войти въ сѣни. Въ концѣ концовъ — дружка поитъ женщинъ виномъ и онѣ разступаются, чтобы дать проходъ жениху. Когда женихъ входитъ въ избу — за столомъ вокругъ невѣсты сидятъ ея отецъ, крестный отецъ, братья — всѣ вооруженные кнутами и палками. Они не даютъ жениху сѣсть за столъ рядомъ съ невѣстой. Женихъ съ поѣзжанами, тоже вооруженные кнутами, подходятъ къ столу: „Выдавайте же намъ невѣсту“. Тогда начинается „продажа невѣсты“. Отецъ кладетъ на четыре угла стола по пятаку и говоритъ: „Ну-ка, покрывайте“. Дружка (за жениха) на каждую монету кладетъ другую. Отецъ говоритъ: „Теперь золотите невѣсту“. Дружка кладетъ нѣсколько монетъ на середину стола. Тогда женихъ подходитъ къ невѣстѣ и садится за столъ рядомъ съ нею. Сваха собираетъ деньги со стола и передаетъ ихъ невѣстѣ, а на столъ выставляетъ угощеніе (три блюда — не больше). Ѣдятъ и пьютъ. Затѣмъ зажигаютъ свѣчу передъ иконой и отецъ и мать невѣсты благословляютъ жениха и невѣсту. Въ это время дружка, вооруженый чашкой воды, въ которой положенъ хмель, обходитъ три раза женихову повозку,

брызгаетъ изъ чашки водою на лошадей и народъ, кланяется народу и говоритъ: „Крещеный народъ православный, красныя дѣвицы намъ сестрицы, молодые ребята намъ братцы, молодыя молодицы намъ тетушки, молодые мужики намъ дядюшки, старые старички намъ дѣдушки, старыя старушки намъ бабушки, благословите нашего молодого князя ко Божью храму ѣхать, на Божій судъ становиться, златъ вѣнецъ надѣвать, золотой хрестъ цѣловать". Народъ отвѣчаетъ: „Богъ васъ благослови, въ добрый часъ". Дружка сыплетъ на сидѣнье жениху въ его повозку (а также невѣстѣ) овса. Выходятъ женихъ и невѣста. Женихъ подсаживаетъ невѣсту въ ея телѣгу, самъ садится въ другую. Лицо у невѣсты закрыто полотенцемъ. Съ невѣстой ѣдутъ ея крестная мать, сестры, тетки. Женихъ съ поѣзжанами ѣдутъ впередъ.

По дорогѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ свадебный поѣздъ останавливаютъ и не пускаютъ его дальше, пока поѣзжане не откупятся, т.-е. не угостятъ останавливающихъ поѣздъ виномъ. Поѣзжане входятъ въ церковь совершенно пьяные, а если осталось въ штофѣ вино, то допиваютъ его нерѣдко (подъ шумокъ) въ церкви. Послѣ вѣнчанія въ притворѣ церкви крестная мать заплетаетъ молодой ея волосы на двѣ косы (вѣнчается невѣста съ распущенными волосами. Распущенные волосы—знакъ печали. Дѣвушки хоронятъ своихъ умершихъ родныхъ всегда съ распущенными волосами), надѣваетъ повойникъ и платокъ. Множество народа смотритъ на эту церемонію. Послѣ этого ѣдутъ тѣмъ же порядкомъ въ домъ молодого. Тамъ ожидаютъ отцы и матери молодыхъ. На порогѣ сыплютъ на молодыхъ овесъ и хмель. Молодые прикладываются къ образу, который держитъ въ рукахъ мать молодого и берутъ изъ рукъ отца молодого хлѣбъ и соль. Хлѣбъ тутъ же разламывается молодыми пополамъ и кладется на полку [1]). На столѣ стоятъ двѣ связанныя лентой бутылки съ водкой. Молодые садятся

[1]) Вѣроятно, эмблема строгаго раздѣленія имущества между супругами.

за столъ, отецъ и мать развязываютъ бутылки и угощаютъ поѣзжанъ. Свекровь снимаетъ со своей новой невѣстки ея платокъ и повязываетъ другой на мѣсто его (подарокъ). Послѣ этого дружка и сваха берутъ молодыхъ за руки и ведутъ въ хатку, гдѣ на столѣ стоитъ пирогъ съ запеченной въ немъ курицей. Молодые ѣдятъ и послѣ этого, при помощи свахи, молодая снимаетъ свой платокъ, сарафанъ, разувается. Затѣмъ разуваетъ молодого. Въ правомъ сапогѣ молодого спрятана серебряная монета, которую молодая вытряхаетъ изъ сапога и беретъ себѣ. Тогда дружка спрашиваетъ у молодого: „Зачѣмъ ты женился?“ Молодой долженъ отвѣтить: „Жену кормить, поить, съ ней хозяйствовать“. Тотъ же вопросъ предлагается свахой молодой. Молодая:—„Мужу рубахи шить, его одѣвать, сыновъ ему рожать“. Послѣ этого дружка укладываетъ молодыхъ въ постель, такъ, чтобы жена лежала на одной рукѣ мужа и онъ бы ее обнималъ другой рукой, сплетаетъ имъ ноги и укрывши ихъ одѣяломъ, удаляется со свахой. Иногда, до прихода молодыхъ въ хатку, туда являются старшій деверь молодой съ своей женой „грѣть молодымъ постель“. Они укладываются въ постель молодоженовъ и лежатъ тамъ обнявшись, пока молодые ѣдятъ курицу. Когда молодые съ дружкой подходятъ къ постели, дружка съ изумленіемъ восклицаетъ: „Что-жъ это за жеребецъ съ кобылой тутъ валяются?“ Гонитъ жеребца съ кобылой кнутомъ, а когда тѣ не идутъ, угощаетъ ихъ водкой. Деверь и невѣстка удаляются. Когда молодые остаются совсѣмъ одни въ хаткѣ, множество любопытныхъ глазъ и ушей подсматриваютъ и подслушиваютъ у дверей хатки (иногда дѣтскихъ ушей). Если молодой убѣдится въ недѣвственности своей жены, то тутъ же иногда чинитъ расправу. Расправа эта бываетъ ужасно жестокая подчасъ: пинки ногою, щипки въ животъ и половыя части. Одинъ малый, не по доброй волѣ женившійся [1]) на „нечестной“ дѣвушкѣ, такъ ее истязалъ

[1]) Женился онъ по желанію отца и матери, потому что невѣста считалась богатой: былъ „слушокъ“, что отецъ даетъ за ней 15 руб. денегъ.

послѣ свадьбы, что цвѣтущая дѣвушка въ нѣсколько мѣсяцевъ превратилась въ больную, на видъ, женщину. „Весь низъ ей выщипалъ“, говорила ея матъ. Мало того, запиралъ ее на цѣлый день въ маленькій амбарчикъ почти безъ окошка, гдѣ она сидѣла по цѣлымъ днямъ безъ пищи. На ночь тоже запиралъ ее на замокъ, а самъ уходилъ къ своей любовницѣ, какой-то вдовѣ, жившей въ томъ же селѣ. Таскалъ за волосы, билъ чѣмъ попало. Унялся только тогда, когда бѣдная женщина (къ своему несчастью „ужасть смирная“) забеременѣла (несмотря на побои и издѣвательства, онъ жилъ съ нею): „Какъ бы за тяжелую бабу въ острогъ не попасть“.

Возвращаюсь къ свадьбѣ.

Пока молодые находятся въ хаткѣ, въ избѣ идетъ пированье. Бабы, дѣвки и малые пляшутъ, вырядившись скоморохами. Черезъ часъ, другой, дружка и сваха идутъ „поднимать молодыхъ“. Молодая должна надѣть самый яркій свой сарафанъ и платокъ (вѣнчаются въ голубомъ или бѣломъ—„скучные цвѣта“). Сваха снимаетъ съ нея рубашку и передаетъ ее свату. Рубашку эту „сватъ“ (или дружка) кладетъ на глиняное блюдо; когда молодые, одѣвшись, направляются въ избу, дружка несетъ впереди рубашку на блюдѣ. Войдя въ избу, онъ ее передаетъ роднымъ молодого, которые осматриваютъ ее. Въ это время скоморохи хватаютъ съ полокъ горшки и бьютъ ихъ объ полъ, въ знакъ того, что все совершилось. Если по признакамъ оказалось, что молодая цѣломудренна [1]), то съ большою честью подносится первый стаканъ вина матери и отцу молодой. Если же оказалось, что она была „безчестная“, то первые стаканы вина подносятся отцу и матери молодого, а вино отцу и матери молодой подносится въ какой-нибудь кружкѣ съ просверленнымъ дномъ, такъ что вино проливается на полъ, какъ только дружка отпуститъ палецъ, которымъ

---

[1]) Если дѣвушка вышла замужъ за того парня, котораго любила раньше свадьбы, то она съ одобренія мужа, производитъ слѣдующую маленькую хитрость: спрячетъ рубаху запачканную ею во время послѣдняго мѣсячнаго очищенія, да эту рубаху и надѣнетъ къ вѣнцу.

придерживаетъ дырку, пока наливаетъ вино. Пиръ продолжается иногда до глубокой ночи. Затѣмъ молодые ложатся спать настоящимъ образомъ. На утро ихъ опять будитъ дружка и сваха. Сваха заставляетъ молодую мести полъ, причемъ молодая должна отдать свекрови разбросанныя предварительно по угламъ мѣдныя монеты [1]). Затѣмъ завтракаютъ и послѣ завтрака молодые должны принести ушатъ воды. Когда они возвращаются съ водой—сватъ караулитъ ихъ по дорогѣ и проливаетъ первый ушатъ воды. Затѣмъ „сусѣди“ имѣютъ право пролить второй и третій ушаты. Послѣ этого уже молодая вручаетъ свату платокъ (подарокъ), которымъ онъ прикрываетъ ушатъ (или ведро). Послѣ этого къ ушату нельзя прикоснуться и всякій, кто къ нему подберется, получаетъ отъ свата хорошій ударъ кнутомъ. Молодые ставятъ ушатъ у дверей избы. Въ это время семейскія бабы, вымазавъ себѣ руки сажей [2]) и сѣвъ верхомъ на метлы, гонятся за „сусѣдями“, пачкая имъ руками лица. Когда сватъ говоритъ „довольно“, молодая беретъ ручникъ, бабы унимаются, а запачканные сосѣди подходятъ къ ушату умываться, причемъ опускаютъ въ ушатъ кто копейку, кто двѣ, а кто три. Утираются ручникомъ изъ рукъ молодой. „Ежели бабы потѣшныя,—насмѣшить умѣютъ, другая молодая цѣлый рупь наберетъ“.

„Богатый и кобеля женитъ, такъ у него пиръ“.

Отецъ и мать молодой обыкновенно пируютъ всю ночь во дворѣ своего зятя; на утро ихъ провожаетъ домой вся семья молодыхъ и даже сами молодые (въ иныхъ деревняхъ это не проводы, а просто катанье). Ѣдутъ на нѣсколькихъ телѣгахъ всѣ, разумѣется, пьяные—со штофами водки. Бьютъ въ косы, поютъ пѣсни, родня молодого (бабы) машутъ надъ головами рубашкой молодой (это уже непремѣнно). Такой поѣздъ, разумѣется, собираетъ массу любопытныхъ—смотрятъ, шутятъ

---

[1]) Разбрасываются эти монеты, чтобы узнать не воровка ли молодая, а также, чтобы убѣдиться, чисто ли она мететъ полъ

[2]) У насъ говорятъ „спухой“ и „спуха“—сажа.

довольно нецензурно. Заѣзжаютъ въ другія деревни къ роднымъ; останавливаются, пляшутъ и все помахивая той же рубашкой: „И ты такъ ѣздила, и твою рубашку возили съ собой?“ „Знамо ѣздила, что подѣлаешь, только ужъ зажмурилась да не смотрѣла“. Когда „поднявъ“ молодыхъ, сваха снимаетъ съ молодой рубашку, то мать молодого нерѣдко стоитъ за дверьми, ожидая рубашки. Снявъ рубашку съ молодой, сваха моетъ молодую и молодого и затѣмъ они уже одѣваются. (Случай съ матерью, обидѣвшейся, что сняли рубашку съ ея невѣстки безъ ея вѣдома, „за глаза“). Разсказываютъ такой случай, что одна „нечестная“ дѣвушка, какъ только уложили ее спать съ молодымъ мужемъ, призналась ему въ своей недѣвственности и, предложивъ ему 20 рублей, попросила его какъ-нибудь прикрыть ея стыдъ. Малый поймалъ цыпленка, оторвалъ ему голову и его кровью запачкалъ рубаху молодой, но сваха къ несчастью, все подглядѣла и подслушала и, передавая рубашку свекрови,—объявила, что „не стоитъ ее на міръ нести, потому-то и потому-то“. „Теперь ужъ все это стали бросать, потому почитай всѣ дѣвки безчестныя“.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ дѣвушку невѣсту возятъ предлагать въ жены. Дѣвушку „уберутъ, одѣнутъ“ и отецъ, братъ, или какой нибудь родственникъ, везетъ ее по своей деревнѣ— и по чужимъ деревнямъ. По деревнѣ телѣга ѣдетъ тихо,— отецъ выкрикиваетъ: „Не надо ли на́долбу;“ всѣ сходятся смотрѣть на невѣсту и кому она понравится,—тотъ зазываетъ ее къ себѣ во дворъ словами: „дуда, дуда,—поварачивайся сюда“, и отецъ съ дочерью, или братъ съ сестрой, входитъ въ избу;— невѣсту еще разъ осматриваютъ (болѣе подробно) въ избѣ и условливаются о днѣ запоя, если она окончательно понравится.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ дѣвушки вѣнчаются въ сарафанахъ и уже послѣ вѣнчанія надѣваютъ паневу, а въ другихъ деревняхъ,—дѣвушка надѣваетъ паневу, когда „обряжается“, чтобы ѣхать въ церковь. Это дѣлается такъ: дѣвушка

въ одной рубашкѣ стоитъ на лавкѣ, а братъ держитъ паневу на уровнѣ лавки—предлагая дѣвушкѣ „вскочить“ въ паневу. Дѣвушка долго не соглашается, отворачивается говоря: „хочу вскочу, хочу невскочу“. Мать ее уговариваетъ: „Вскочи мое дитятко, вскочи, мое милое. Не вѣкъ тебѣ, дѣвушка, въ дѣвкахъ вѣковать, будь же умница, будь же разумница“. Дѣвушка, наконецъ, впрыгиваетъ въ паневу, которую ей завязываетъ братъ.

По представленію крестьянъ,—самое лучшее если женихъ и невѣста ровесники—„ровня“. Невѣста „обижается“, если женихъ ея старше года на 4—5: „Помретъ ране меня“. Собственно, бабы рано старятся, главнымъ образомъ, только внѣшнимъ видомъ своимъ. Несмотря на неблагопріятныя условія для ихъ здоровья, несмотря на болѣзни даже и истощеніе, бабы нерѣдко родятъ въ 50 лѣтъ а въ 45—46 лѣтъ сплошь и рядомъ. Я знаю случай, когда баба родила 63-хъ лѣтъ отъ роду. Мужу ея было столько же лѣтъ сколько и ей. Баба эта умерла, когда ей минуло 67 лѣтъ, а мужъ ея до сихъ поръ живъ. Его „послѣдышу“—сыну теперь 12 лѣтъ. Бываютъ, впрочемъ, такіе случаи и тоже не такъ рѣдко, что мужъ еще бодрый старикъ а жена уже старуха дѣйствительная. Это ведетъ иногда къ „сноха̀честву“, (снохà̀чествуютъ иногда и вдовцы, женивъ сына). Не надо забывать, что часто жены старше мужей. Нынѣче на нашей деревнѣ (дворовъ 25—30) 8 свадебъ и изъ нихъ двѣ такихъ: 1) Жениху 18 лѣтъ — невѣстѣ 24. 2) Жениху 20 лѣтъ — невѣстѣ 25. На этой же деревнѣ я знаю четыре молодыхъ брачныхъ пары,—гдѣ тоже жены на 2—7 лѣтъ старше мужей. А лѣта стариковъ теряются уже въ мракѣ временъ.

Я говорила выше о невзыскательности жениховъ относительно наружности невѣстъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ поголовно были невзыскательны, но разборчивые женихи все-таки рѣдкость. У „красивой невѣсты“ (красивой,—разумѣется по примитивнымъ крестьянскимъ вкусамъ), больше „жениховъ“,

чѣмъ у некрасивой, но какой нибудь малый, за котораго не пошла замужъ красивая невѣста—совершенно спокойно и невозмутимо женится на самой некрасивой... Въ соображеніяхъ родительскихъ, какъ уже тоже было говорено, все сводится къ работоспособности невѣсты, а въ послѣднее время все чаще и чаще къ ея приданному (деньгамъ).

Суевѣрія.

Дѣвушка или женщина для того, чтобы приворотить кого-нибудь къ себѣ („чтобы любилъ“) смываетъ съ своей запачканной рубашки кровь и эту кровь (т.-е. лучше сказать воду съ кровью) даетъ незамѣтно выпить (въ квасу, или въ чаѣ) тому, кого она хочетъ „приворожить“ къ себѣ. Въ вѣрности клянутся „Святыми Тайнами“: „Чтобы мнѣ никогда Святыхъ Тайнъ не принять больше, если не женюсь на тебѣ (или не выйду за тебя замужъ)“. Клянутся „матерью сырой землей“ и иногда, для закрѣпленія своей клятвы, ѣдятъ эту землю. Самая крѣпкая ненарушимая клятва—это клятва Святыми Тайнами.

При вѣнчаніи въ ходу слѣдующія суевѣрія:

1) Когда женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой и, откупивъ сѣни, входитъ въ избу, кто-нибудь изъ кровныхъ родныхъ невѣсты долженъ впередъ его войти въ избу, иначе „чужіе“ внесутъ смуту и раздоръ въ невѣстину семью.

2) Дружка смотритъ какъ стоятъ лошади въ ожиданіи жениха и невѣсты: если понуро,—жизнь молодыхъ будетъ невеселая; если весело, но смирно, между молодыми будетъ миръ и согласіе, если лошади бѣсятся, то и молодые будутъ жить не согласно и т. п.

3) Невѣсту и жениха сажаютъ на овесъ, чтобы жили богато.

4) Если мужъ начнетъ заплетать косу своей женѣ самъ (послѣ вѣнчанія), то это тоже залогъ согласной жизни.

5) Возвращаясь изъ церки и вступая въ избу, молодая хватается обѣими руками за притолку, „чтобы мужъ любилъ“.

6) Когда молодыхъ подводитъ сваха къ столу,—никто не

долженъ пройти между молодыми, иначе они будутъ несогласно жить.

7) Колдуновъ и колдуній боятся во время свадьбы, т. к. молодыхъ легче всего испортить „подъ вѣнцомъ“, или когда они возвращаются домой. Подъ вѣнцомъ можно пустить порчу „по вѣтру“ молодымъ въ спину, а когда они входятъ въ избу, то у порога легко имъ бросить подъ ноги завязанный узелокъ веревки съ наговоромъ. „Порча“ выражается въ томъ, что молодые не любятъ другъ друга или сохнутъ и хвораютъ, или не пьютъ, не ѣдятъ и т. п.

Въ прежнія времена отцу „нечестной“ дѣвушки надѣвали для позора хомутъ на шею послѣ того, какъ молодыхъ поднимутъ. Любовникъ „нечестной“ дѣвушки можетъ послать передъ ней рогожу на церковной паперти, когда она съ молодымъ мужемъ выходитъ изъ церкви.

Какъ выражается любовь къ женѣ.

Этотъ вопросъ меня давно уже интересовалъ и одно время я думала, что „никакъ“, благодаря тому, что внѣшнихъ выраженій нѣжности мужа къ женѣ положительно нѣтъ, даже у молодоженовъ. Но послѣднее время я думаю нѣсколько иначе...—„Ужъ и жалѣетъ же свою жену Петруха, есть ли такая счастливая баба во всей деревнѣ!“ Петруха простой мужикъ, кучеръ у насъ, но такъ сказать кучеръ „отъ сохи на время“. Я уже давно знала, что онъ простой, смирный малый, а что жена у него „премудрая“ (славная, ловкая бабенка, только ужъ, дѣйствительно, у себя на умѣ). Знала я, что Петруха не пьетъ вовсе (бросилъ вино послѣ того, какъ послѣ какой-то свадьбы въ пьяномъ видѣ чуть не утонулъ въ пруду) и не бьетъ своей жены. Самъ онъ совсѣмъ не „хозяинъ“, но жена хозяйственна въ высшей степени, все „обдумаетъ“, какъ посѣять, скосить свою паюшку, какъ купить корову и т. п. И вотъ на зовъ жены, Петруха, который въ сущности совершенно даже не приспособленъ для заботъ о завтрашнемъ днѣ, — летитъ въ деревню, чтобы сдѣлать, что „баба

проситъ". Не пуститъ его, онъ крадучись уйдетъ ночью, и, если потребуется, явится съ повинной: „Хозяйка моя *удумала* просо скорѣй связать, а того и гляди дождь — я ужъ ей и скосилъ паюшечку"... (ночью). А если жена ему скажетъ, что изба не „ухвоена на зиму" (не законопачена, такъ что вѣтеръ дуетъ), то онъ ужъ будетъ самъ не свой, пока не урвется къ женѣ и не „спокоитъ ее". Беззаботнѣе этого Петрухи не было мужика на всей деревнѣ, пока онъ былъ холостъ (онъ женился уже по отбытіи воинской повинности). Къ сожалѣнію, такіе Петрухи и такія отношенія мужа къ женѣ страшно рѣдки. Собственно, это даже единственный примѣръ, который я знаю. (Петруха женатъ уже лѣтъ 8—9).

Въ саду, на порубкѣ.

Я, — глядя на молоденькую березку и липку, выросшія какъ бы изъ одного корня и сплетшіяся между собой:

— „Ишь ты какъ сплелись".

Садовникъ: „Спорятся, кто кого осилитъ".

Работникъ (не безъ оживленія) „Знамо липка осилитъ, гдѣ-жъ березкѣ съ ей тягаться..."

Нѣмцы непремѣнно бы сказали что нибудь о двухъ любящихъ другъ друга существахъ — потому-де въ саду такъ полагается и что все это можетъ наводить только на „трогательныя" мысли...

Раздѣленіе имущества и обязанностей между мужемъ и женою.

Мужнина вся усадьба, хлѣбъ, лошади, овцы, весь полевой инвентарь. Мужъ строитъ на свои деньги избу, дворъ, амбаръ, ригу, покупаетъ лошадь и другую скотину, телѣгу и прочее. Онъ покупаетъ и хлѣбъ, крупу, говядину, капусту, соль, керосинъ („газъ"), солому для отопленія. Мужикъ плететъ лапти на всю семью. Вьетъ всѣ веревки. Валенки на всю семью доставляетъ мужикъ.

Жена—покупаетъ посуду (горшки, блюда, чугуны, ложки, скалки, рогачи, вальки, мыло, кадушки). Изготовляетъ мужу изъ своего матеріала варешки, шарфы, кушаки, сукно на поддевку, онучи. Ленъ сѣетъ мужикъ. Берутъ ленъ бабы. Волокно поступаетъ бабамъ, а сѣмя мужику. Бабы всегда норовятъ „выбрать“ ленъ съ зеленцой, когда волокно лучше, а сѣмя еще не поспѣло. Молотятъ ленъ чаще бабы. Волокно дѣлится между семейскими бабами, выбиравшими (или „бравшими“) ленъ, поровну, „щипами“, т.-е. льняными снопиками. Бабы жадны на ленъ. Имъ всегда мало семейскаго льну и онѣ добываютъ для себя ленъ еще на сторонѣ. (Помѣщики даютъ брать бабамъ ленъ на такихъ условіяхъ: бабы платятъ за десятину льна отъ 6 до 10 рублей, выбираютъ ленъ и молотятъ его. Сѣмя остается въ пользу помѣщика). Для такой добычи льна баба, обыкновенно, соединяется со своей матерью, или теткой (если матери нѣтъ), которая потомъ хранитъ ея ленъ и „мычетъ ей намыки“, т.-е. приготовляетъ ленъ для пряжи. Одѣваетъ съ ногъ до головы мужа, себя и дѣтей (сапоги, впрочемъ, мужъ шьетъ себѣ самъ на свои деньги)—ткетъ ему веретья. Станъ съ бердами, самопряха съ гребнемъ и донцемъ, мялки тоже покупаются на ея деньги. Также и сундукъ, въ который она складываетъ все свое имущество. Ея работа (по найму) дѣлится такъ: въ рабочую пору—мужъ получаетъ плату за женину сдѣльную работу (у какихъ-нибудь нанимателей), плата же за ея поденную работу принадлежитъ ей самой. Въ нѣкоторыхъ селахъ, впрочемъ, въ рабочую пору баба работаетъ на мужа и сдѣльно и поденно. Покосъ также считается за рабочую пору. Остальное время года женщина работаетъ на себя и сдѣльно и поденно. У мужа и жены постоянная война изъ-за работы. Мужикъ, положимъ, уговаривается скосить и убрать у помѣщика „изъ полу“ сѣно. А баба его вдругъ „закалянится“, отговариваясь какимъ-нибудь другимъ домашнимъ дѣломъ и мужикъ не можетъ взять работу у помѣщика. Иногда, въ самую горячую пору, когда

помѣщикъ готовъ заплатить высокую цѣну за уборку какого-нибудь хлѣба, всѣ бабы отказываются идти вязать и предпочитаютъ лежать на печи. „Мнѣ-то что, пропадай *его* (т.-е. мужнины) деньги пропадомъ—не пойду я ему вязать, авось и дома дѣла много,—его же одѣвать, обувать“. (Понятно, какъ трудно бываетъ крупному землевладѣльцу убрать во-время свой хлѣбъ при такихъ условіяхъ). Бываютъ и взаимныя покражи у супруговъ—и очень нерѣдко. То мужъ выкрадетъ изъ женинаго сундука ея деньги на свою какую-нибудь „нужду“ или на кабакъ, то жена своруетъ у мужа муки или крупы для того, чтобы отдать въ мелочную лавочку за мыло или за какой-нибудь ситецъ. У пьяныхъ мужей жены вытаскиваютъ кошельки изъ сапога... (въ свою очередь дѣти воруютъ у матери яйца и всякую мелочь). Воруютъ у мужей шерсть. Куры, понятно, всецѣло принадлежатъ бабѣ. Что касается до коровы, то и она считается принадлежностью (не совсѣмъ собственностью) жены, хотя такая крупная покупка, какъ корова, большею частью производится на общія (мужа и жены) средства.

Нельзя сказать, чтобы крестьяне хорошо обращались съ скотиной. Лошадей постоянно бьютъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, всякій мужикъ, разумѣется, глубоко сокрушается, если падетъ лошадь (большой убытокъ). Точно также и баба о коровѣ. По павшей лошади, или коровѣ, или даже овцѣ бабы „кричатъ“ (бабы, впрочемъ „кричатъ“ и по разнымъ украденнымъ или потерянным предметамъ. Я сама слышала „крикъ“ дѣвки по котамъ, которые она потеряла, идя домой съ ярмарки). За лошадью „ходитъ“ мужикъ, за коровой баба. Относительно коровъ существуетъ слѣдующій обычай: положимъ, у мужика побогаче есть корова и телка. Корова опять телится. Эта телка уже лишняя, ее прокормить нечѣмъ. И вотъ баба отдаетъ ее другому (бѣдному мужику), заключая съ нимъ условіе (разумѣется устное), чтобы онъ пользовался молокомъ отъ двухъ или отъ трехъ телковъ (которые тоже поступаютъ этому мужику). Послѣ этого мужикъ долженъ вер-

нуть корову ея владѣльцу. Если корова падетъ, то ея владѣльцу возвращается ея шкура. Такая корова (у мужика ея взявшаго) называется „корова изъ телковъ“. Иногда — это бываетъ на исходѣ срока пользованія коровой — мужикъ говоритъ, что у него нѣтъ коровы. „Какъ же нѣтъ, а я намедни видѣла баба твоя загоняла?“ „Да она у меня изъ телковъ“. Овцы общее имущество. Но бываютъ овцы „собинки“ — частное имущество бабы—члена семьи. По смерти бабы ея собинка переходитъ ея матери (при условіи, если она „покоитъ“ своихъ внучатъ) или ея дочери, но никогда не поступаетъ въ семью. Иногда баба, видя, что не прокормитъ свою собинку въ зиму—отдаетъ ее чужому мужику на прокормленіе. За это мужикъ беретъ себѣ ягненка, которымъ „окотится“ весною овца. Шерстью овцы мужикъ не пользуется.

Шерсть съ семейскихъ овецъ дѣлится такъ: весенняя поступаетъ въ дѣлежку бабамъ, а осенняя мужикамъ. Овчины съ такихъ овецъ—собственность мужиковъ, которые не обязаны снабжать бабъ теплой одеждой.

Свиньи принадлежатъ мужикамъ.

Еще недавно не всякій мужикъ могъ различить всѣ кредитные билеты, не могъ денегъ путемъ сосчитать, не зналъ хорошо цѣнъ на предметы фабричнаго производства. А теперь уже у каждаго мужика—портмонэ, и онъ умѣетъ очень аккуратно подсчитать свою податную книжку или счетъ съ землевладѣльцемъ или лавочникомъ. Одновременно онъ научился знать цѣну своему труду — и, сознавая, что то купецъ норовитъ взять съ него лишнее, то землевладѣлецъ старается воспользоваться его нуждою, чтобы нанять его подешевле, онъ тоже, въ свою очередь, умѣетъ уже прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, чтобы сработать поменьше, а взять подороже. Если помѣщикъ даетъ ему недостаточную, по его мнѣнію, цѣну, за какую-нибудь работу то онъ охотнѣе просидитъ дома безъ работы. „Небось, не мнѣ, такъ другому заплатитъ еще подороже“.

Изба.

Отъ 6 до 9-ти аршинъ въ квадратѣ. Окна два. Сѣнца обыкновенно рубятся изъ деревьевъ потоньше и похуже. Прямо противъ входной двери въ сѣнца—другая дверь, выходящая на дворъ; при входѣ въ избу налѣво отъ двери—лавка называемая конникъ (иконникъ или оконникъ). Лавка подъ окнами (самая длинная изъ всѣхъ лавокъ въ избѣ) называется передняя лавка. Въ углу, образуемомъ передней лавкой и конникомъ (надъ лавками разумѣется) помѣщаются на полкѣ иконы. Лавка, находящаяся у стѣны противоположной той, къ которой прислоненъ конникъ, называется судникомъ. Въ правомъ дальнемъ углу избы—находится печь, либо „бѣлая“ (съ трубой), либо „черная“ (безъ трубы). Печь сложена изъ кирпича и снаружи выбѣлена. Наверху печи (примыкаетъ къ палатямъ) мѣсто, гдѣ можно лежать (лежанка). Когда топится „черная печь“, то обыкновенно отворяется дверь въ сѣнцы, это вытягиваетъ дымъ до высоты двери, а выше—онъ стелется синевато-бѣлымъ пологомъ, въ которомъ ничего не видно. Высота двери—это ростъ средняго или небольшого человѣка. Гораздо чаще небольшого, такъ что приходится нагибаться, входя въ избу (вся вышина избы $2^1/_2$ аршина). Стоять въ избѣ порядочнаго роста человѣку во время топки—очень трудно, такъ какъ глаза его находятся въ ѣдкомъ пологѣ дыма. Да и подъ пологомъ, сидя на лавкѣ, все-таки ощущаешь ѣдкость дыма на своихъ глазахъ. Я, по крайней мѣрѣ, не могу пробыть въ курной избѣ, когда топится печь, долѣе 10 минутъ, а крестьяне привыкаютъ. Есть старики, которые не слѣзаютъ съ печи во время ея топки (т.-е. лежатъ въ самомъ густомъ пологѣ дыма), но я думаю, они лежатъ съ закрытыми глазами. Когда печь истопится—закрывается заслонка и „все тепло тутъ“, какъ говорятъ мужики: они того мнѣнія, что *черныя* печи гораздо теплѣе *бѣлыхъ*. Я не знаю теплѣе ли, но ощущала, что послѣ закрытія заслонки, дымъ долго еще щиплетъ глазъ.

Топятъ у насъ соломой. Самая лучшая солома для топки—это ржаная, а овсяная и просовая—гораздо хуже. Крестьяне съ вечера подстилаютъ себѣ солому, чтобы спать на ней. Утромъ солому сжигаютъ въ печи, а къ вечеру подстилаютъ свѣжую. Такимъ образомъ у крестьянъ получается очень гигіеничная подстилка для спанья, но, вѣдь, это только въ урожайные годы. Совсѣмъ не то бываетъ въ такіе годы, когда соломы для топки не хватаетъ (она вся идетъ скоту, причемъ еще иногда и крыши раскрываютъ, чтобы не поморить голодной смертью скотъ). Въ такіе годы—спятъ на своей одеждѣ, а печь топятъ сухимъ навозомъ („котяхàми"), или разнымъ бурьяномъ,—репьями, татарникомъ, крапивой. Въ такіе годы и болѣзней среди крестьянъ больше, (отчасти, благодаря отсутствію гигіенической постели) и глаза гораздо болѣе портятся. Въ голодные (91—92) годы—въ двухъ маленькихъ деревушкахъ (по 15 дворовъ каждая) „ослѣпло" человѣкъ около 10 отъ топки. Топка эта была—сухой навозъ и всякій бурьянъ, собранный по межамъ, дорогамъ, оврагамъ. Дымъ отъ такой топки былъ настолько ѣдокъ, что у вышеупомянутыхъ, ослѣпшихъ (преимущественно стариковъ и дѣтей) на глазахъ образовались бѣльма. Всѣхъ этихъ больныхъ свезли впослѣдствіи въ городскую земскую больницу, но тремъ изъ нихъ такъ и не удалось вернуть зрѣнія.

Возвращаюсь къ избѣ..

Лавка идущая отъ печки къ стѣнѣ, гдѣ находится дверь въ избу—называется задникомъ. Лавка, образующая съ ней уголъ—называется придѣлокъ. У угла печки вбитъ въ землю столбъ (вышиною въ дверь), столбъ этотъ поддерживаетъ брусъ, который другимъ своимъ концомъ лежитъ на бревнѣ избы надъ самой дверью. Между брусомъ и стѣною намощены доски—это полати. На печкѣ обыкновенно спятъ старики или маленькія дѣти. Остальные члены семьи размѣщаются на ночь на полатяхъ, задникѣ, придѣлкѣ, конникѣ и судникѣ. Въ углу, образуемомъ конникомъ и передней лавкой стоитъ столъ. Въ избѣ бываетъ еще

обыкновенно переносная недлинная лавка (или двѣ), которая приставляется къ столу во время обѣда и ужина. Полъ бываетъ земляной или досчатый (черный и бѣлый). Мостится полъ на перерубахъ. Доски идутъ поперекъ избы, т.-е. параллельно той стѣнѣ, въ которой находится входная въ избу дверь. Подъ поломъ бываетъ обыкновенно вырыта яма (на подобіе погреба). Туда спускается лѣстница (черезъ отверстіе въ полу, обыкновенно закрытое досками). Яма эта называется подполье, „по̀дполъ“ и туда обыкновенно ссыпается картошка. Къ стѣнѣ избы надъ судникомъ прибиты полки, на которыхъ стоитъ посуда (горшки). Потолокъ утверждается на матицѣ. Матица идетъ поперекъ избы, а доски мостятся параллельно той стѣнѣ, въ которой находятся окна. Сверху (на чердакѣ) доски замазываются глиной, затѣмъ насыпается сухой листъ, а затѣмъ земля. Крышу поддерживаютъ стропила и уго̀льники. На нихъ (поперекъ) укрѣпляется „складникъ“. На него накладывается хворостъ (рѣшетникъ), а затѣмъ уже солома. Рамы въ окна и двери крестьяне покупаютъ отдѣльно (притолка для двери рубится заодно съ избою). Устройство (внутреннее) каменной избы одинаково съ деревянной. Таково же устройство и мазанки (которыя, благодаря своей сравнительной дешевизнѣ все болѣе и болѣе распространяются). Мазанка дѣлается такъ: вбиваются въ землю квадратомъ столбы и пространство между ними „забирается“ заборомъ, т.-е. забивается толстыми досками, или брусьями дерева и замазываются глиной. Мазанка бѣлится и снаружи и извнутри. Крестьянскій дворъ—плетеный. Соломенный навѣсъ надъ нимъ поддерживается нетолстыми срубами, называемыми „подсохи“ (кроется дворъ соломой точно такъ же, какъ и изба). Дворъ квадратный—въ квадратѣ отъ 10 до 25 арш. Въ углахъ двора пространство между подсохами забивается нетолстыми досками, это „катухи“ для скотины. Бываетъ отъ 1 до 4 катуховъ. Подъ навѣсомъ двора, хранятся сохи, телѣги, бороны, сани. Затѣмъ, если крестьянская изба не въ два сруба (что, къ слову, почти всегда и бываетъ), то у крестьянина

бываетъ клѣть, или амбарчикъ (по нашему, мѣстному,—„хатка“) для того, чтобы складывать туда зерно, муку, одежду, бабьи сундуки, обувь и разные предметы домашняго обихода. Хатки бываютъ квадратныя отъ $3^1/_2$ до 7 аршинъ въ квадратѣ. Въ нихъ бываетъ обыкновенно одно крошечное оконце, обращенное къ избѣ, т.-е. на улицу. Хатки обыкновенно ставятся противъ избъ,—въ рядъ, такъ что рядъ избъ и рядъ хатокъ—образуетъ деревенскую улицу. Обыкновенно передъ хатками и передъ избами посажены ивы (по мѣстному „лозины“); за тѣмъ, чтобы передъ избами сажались лозины (антипожарная мѣра), слѣдятъ урядники. Благодаря этимъ лозинамъ (достигающимъ очень почтенныхъ размѣровъ), нѣкоторыя деревушки чрезвычайно живописны. Внутри хатки, по ея стѣнамъ, расположены лавки, а надъ ними на стѣнахъ прибиты полки. Въ хаткахъ спятъ весной, лѣтомъ и осенью. Хатки чаще всего мазанныя, но бываютъ и рубленныя и даже каменныя съ желѣзными крышами и дверями (у кулаковъ). За крестьянскими дворами—огороды и риги. Требуется, чтобы риги стояли не ближе чѣмъ на 30 саженей къ избамъ—и чтобы вокругъ нихъ тоже были насажденія лозинъ. За этимъ тоже слѣдятъ урядники. Риги кроются какъ избы (соломой), только складникъ утвержденъ не на угольникахъ и стропилахъ, а на „быкахъ“. Въ ригу ведутъ ворота. Въ ригѣ зимою молотятъ (также и лѣтомъ въ дождливую погоду). Такъ какъ при закрытыхъ воротахъ въ ригѣ темно, то въ ней лѣтомъ спятъ, чтобы избѣжать мухъ (на полу на соломѣ). Если сѣни у избы широкія, то въ нихъ ставятся иногда бабьи сундуки и вѣшаются хомуты. При избѣ всегда бываетъ погребъ („погребица“). Помѣщается она обыкновенно очень близко къ избѣ. Она крыта соломой, въ родѣ шалаша. Въ нее ведетъ дверь, а затѣмъ спускъ — лѣсенкой. Въ погребицѣ хранится молоко, рѣдька, свекла, капуста, моченыя яблоки, солонина. Зимою въ избѣ ютятся овцы, держатъ только что отелившихся коровъ, опоросившихся свиней съ ихъ потомствомъ (если въ катухахъ холодно). Куры зимой живутъ

на дворѣ, гдѣ имъ подъ крышей устраивается нашестъ. Прежде деревянныя избы были преимущественно дубовыя, а теперь ужъ ставятся преимущественно лозинныя. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ болѣе половины избъ кирпичныя. Съ постоянными раздѣлами и дробленіемъ имуществъ, стали, какъ я уже говорила, распространяться мазанки. *У многихъ крестьянъ нѣтъ риги, или хатки, или даже двора.*

Бюджетъ.

Крестьянская семья, состоящая изъ мужа, жены, старухи-матери мужа и 3 дѣтей, изъ которыхъ одинъ подростокъ (12 лѣтъ). Средній достатокъ. (1 лошадь, 1 корова, 2 овцы).

(Въ урожайный годъ).

Доходъ.

Съ двухъ ревизскихъ душъ надѣльной земли, (2 десятины) убрано:

Ржи 16 копенъ = 13 четвертямъ.
Овса 8 „ = 11 „
Проса 4 копны = 3 „
Картофеля — 10 чет.

Изъ этого хлѣба продано: овса 8 четвертей 4 мѣры по 2 р. 40 к. чет. . . . . 18 р. 20 к.
Поденщиной заработано . . . . . 10 „ — „
Сдѣльными работами . . . . . 12 „ — „
Заработками за 3 десятины . . . . 15 „ — „
Продано скота (телка) . . . . . 10 „ — „
За зиму заработано извозомъ . . . . 12 „ — „

Итого . . . 77 р. 20 к.

Расходъ.

Хлѣба.

На сѣмена ржи, овса, проса, картофеля.
Остальной хлѣбъ съѣденъ.

Прикуплено хлѣба (муки 15 пудовъ по 60 к.).	на	9 р.	— к.
Обувь.		10 „	— „
Одежда		15 „	— „
Керосинъ		2 „	— „
Спички и соль		2 „	30 „
Мясо на престольный праздникъ, Рождество и Пасху		4 „	— „
Рыба на масленницу		2 „	— „
Водка на престольный праздникъ и масленницу.		2 „	10 „
Священнику		1 „	85 „
Прикуплено топки (соломы) по 50 коп. копна		5 „	— „
Въ церковь (въ ящикъ и на свѣчи).		3 „	— „
Повинности (казенныя, уѣздныя, волостныя и сельскія за двѣ души)		18 „	— „
Земскихъ налоговъ		5 „	— „
Деготь		1 „	20 „
Пастушина		1 „	20 „
	Итого . .	81 р.	65 к.

Когда въ какомъ-нибудь селѣ водворяется новый цѣловальникъ, то онъ поступаетъ такъ (для того, чтобы заручиться покупателями): беретъ у тѣхъ крестьянъ, которые того желаютъ, росписки, засвидѣтельствованныя въ волостномъ правленіи, что такой-то Иванъ Косорукій, или Тихонъ Зубановъ, взялъ у него взаймы 8 — 20 рублей. Это кредитъ, по которому крестьянинъ Иванъ или Тихонъ, могутъ забирать у него товара (вина разумѣется) на сумму обозначенную въ роспискѣ и яко бы данную имъ цѣловальникомъ взаймы.

Раздѣлъ.

Раздѣлъ происходитъ обыкновенно отъ женскихъ ссоръ: „дѣтки про щетки, матки про дѣтокъ", (ссорятся). Иногда ссоры бываютъ разумѣется не изъ за дѣтей. Иногда „большой" въ семьѣ, (отецъ или братъ) выдѣляютъ одного изъ членовъ за то, что онъ мало подаетъ въ семью денегъ. Чаще всего это бываетъ, разумѣется, если этотъ членъ живетъ на сторонѣ. Иногда большая семья дѣлится пополамъ изъ за тѣсноты въ избѣ.

О своемъ желаніи доводятъ до свѣдѣнія сельскаго старосты, который собираетъ сходъ по этому случаю. На сходѣ оцѣнивается все имущество и семья дѣлаетъ раздѣлъ имущества (бросая жребій). Собственно члены схода не участвуютъ въ распредѣленіи имущества. Это дѣлаютъ сами дѣлящіеся, но на глазахъ схода. Составляется общественный приговоръ кому-что досталось съ подписями и печатью. Волостное правленіе утверждаетъ этотъ приговоръ.

Имущество дѣлится примѣрно такъ: все имущество оцѣнено въ 355 руб. 15 коп. (причемъ расцѣнена каждая вещь въ отдѣльности); дѣлятъ его такъ: изба въ 80 руб. на одну сторону, амбаръ въ 45 руб. и рига въ 30 руб. на другую сторону; мечутъ жребій, и тотъ кому достанется изба, тотъ выплачиваетъ получившему ригу и амбаръ 5 рублей. Такъ по жребію опредѣляютъ все, и постройки и инвентарь и скотъ.

Покончивъ раздѣлъ имущества, семья идетъ домой. Молятся Богу и разрѣзаютъ хлѣбъ на двѣ половины — одну половину беретъ одна сторона, другую—другая. Цѣлуются („прощаются"), иногда плачутъ и расходятся. Если выдѣляется только малая часть семьи (одинъ, два члена его), то ей дается не половина хлѣба, а только небольшой ломоть его (отсюда, разумѣется, выраженіе: „отрѣзанный ломоть").

Хлѣбъ—по понятіямъ крестьянина, всегда долженъ сопутствовать крестьянскому дому и всѣмъ событіямъ крестьянской

жизни. Только въ голодные годы да въ ожиданіи прихода попа не всегда увидишь хлѣбъ на полкѣ въ избѣ. Въ первомъ случаѣ его слѣда не бываетъ вовсе, а во второмъ онъ подальше прибирается отъ „завидущихъ глазъ“.

Въ голодуху крестьянскіе обѣды и ужинъ сводятся къ одному обѣду или ужину черствымъ хлѣбомъ (размоченнымъ въ водѣ). Въ хлѣбъ подмѣшиваютъ лебеду. Въ голодуху мужикъ разумѣется усиленно ищетъ какого-нибудь заработка, или идетъ побираться всей семьей. Голодные ребятишки, когда сойдетъ снѣгъ, ѣдятъ всякіе корешки и травки (щавель, кашку). Варятъ щи изъ снытки [Aegopodium Podagraria].

А въ урожайные годы тотъ же мужикъ, (который готовъ былъ за грошъ влѣзть въ хомутъ, когда хлѣба не было)—лежитъ на печи и иногда никакой цѣной не заманишь его наработу.

Когда мужики не платятъ податей, то старшины отправляютъ ихъ, иногда, „на измыву“—отсиживать въ холодную въ какое-нибудь дальнее село, верстъ за 20—30, а изъ того села мужики тогда пригоняются „отсиживать“ сюда. Дѣлается это, разумѣется, по распоряженію земскаго начальника.

Навозятъ землю небогатые мужики очень мало. Вывозятъ въ поле не болѣе 20 возовъ навоза. Навозомъ въ плохіе годы топятъ. Изъ навоза же, мѣшая его съ глиной, дѣлаютъ кизяки, изъ которыхъ складываютъ хатки. Сушеный для топки навозъ называется „котяки“.

Разговоры мужиковъ вертятся больше всего вокругъ ихъ домашнихъ дѣлъ, полевыхъ работъ, взыскиванія податей, волостнаго старшины и т. д. Иногда ведутся разговоры и о другомъ: напр. объ ожидаемыхъ милостяхъ Царя, по поводу какого-нибудь событія, напр., коронаціи, рожденія наслѣдника и т. д. Ждутъ, конечно, прощенія недоимокъ. Когда открылись церковно-приходскія школы, толковали, что это „Государынино дѣло“, что она, выходя замужъ за нашего Царя, „смѣялась ему“, что народъ у него „неукъ“ (неученый—темный). Про Государыню у насъ вообще ходятъ слухи, что

она „милостивая“ и думаютъ, что отъ нея „може еще какія милости намъ выйдутъ“.

Бабы, конечно, почти не принимаютъ участія въ такихъ разговорахъ: ихъ разговоры—сплетни о сосѣдяхъ, о „барскихъ дворахъ“ и помѣщиковъ и т. п.

Всякая милость царская всегда вызываетъ толки о возможности другихъ милостей.

Подсобные промыслы у крестьянъ.

Всѣ наши подсобные промыслы только для домашняго обихода: валянье валенокъ, портняжничество, сапожное дѣло, плотничье дѣло, шорное дѣло. Кроютъ крыши (соломой), кладутъ избы и печи, обжигаютъ кирпичъ, чинятъ гармоники и т. п. — все — тѣ-же пахари. Многіе изъ этихъ дѣлъ они дѣлаютъ довольно плохо. Напримѣръ, кирпичъ у насъ бываетъ очень неаккуратной формы, часто недожженный. Можетъ быть это объясняется тѣмъ, что дѣло это еще сравнительно ново. Только съ семидесятыхъ годовъ деревянныя избы стали замѣняться кирпичными. Зато кроютъ у насъ крыши соломой въ совершенствѣ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ напр. Епифанскомъ, есть нѣкоторыя деревни, гдѣ всѣ поголовно землекопы и иногда очень далеко уходятъ на этотъ промыселъ (всегда артелями). Плотники тоже иногда работаютъ артелями. Есть нѣсколько деревень, гдѣ плетутъ кружево.

Свалять мужскія валенки стоитъ отъ	—	р.	80	к.	до	1	р.	—	к.
„ женскія „ „ „	—	„	50	„	„	—	„	60	„
Сшить поддевку женскую „ „	—	„	75	„	„	1	„	—	„
„ „ мужскую „ „	—	„	75	„	„	1	„	—	„
„ „ дѣтскую „ „	—	„	40	„	„	—	„	50	„
„ шубу мужскую . „ „	1	„	—	„	„	1	„	30	„
„ „ женскую . „ „	—	„	80	„	„	1	„	—	„
„ коты . . . . „ „	2	„	50	„	„	—	„	—	„
„ башмаки . . . „ „	3	„	—	„	„	—	„	—	„

Сшить сапоги	стоитъ отъ	7	р.	50	к. до	—	р.	—	к.
Срубить срубъ	„ „	15	„	(со скамьями и столомъ).					
„ сѣнцы	„ „	5	„	—	„ „	—	„	—	„
Замостить полъ . . .	„ „	3	„	—	„ „	—	„	—	„
„ потолокъ . .	„ „	3	„	—	„ „	—	„	—	„
Сдѣлать лавку	„ „	—	„	Дѣлаются за одно съ избою.					
„ столъ	„ „	—	„						
Покрыть соломой ригу .	„ „	7	„	—	„ „	11	„	—	„
„ „ избу .	„ „	3	„	—	„ „	—	„	—	„
„ „ дворъ .	„ „	8	„	—	„ „	10	„	—	„
Сложить кирпичн. избу .	„ „	15	„	—	„ „	—	„	—	„
„ „ печь .	„ „	3	„	—	„ „	4	„	—	„
Тысяча кирпича . . .	„ „	4	„	50	„ „	10	„	—	„
Починка гармоники за голосъ (т.-е. за 1 клапанъ)	„ „	10	„	—	„ „	—	„	—	„
Законопатить избу . .	„ „	1	„	—	„ „	—	„	—	„
Заплести дворъ . . .	„ „	5	„	—	„ „	—	„	—	„
„ сѣнца . . .	„ „	2	„	—	„ „	—	„	—	„
Окно (окон. рама) . .	„ „	—	„	40	„ „	—	„	70	„
Дверь	„ „	—	„	80	„ „	1	„	—	„
Дерева для сруба избы идетъ на сумму	„	35	„	—	„ „	—	„	—	„

Условія заработковъ.

„Взять деньги у помѣщика или купца подъ заработки“. По условію, крестьянскій дворъ берется убрать (т.-е. собственно говоря посѣять и убрать) у землевладѣльца 2—6 десятинъ въ двухъ поляхъ (яровомъ и озимомъ). Пишется условіе, свидѣтельствуемое въ волостномъ правленіи и крестьянинъ-домохозяинъ—сразу получаетъ (впередъ) всѣ деньги „подъ работу“. Вспахать, посѣять, выполоть и убрать десятину какого-нибудь хлѣба, подъ заработки, обходится помѣщику отъ 4 р. 50 к. до 5 р. 50 к., тогда какъ убирая такую же десятину не подъ заработки, онъ долженъ заплатить за ея рас-

пашку, выполку и уборку отъ 7 до 12 рублей. На этихъ заработкахъ нѣкоторые землевладѣльцы сильно прижимаютъ крестьянъ и они все-таки идутъ въ эту кабалу, ради уплаты податей. Заработки берутъ у помѣщиковъ какъ разъ въ то время, когда взыскиваютъ подати: августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь—мѣсяцы.

Формы, въ которой пишутся договоры въ крестьянами о заработкахъ.

„Тысяча восемьсотъ девяносто девятаго года, 2 октября мы, нижеподписавшіеся крестьяне-товарищи Епифанскаго уѣзда Мурашенской волости, деревни Чернышевки: Яковъ Матвѣевъ Марсаковъ, Павелъ Спиридоновъ Шикуновъ, Никита Павловъ Благовъ и Максимъ Григорьевъ Селезневъ выдали сей договоръ Караваевской конторѣ купца 2-ой гильдіи Семена Тихоновича Благополучнаго въ слѣдующемъ:

1) Взялись мы, крестьяне, обработать въ экономіи купца 2-ой гильдіи С. Т. Благополучнаго въ будущемъ (такомъ-то) году шесть десятинъ ржи и шесть десятинъ овса.

2) За обработку этихъ двѣнадцати десятинъ мы, крестьяне, при написаніи сего, всѣ деньги по пяти рублей за десятину, а всего шестьдесятъ рублей сполна получили.

3) Обработка ржи должна быть слѣдующая: два раза вспахать и за каждой пахотой забороновать, выбрать полынь, посѣять рожь, запахать сохою съ бороною за двумя, или тремя сохами, затѣмъ въ другомъ мѣстѣ скосить рожь. Связать ее, скласть въ копны, свозить на гумно и покрыть скирды. Обработка овса слѣдующая: разсѣять овесъ, два раза вспахать съ бороною за двумя или тремя сохами, чисто выполоть, скосить, связать, скласть въ копны, свозить на гумно и покрыть скирды. Затѣмъ осенью вспахать ржище.

4) Мы, крестьяне, обязуемся нигдѣ еще такихъ заработковъ не брать, а въ случаѣ если возьмемъ, то уплачиваемъ по три рубля неустойки за каждую взятую нами десятину.

5) На всѣ работы мы, крестьяне, должны являться по первому требованію и производить ихъ въ лучшемъ видѣ, а пахоту не менѣе восьми бороздъ въ сажени. Въ случаѣ неявки въ назначенное время, мы, крестьяне, должны отработать въ другое время и уплачиваемъ въ пользу конторы С. Т. Благополучнаго по два рубля штрафу, а въ случаѣ неявки вовсе,—по три рубля штрафу за каждую работу на каждой десятинѣ отдѣльно. Въ случаѣ дурной пахоты обязуемся тотчасъ перепахать ее, а за прочія дурныя работы уплачиваемъ по два рубля штрафу за каждую работу на десятинѣ отдѣльно. При исполненіи этихъ работъ отвѣтствуемъ круговой другъ за друга отвѣтственностью.

Взялись:	Рожь.	Овесъ.
Яковъ Морсаковъ	2 дес.	2 дес.
Павелъ Шикуновъ	1 1/2 „	1 1/2 „
Никита Благовъ	1 „	1 „
Максимъ Селезневъ.	1 1/2 „	1 1/2 „
Итого. .	6 дес.	6 дес.

По сему договору подписуемся крестьяне неграмотные: Яковъ Марсаковъ, Никита Благовъ, Максимъ Селезневъ, по безграмотству ихъ по ихъ личной просьбѣ и за себя росписался крестьянинъ: Павелъ Шикуновъ. 1899 года, Октября 2 дня настоящій договоръ Мурашенское волостное правленіе свидѣтельствуетъ подписомъ и приложеніемъ печати. Волостной старшина Столяровъ. Писарь Груздковъ.

Нѣсколько дѣлъ изъ волостного судоговоренія (рѣшенныхъ въ день судоговоренія). Подати. Старшина.

1) Судится одинъ мужикъ съ другимъ мужикомъ (печникомъ—каменщикомъ) за то, что этотъ второй мужикъ не окончилъ заказанной ему истцомъ работы (по замѣчанію одного помѣщика,

истецъ не выигралъ бы своего дѣла, если бы сохранился болѣе патріархальный строй крестьянской жизни и крестьяне были бы менѣе знакомы съ законами. Не выигралъ бы оттого, что печникъ, который въ то же время и пахарь, былъ неисправенъ вслѣдствіе невозможныхъ условій уборки въ нынѣшнемъ году. Еслибъ онъ сдѣлалъ къ сроку свою работу, то легко бы могъ лишиться самъ своего хлѣба), получивъ всѣ деньги, слѣдуемыя ему за работу—къ сроку, который оговоренъ въ условіи. Судъ присудилъ каменщика къ уплатѣ неустойки.

2) Судятся двѣ бабы снохи, поругавшіяся между собою. Младшая сноха подала на старшую жалобу за̀ то, что старшая обозвала „шмонницей“ ее и „распутёвой“. Дѣло было такъ. Младшая сноха вернулась со своимъ мужемъ изъ Новочеркасска и вскорѣ послѣ того мужъ ея раздѣлился со своимъ братомъ. При раздѣлѣ младшій братъ и его жена остались недовольны неудобной перерѣзкой помѣстья и вслѣдствіе этого бабы непрерывно ругаются.

Предсѣдатель суда: „Предлагаю вамъ обѣимъ помириться“.

Младшая сноха: „Ни по чемъ мириться не стану: слыханное ли это дѣло, обозвала меня потаскухой... Я съ мужемъ живу. Шесть лѣтъ въ Черкасскомъ прожила—такихъ рѣчей ни отъ кого не слыхала, а она—на́-ко!“

Старшая сноха: „А ты зачѣмъ мою дочерю впередъ ругала?“

Младшая сноха: „Вретъ она, никогда не ругала“.

Старшая сноха: „Скажи, зачѣмъ ругала? Она дѣвушка, да я молчала, а ты баба, тебѣ не зазорно иное слово прослухать, а ты и въ судъ сейчасъ... Ко всему готовому домой пришла, а мнѣ говорить, — судьи праведные, — ты, говорить, на печи сгнила“... и т. д. и т. д. Въ результатѣ судъ приговариваетъ старшую сноху къ аресту на 3 дня въ холодной: она удаляется со словами: „что-жъ, Христосъ пострадалъ, и я пострадаю“. Младша́я сноха ко всеобщему удовольствію и увеселенію: — „Эка, на три дня подъ а̀рестъ. Я бы на три года ее, Христову мученицу, въ острогъ упрятала...“

3) Баба судится съ мужикомъ изъ-за „помѣстья“, „позёму“. 12 лѣтъ тому назадъ мужъ ея, лежа въ больницѣ земской (гдѣ онъ и умеръ) помѣнялся своимъ поземомъ съ другимъ мужикомъ, своимъ односельчаниномъ. Этотъ мужикъ только-что выдѣлился изъ своей семьи и еще не получилъ своего помѣстья отъ общества. Онъ уплатилъ больному мужику 30 р. за амбарчикъ на его землѣ. Условіе было составлено такъ, что поземъ больного мужика теперь переходитъ въ его собственность съ тѣмъ, что уступившій ему его мужикъ имѣетъ право пользоваться лозинками, на немъ растущими, вплоть до того времени, когда онъ получитъ отъ общества новый поземъ (тотъ, который долженъ былъ до мѣны получить выдѣлившійся мужикъ). Вскорѣ послѣ заключенія условія больной мужикъ умеръ, а другой мужикъ, еще ранѣе того, положивъ копію съ договоромъ въ карманъ, ушелъ въ Москву, къ своей женѣ. Овдовѣвшая баба такимъ образомъ ничего не знала о томъ, что ея умершій мужъ промѣнялъ свой поземъ. Черезъ годъ послѣ его смерти она вышла за другого, въ другое село. Свою единственную дочь взяла съ собой ко второму мужу, а избу продала. Еще года черезъ два вернулся изъ Москвы настоящій владѣлецъ ея позема и поселился на этомъ своемъ вымѣненномъ помѣстьи. Вдовѣ онъ, разумѣется, предъявилъ договоръ свой съ ея покойнымъ мужемъ. Баба, зная, что она всегда можетъ потребовать съ общества поземъ, который она должна была выдѣлившемуся мужику, продолжала жить у мужа, не требуя пока своего помѣстья. Черезъ 11 лѣтъ послѣ заключенія договора о промѣнѣ мужикъ взялъ да и вырубилъ всѣ лозины на своемъ помѣстьи—и продалъ ихъ. Тогда баба, на основаніи договора, что мужъ ея (а за его смертью дочь ея, которой она состоитъ опекуншей) имѣетъ право пользоваться лозинами со своего помѣстья, подала на мужика въ волостное. Мужикъ думалъ доказать свою правоту десятилѣтнею давностью, но былъ присужденъ къ уплатѣ бабѣ стоимости проданныхъ имъ лозинокъ.

4) Тоже о порубкѣ лозинъ на чужомъ помѣстьи (сосѣдомъ у сосѣда).

5) Тяжба крестьянъ съ землевладѣльцемъ. Три мужика (по круговой порукѣ) взялись убрать у землевладѣльца (купца) 2 десятины проса. Во время уборки одинъ изъ мужиковъ повздорилъ съ купцомъ и сказалъ ему какую-то грубость, за что купецъ при разсчетѣ вычелъ со всей артели 15 рублей. Мужики подали въ волостной судъ, чтобы взыскать съ купца 10 рублей въ пользу двухъ неповинныхъ членовъ артели (не ругавшихся съ купцомъ). Дѣло за неявкою купца было отложено. Это уже третья неявка купца. „Мы дальніе—вотъ третій разъ сюда таскаемся, а онъ вишь не является“. Купецъ не являлся на судъ потому, что, какъ мѣщанинъ, онъ не подлежалъ волостному суду, а мужики по незнанію закона подали на него въ волостное, а не земскому.

Былъ такой случай. Жили два брата и одинъ изъ нихъ ушелъ въ Москву съ женою. 20 лѣтъ про него не было ни слуху ни духу, онъ ни копейки не присылалъ большому на хозяйство. (По поводу „присылокъ“ денегъ: мужицкія денежныя письма обыкновенно приходятъ въ волостное правленіе. Старшина нерѣдко самовольно задерживаетъ эти деньги на подати, не извѣщая даже адресата о ихъ полученіи. Иногда просто кладетъ эти деньги себѣ въ карманъ. При такихъ обстоятельствахъ трудно бываетъ иногда провѣрить, правда ли, что такой-то меньшой братъ не присылалъ ни одной копейки на хозяйство). Большой хозяйствовалъ и, разумѣется, уже считалъ и имущество и избу и помѣстье своимъ, принимая во вниманіе двадцатилѣтній трудъ, вложенный имъ въ свою усадьбу. Вдругъ, какъ снѣгъ на голову, является младшій братъ, съ угрозами требуетъ не только своей земли, но и имущества и, получивъ требуемое, для закрѣпленія благополучнаго исхода своего дѣла поитъ міръ водкой (міръ могъ бы не утвердить раздѣла)—и садится „на все готовое“. Понятно, какія чувства онъ вселяетъ въ брата и въ его семью... На этой почвѣ возникаетъ, ра-

зумѣется, нѣсколько судебныхъ дѣлъ. Чаще всего судятся изъза помѣстьевъ, или „позёмовъ“. Судятся съ помѣщикомъ изъза заработковъ, т.-е., лучше сказать, помѣщикъ судится съ крестьянами (у земскаго). Законы знаютъ по большей части плохо, а потому сплошь и рядомъ предъявляютъ иски тѣмъ, кто по закону правъ. Судиться очень любятъ, особенно если видятъ возможность оттягать что-нибудь у другого, сдѣлать другому подвохъ за какое-нибудь оскорбительное слово и т. п. „Клявуза“ въ послѣднее время одно изъ золъ деревни. Розгами послѣднее время уже наказываютъ все рѣже и рѣже. Былъ впрочемъ еще не такъ давно случай, что одна баба (изъ глухой деревушки) заставила въ волостномъ правленіи выпороть своего мужа за то, что онъ не хотѣлъ съ ней жить. Бываютъ случаи, что сѣкутъ сыновей, оскорбившихъ своихъ отцовъ. Такихъ непокорныхъ дѣтей (лѣтъ 20-ти иногда) сѣкутъ при волостномъ правленіи безъ суда. Волостной старшина вызываетъ по жалобѣ отца или матери такого малаго и его сѣчетъ сторожъ при волостномъ правленіи. Сѣкутъ розгами, связанными изъ ивовыхъ прутьевъ. Для этой экзекуціи снимаютъ съ виновнаго нижнюю часть костюма и кладутъ его на полъ въ волостномъ правленіи. Всѣ крестьяне изъ села допускаются смотрѣть на это зрѣлище. Болѣе всего крестьяне не любятъ денежныхъ взысканій и штрафовъ. Для нихъ это самое тяжелое наказаніе, за которое они мстятъ и поджигаютъ. Гораздо охотнѣе они отсиживаютъ въ холодной—лишь бы это было не въ рабочую пору. Если мужику приходится отсидѣть въ холодной въ рабочую пору, по его просьбѣ волостной старшина иногда отсрочиваетъ это наказаніе до осени. При такой отсрочкѣ кто-нибудь изъ родныхъ мужика беретъ его на поруки. Водка при этомъ разумѣется играетъ роль. „Угости старшину — онъ и попростѣетъ“. (Попростѣть — значитъ по нашему подобрѣть). Бабы отсиживаютъ въ холодной свои провинности наравнѣ съ мужиками. Сажаютъ и беременныхъ бабъ и бабъ съ грудными дѣтьми, которыхъ онѣ въ такихъ случаяхъ

имѣютъ при себѣ въ холодной. Сами крестьяне считаютъ свой міръ неправеднымъ. „Трудно, вотъ какъ трудно жить въ міру. Тотъ правъ, у кого родни много. За своего родного всякъ свой голосъ подаетъ—а ужъ одинокому и плохо. Затѣмъ-то одинокій и на сходъ не съ охотой идетъ. Все равно, молъ, правъ никогда не буду. А тутъ еще водка. За водку да за деньги у всякаго судьи виноватый правъ буде“... На выколачиваніе податей крестьяне, разумѣется, сильно ропщутъ. „Неужто у Царя денегъ мало, земля наша малая, а такія подати берутъ“. „Не Царь беретъ, а его слуги: не вѣдаетъ Царь, что вѣдаетъ псарь“... По этому поводу крестьяне нерѣдко разсуждаютъ между собою, завидуя господамъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ усиленно ходилъ между крестьянами слухъ о передѣлѣ земли.

Очень жалуются мужики на свою отвѣтственность за другихъ членовъ общества. „Было у насъ два брата пьяницы—жили съ отцомъ старымъ, да накопили недоимку рублей въ полтораста, а то и больше. По веснѣ оба померли, а теперь ихнюю недоимку на насъ разложили, да еще отца ихъ корми. Сами знаете, деревенька наша маленькая, пятнадцать дворовъ. Нешто я обязанъ за пьяницу платить,—какая же тутъ правда. Въ нашемъ міру никакой правды нѣтъ“. Такъ говоритъ всякій почти мужикъ.

А тѣ, которые побогаче, горько жалуются на отношеніе къ нимъ ихъ односельчанъ. „Ненавиствуютъ (завидуютъ)—постояно: чѣмъ ты насъ лучше, погоди—сравняешься съ нами ужо. Вздумаешь яблоньку посадить: Э-э, садъ вздумалъ заводить, баринъ какой. Мы не жрамши сидимъ, а онъ садъ, да отгораживаться!“ И плетень сломаютъ а посаженную яблоню вытащатъ. А если яблоня выросла и даетъ яблоки, то считаютъ своимъ долгомъ дѣлать на нее набѣги. „Во какъ ненавиствуютъ,—случись у тебя какое несчастье, сейчасъ тебя добьютъ...

---

[1]) Недоимки наслѣдственныя очень часты.

Утопятъ...“ Это мнѣ разсказывалъ зажиточный мужикъ, разбогатѣвшій совершенно случайно и нисколько не пользующійся крестьянской бѣдностью для ея эксплоатаціи въ свою пользу. Этотъ богатый мужикъ, убирающій до 120 копенъ ржи, со съемной земли (у помѣщиковъ снимаютъ землю отъ 7 до 12 рублей за десятину въ годъ) и знакомый съ садоводствомъ, потому что лѣтъ 20 жилъ въ садовникахъ, не можетъ, несмотря на всѣ свои старанія, завести себѣ ни сада, ни огорода... „Бился, бился,—да ужъ рукой махнулъ—теперь и капусту и огурцы все покупаю“. Поджоги изъ мести очень часты. При выколачиваніи податей—кулакамъ лафа. Подати начинаютъ выколачивать съ сентября. Если подати поступаютъ туго, то сажаютъ въ холодную сельскихъ старостъ тѣхъ обществъ, которыя не вносятъ своихъ податей. А затѣмъ уже староста начинаетъ сажать подъ арестъ отдѣльныхъ неплательщиковъ. Въ крайнемъ случаѣ—назначается продажа съ молотка крестьянской скотины. Иногда (по случаю круговой поруки) не разбираютъ кто платилъ подати, кто нѣтъ, а прямо „съ краю“ (съ крайняго двора) начинаютъ продажу. А если продаютъ у неплательщиковъ, то они стараются спрятать свою скотину у заплатившихъ подать богатыхъ своихъ родственниковъ. Продажу обыкновенно производитъ старшина, рѣдко пріѣзжаетъ становой. При продажѣ скотины бабы „кричатъ“. Скотина идетъ, разумѣется, по дешевой цѣнѣ (коровы и лошади стоющія 30 руб. идутъ по 10—15 руб.). Скотину эту большею частью скупаютъ кулаки. Всякій мужикъ, лишившись своей скотины, разумѣется стремится вернуть ее. Для этого отдаетъ въ залогъ свою и женину одежду—продаетъ тому же кулаку (рублей за 10 десятину) свою озимь и, коекакъ сколотивши деньжонокъ, выкупаетъ у кулака свою корову, или лошадь, переплачивая за нее кулаку рублей по 5 (продана была лошадь за 10 руб. а онъ ее выкупаетъ у кулака за 15 р.),—При покупкѣ озими кулаки „даютъ срокъ“ на 1 мѣсяцъ, въ теченіе котораго мужикъ можетъ выкупить

свою озимь обратно, но опять-таки переплативши за нее по 5 рублей на десятину. Собственно, нельзя это назвать взиманіемъ процентовъ за залогъ. Это двѣ отдѣльныя купли-продажи. Тотъ же кулакъ, давая мужику денегъ взаймы, беретъ иногда съ него очень маленькіе проценты, а иногда и вовсе не беретъ. Угоститъ его мужикъ водкой, онъ и даетъ ему взаймы до извѣстнаго срока (безъ процентовъ). А когда срокъ наступитъ и мужикъ не можетъ отдать своихъ денегъ, то за бутылку водки отсрочиваетъ платежъ.

Главнымъ вершителемъ судебъ въ крестьянскомъ обществѣ является все-таки не земскій начальникъ, а старшина. Старшина—орудіе обоюдоострое. Съ одной стороны полезенъ (для всей государственной машины—разумѣется) тѣмъ, что онъ вѣдаетъ главную суть крестьянской жизни, всѣ ея мышиныя норки, въ которыя не можетъ вникнуть земскій начальникъ, а съ другой—отъ этого-то его положенія, въ связи со взглядомъ, что его должность дана ему, такъ сказать, на прокормъ, происходитъ не мало зла. Старшина получаетъ 600 р. жалованья—и, не надо забывать, что при такихъ условіяхъ сплошь и рядомъ является арендаторомъ земли или землевладѣльцемъ гораздо болѣе крупнымъ, чѣмъ любой крестьянинъ. Понятно, что у него на первомъ планѣ его собственные интересы. И онъ держитъ въ рукахъ мірскую сходку,—беря взятки и, въ свою очередь, подкупая продажный элементъ въ крестьянскомъ мірѣ, для рѣшенія разныхъ вопросовъ какъ ему (старшинѣ) это сподручно. Продажный элементъ существуетъ во всякомъ обществѣ [1]: „крикуны, глоты“, какъ ихъ называютъ крестьяне. Глоты въ томъ смыслѣ, что у нихъ широкая глотка для того, чтобы кричать и для того, чтобъ пить. Эти-то глоты—являются еще болѣе важными вершителями судьбы какого-нибудь Ивана, чѣмъ его родственники. За глотами скрывается старшина, а за

[1]) Собственно, всегда найдется такой элементъ, который пойдетъ на подкупъ.

старшиною нерѣдко какой-нибудь крупный землевладѣлецъ изъ купцовъ, обладающій нѣсколько сотъ-тысячнымъ капиталомъ. Къ такому купцу частитъ старшина, обѣдаетъ у него и за денежную мзду обдѣлываетъ разныя дѣла для купца. Напримѣръ, начинаетъ усиленно выколачивать подати съ тѣмъ разсчетомъ, что крестьяне за дешевую плату наберутъ заработковъ у купца и т. п. Недавно одинъ изъ старшинъ устроилъ такое хорошее дѣльце для купца, что одно крестьянское общество промѣняло купцу 35 десятинъ своей земли у самой станціи Пурлово (станція эта съ будущимъ вѣдь!) за приплату всего лишь 2000 рублей.

Старшина (опять-таки, благодаря своимъ глотамъ) сидитъ крѣпко и по истеченіи трехлѣтняго срока вновь избирается на свою должность. По новомъ избраніи, онъ обыкновенно караетъ тѣхъ крестьянъ, которые подавали голосъ противъ него, притѣсняя ихъ при сборѣ податей и т. п. Подати, которыя начинаютъ обыкновенно взыскивать въ сентябрѣ — относятся къ январю этого же года, а потому волостной старшина можетъ легко притѣснить мужика, потребовавъ съ него недоимку мѣсяцемъ или двумя раньше общаго „выколачиванія“. Надо замѣтить, что при обыденныхъ крестьянскихъ дѣлахъ рѣдко соблюдается формальность счета голосовъ. Потолкуютъ, переговорятъ, согласятся: „всѣ согласны“; какихъ-нибудь два-три голоса противъ—уже не имѣютъ значенія. Но въ такихъ дѣлахъ, какъ промѣнъ мірской земли купцу или въ чемъ-нибудь другомъ подобномъ—старшина [1]) считаетъ голоса, чтобы не быть уличеннымъ. Считаетъ тѣмъ болѣе, что такія дѣла рѣшаются вовсе не значительнымъ большинствомъ голосовъ, а лишь перевѣсомъ 2—5, 7 голосовъ. Не одни старшины берутъ взятки. Берутъ ихъ и другіе начальники. За такимъ примѣромъ недалеко ходить... Изъ всего этого ясенъ взглядъ „Ивановъ“...

---

[1]) Считаетъ разумѣется не самъ старшина, а сельскій староста по его приказанію.

на своихъ начальниковъ, придавленныхъ, находящихся подъ гнетомъ такой „силы“ „Ивановъ“... Собственно, вѣдь, это заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ никакого исхода. Кто при такихъ условіяхъ — можетъ подняться выше общаго уровня и подать собой примѣръ другимъ? (Старшина нерѣдко бываетъ предсѣдателемъ волостного суда [1]).

По моему наблюденію, въ силу ли привычки, или извѣстной наслѣдственности, не берусь рѣшать,—крестьяне любятъ землю. По крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ (даже изъ пожившихъ въ городахъ) никому такъ не „завистствуетъ“, какъ владѣльцамъ земли... Народъ все-таки считаетъ „капиталъ“ чѣмъ-то болѣе шаткимъ чѣмъ земля, чѣмъ-то, что можетъ скорѣе, чѣмъ земля выскользнуть изъ рукъ, хотя бы благодаря соблазнамъ, которымъ онъ подвергаетъ. Кстати: крестьяне извѣстнаго возраста считаютъ „господъ“ „слабыми“ (сладкоѣжками), разоряющимися благодаря своему бѣлоручеству. Выработается ли такой же взглядъ на господъ у теперешней крестьянской молодежи—не знаю. По-моему эта молодежь (я разумѣю 18—20-лѣтнихъ малыхъ), покамѣсть еще ужасно неопредѣленна по части „взглядовъ“. Многіе старые устои отвергли, а новыхъ себѣ еще не нашли. Положимъ она живетъ еще за отцовскими спинами. Къ строгости, даже къ ручной расправѣ какого-нибудь старшины (особенно, если эта строгость постоянна) крестьянинъ имѣетъ своего рода уваженіе: „У насъ старшина вѣ какой лютый—такъ тебя и встрѣчаетъ: „тебѣ чаво поганецъ?“ Пра—слово. Кажиннаго такъ“. Къ гнѣву непослѣдовательному—мужикъ относится безъ уваженія: У насъ есть земскій начальникъ, въ сущности „добрый малый“, у котораго припадки гнѣва смѣняются полной слабостью. Подъ пьяную руку, онъ чинитъ, изрѣдка и ручную расправу, но къ нему крестьяне имѣютъ очень мало уваженія,—подсмѣиваются надъ нимъ.

---

[1]) На священниковъ существуетъ у крестьянъ взглядъ, что они дармоѣды: „Постоитъ на мѣстѣ, прочитаетъ молитву и вынимай ему полтину“.

„Побирушки“ (нищіе).

Побирушки—это обыкновенно старики или дѣти, рѣже женщины, молодыя или средняго возраста. Дѣти и члены какой-нибудь крестьянской семьи, которые идутъ „по кусочки“, когда недостанетъ своего хлѣба дома и негдѣ его добыть. Когда какой-нибудь семьѣ въ первый разъ приходится посылать своихъ членовъ „по кусочки“, то это обыкновенно сопровождается слезами и причитаніями. Побираются дѣти, начиная даже съ 6 лѣтъ. Другой типъ побирушекъ — побирушки постоянные: это какіе-нибудь безсемейные и бездомные старики и старухи, увѣчные, (по нашему „улогіе“), дурачки, идіоты, слѣпые; такіе убогіе бываютъ иногда изъ несовсѣмъ бѣдныхъ семействъ, которыя тѣмъ не менѣе стараются извлечь выгоду изъ своихъ неспособныхъ къ работѣ членовъ. Бездомные бобыли или бобылки—побирушки обыкновенно пристраиваются въ какую-нибудь небогатую семью, которой они взамѣнъ за кровъ отдаютъ излишекъ своихъ кусочковъ. Я знала одного „дурачка“, лѣтъ 40—здороваго, чуть не въ сажень ростомъ, который благодаря своему юродству очень успѣшно побирался—„былъ добычливъ“. Жилъ онъ въ одной бѣдной семьѣ, состоявшей изъ мужа, жены и двухъ уже порядочныхъ дѣтей. Этотъ юродивый „Куполáй“ (его прозвище) былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ своей домохозяйкой. Семья имъ дорожила какъ доходной статьей, но когда онъ умеръ, то все-таки не схоронила его, а гдѣ-то верстъ за 5, обрѣла его дальняго родственника и того заставила схоронить юродиваго. Весьма донжуанскими наклонностями отличаются по разсказамъ крестьянъ слѣпые, ходящіе съ вожаками мальчиками по деревнямъ, распѣвающіе духовные стихи и ночующіе, гдѣ ихъ пріютятъ. Вотъ какіе элементы входятъ въ кровь нѣкоторыхъ „Ивановъ“: не то Иванъ сынъ юродиваго, не то пьяницы, прикидывающагося юродивымъ, не то слѣпого, не то цыгана. Не

такъ еще давно (лѣтъ 5 тому назадъ) цыганскіе таборы, въ нашихъ мѣстахъ, зимовали обыкновенно въ какой-нибудь деревнѣ — прямо въ крестьянскихъ семьяхъ. Теперь это уже запрещено. Бабы очень любятъ этихъ цыганъ...

Поджоги.

Съ поджигателями крестьяне любятъ расправляться сами. Если поймаютъ поджигателя на мѣстѣ преступленія, то изобьютъ его такъ, что тотъ обыкновенно черезъ нѣсколько часовъ Богу душу отдастъ. Нынче осенью одного мужика, который втеченіе года, по словамъ крестьянъ, 6 разъ поджигалъ одну и ту-же деревню, и не былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, нашли поутру въ оврагѣ съ проломленною головою. Принимая во вниманіе весь ужасъ деревенскихъ пожаровъ, становится понятнымъ озлобленіе крестьянъ противъ поджигателей. Нѣтъ ничего страшнѣе пожара ночью въ деревнѣ. Я знаю случаи, когда, неуспѣвъ выскочить изъ горящей избы, по нѣсколько членовъ гибло въ огнѣ. А про скотъ и говорить нечего. Крестьянскіе плетеные дворы съ соломеннымъ навѣсомъ вспыхиваютъ, особенно въ сухую погоду, какъ порохъ, и подъ ними превращаются чуть не въ уголья и лошади и овцы и коровы и свиньи. (Я сама видѣла какъ въ такихъ горящихъ дворахъ лопались отъ жару задохшіяся отъ дыму овцы и свиньи и превращались въ обуглившіяся безформенныя массы). Никогда не забуду одного такого ночного пожара, когда въ крестьянскихъ дворахъ погибалъ ни въ чемъ неповинный скотъ, а передъ одной только что занявшейся избой, освѣщенной краснымъ пламенемъ, лежалъ трупикъ (такой изможденный) дѣвочки, скончавшейся отъ поноса за нѣсколько часовъ до пожара. Мать успѣла вытащить останки своей дѣвочки....

Болѣзни.

Въ нашей мѣстности очень часто хворают лихорадкой. Изъ болѣзней не эпидемическихъ и незаразныхъ — одна изъ самыхъ обыкновенныхъ — несвареніе, вслѣдствіе какихъ-нибудь „розговѣнъ“, или перепоя. У крестьянъ эта болѣзнь принимаетъ очень острую форму — съ болью въ желудкѣ, подъ ложечкой, — коликами, рвотою. Крестьянинъ, заболѣвъ такимъ образомъ, почти всегда думаетъ что онъ умираетъ и посылаетъ за попомъ. Въ рабочую пору они часто простужаются, охрипаютъ, („всю грудь завалило“), потому что разгоряченные напиваются холодной воды. Въ такомъ разгоряченномъ состояніи, когда по крестьянскому выраженію „нападаетъ пойло“, мужикъ или баба пьютъ какую попало воду: изъ дорожной колеи, изъ грязной лужи, изъ болота, лишь бы напиться. Глисты и солитеры самая обыкновенная вещь среди крестьянъ. Осенью у насъ рѣчная вода бываетъ буквально отравлена „моченцемъ“, т.-е. коноплей, которую мочатъ въ водѣ вплоть до сильныхъ морозовъ. Бываютъ случаи отравленія такой водой. Бабы часто и сильно простуживаются во время купанья (собственно мытья) овецъ въ холодной осенней водѣ передъ ихъ стрижкою.

Два способа лѣченія собачьей старости, а именно: запеканье въ тѣсто и парка съ собакой практикуются и у насъ.

„Драчи“.

Такъ называютъ мужиковъ, которые снимаютъ шкуры съ павшихъ или зарѣзанныхъ животныхъ. По представленію мужиковъ, это дѣло нечистое. Бываетъ даже, что съ драчемъ не желаютъ ѣсть изъ одной чашки. Преслѣдуютъ ихъ шутками и насмѣшками. Въ каждой деревнѣ есть два, три, четыре драча изъ крестьянъ. За снятіе шкуры съ коровы, или лошади, платятъ отъ 30 до 40 коп. Драчами обыкновенно дѣлаются бѣдные, иногда даже убогіе (хромые), или какіе нибудь „бобыли“, — безтолковные, нехозяйственные мужики.

Колебаніе цѣнъ.

Капуста отъ 1 р. до 3 рублей сотня. Послѣдняя цѣна (3 р.), является, разумѣется, въ урожайные годы (смотри стран. 38). Цѣна поросенка сосуна тоже колеблется отъ 70 коп. до 3 рублей (въ урожайные годы). Также и яблоки: отъ 50 к. до 2 р. мѣра. Цѣны эти устанавливаются, разумѣется, продавцами и предпринимателями (владѣльцами огородовъ и съемщиками садовъ). Это интересно съ той точки зрѣнія—до какой степени увеличиваются крестьянскіе расходы въ урожайные годы. А говорятъ еще что крестьяне могли бы дѣлать „запасы“ въ годы урожая! Впрочемъ это совсѣмъ не входитъ въ понятія крестьянъ. Каждый мужикъ, когда онъ обезпеченъ своимъ урожаемъ до новаго урожая, ложится на печку и ничего не дѣлаетъ. Крестьянская работа (наемъ въ батраки) всегда подневольная, когда нужда подступитъ, такъ сказать, къ горлу съ ножемъ.

Идеалъ крестьянскій—теплая печка и „хоть часъ да мой“. Иногда идеаломъ является и городская жизнь (извозчикомъ, дворникомъ и т. п.), но опять-таки не съ точки зрѣнія какихъ-нибудь накопленій. Городская жизнь нравится потому, что въ Москвѣ-де „чайничать“ можно цѣлый день, „выпить веселѣе“ и „ѣда тамъ слаще“. Еще какой-нибудь молодой парень посылаетъ кое-что „въ домъ“ своимъ родителямъ (да и то надо каждый разъ вытягивать изъ него „пятерки“ и „десятки“), но ужъ если самостоятельный домохозяинъ (какой-нибудь отдѣленный молодоженъ) уйдетъ въ Москву, то можно быть увѣреннымъ, что въ большинствѣ случаевъ (разумѣется, бываютъ исключенія) вернется оттуда „голъ какъ соколъ“, только съ пріятными воспоминаніями о сладкой ѣдѣ и выпивкѣ. По словамъ крестьянъ—„копить, грѣхъ“. Всякіе запасы лишній камень на шеѣ грѣшника. Въ настоящее время трудно разобрать — дѣйствительно ли изъ такихъ представленій вытекаетъ ихъ полная

незаботливость о завтрашнемъ днѣ, или они, такъ сказать, „выкапываютъ“ эти представленія въ видѣ оправданія передъ самимъ собой и семьею. Навѣрное и то и другое бываетъ. Какъ они нерелигіозны—въ сущности! Только при приближеніи старости, когда уже начинаются разныя недомоганія, въ мужицкую душу изрѣдка начинаетъ закрадываться суевѣрный страхъ загробнаго возмездія. Да и тогда, развѣ они „православные“ какъ ихъ считаютъ? Нисколько. Смутно, безпомощно какъ-то имъ дѣлается, страшно, и сами они не знаютъ „въ чемъ спасенье“. „Кто ихъ знае, може масоны, аль молокане еще лучше нашего спасутся!“ Какимъ робкимъ, неувѣреннымъ и вопросительнымъ тономъ вырывается это у задыхающихся, покашливающихъ стариковъ!

Наша людская стряпуха изъ муки, выдаваемой ей на хлѣбы рабочимъ, спекла себѣ нѣсколько „пироговъ“ и хотѣла имъ „полакомиться“ потихоньку вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, жившемъ тоже въ батракахъ. Ее поймалъ староста и доложилъ мнѣ. (Баба, конечно, не подверглась никакой другой карѣ, кромѣ выговора). Мой разговоръ по этому поводу съ другой бабой тоже служащей „въ барской экономіи“:

Я: „Вотъ такъ Акулина, — хороша!“

Катерина мнется нѣкоторое время, потомъ вдругъ выпаливаетъ:

„А я такъ думаю, дуракъ Митрій, что васъ такими глупостями тревожитъ. Эка важность, хлѣбцевъ себѣ напекла да поѣла“.

Я: „Однако, для этого она муки украла вѣдь“.

Катерина: „Какая же это покража! Напекла, да и съѣла. Она вѣдь къ себѣ не тащила пироговъ, въ кладовую не клала“.

Я: „Однако, муку она взяла себѣ и изъ-за этого рабочимъ меньше хлѣба досталось. Не все ли равно, снесла ли она краденое къ себѣ домой, или тутъ же его съѣла? Это, какъ-никакъ, а покража“.

Катерина: „Пироги она у васъ же, здѣсь съ мужемъ съѣла, какая же это кража? Еслибъ она еще изъ-подъ замка украла, аль въ прокъ вашу муку схоронила, ну, это еще грѣхъ...“

Сколько я ни толковала Катеринѣ, что самовольное присвоеніе чужой собственности, „въ брюхо ли, въ прокъ ли“ все равно, называется кражей, она со мной не согласилась.

Тотъ же староста, охраняя „барскія яблони“, чтобы съ нихъ не воровали яблоки ребятишки (настушки, тоже служащіе у помѣщика) набиваетъ себѣ каждый разъ во время своего обхода карманы яблоками.

Одно изъ самыхъ глубокихъ и твердыхъ крестьянскихъ убѣжденій, это то, что земля когда-нибудь вся должна перейти въ ихъ руки. Уморительно, какъ они иногда хитрятъ и обходятъ этотъ вопросъ въ разговорахъ съ помѣщиками.

А неуваженіе къ интенсивному труду? „Что онъ? Какъ жукъ въ землѣ копается, съ утра до ночи!“ Такія слова произносятся нерѣдко очень насмѣшливо.

Можетъ быть, въ этихъ словахъ звучитъ непріятное воспоминаніе о разныхъ „барщинахъ“ и т. п. и лежаніе на печи съ сознаніемъ, что „хоть день да мой“—реакція?

Надо видѣть съ какимъ гордымъ видомъ какой-нибудь оборванецъ проситъ въ урожайный годъ „разсчета“ у землевладѣльца (иногда видъ бываетъ даже нахальный): „Пожалуйте мнѣ разсчетъ“.

„Что это ты? Развѣ тебѣ плохо у меня?“

„Не плохо, а только не хочу болѣ у васъ жить, домой пойду“.

„Такъ я тебя и отпущу! Рабочая пора только начинается. Я тебѣ деньги твои не отдамъ, мнѣ тоже нужно свой хлѣбъ убрать и свозить, затѣмъ я тебя и нанималъ“.

„А не отдадите,—я и такъ уйду“.

Если его не отпустятъ, то онъ начинаетъ все нарочно плохо дѣлать и портить, опаиваетъ лошадь, портитъ сбрую и т. п.

„Какъ же это—баринъ не хотѣлъ тебя отпускать, а теперь самъ прогналъ?“

Иванъ (хитро усмѣхаясь) „Да я сталъ „*на дуръ*“ работать, вотъ и прогналъ“.

И дѣйствительно, уходятъ, въ лаптяхъ, оборванные, грязные, и, убравъ свой хлѣбъ, ложатся на печку — и не надо имъ ничего кромѣ хлѣба и тепла и „хозяйки“, которой можно помыкать.

Тѣ же самы Иваны и Алексѣи,—когда ѣсть нечего и топить нечѣмъ, — унижаются передъ землевладѣльцемъ, чтобы попасть въ число его батраковъ. „Какое бы нибудь у васъ мѣстечко. Мнѣ бы съ хозяйкой“... „Хучь бы изъ хлѣба на зиму-то“. Поклоны въ землю и т. п. Даже слезы.

Казенное добро (въ казенныхъ имѣніяхъ) уважаютъ даже менѣе помѣщичьяго. „У Царя всего много“. И тащутъ все рѣшительно. Казенный лѣсъ прямо не укараулить, несмотря на множество полѣсовщиковъ и сторожей.

Что касается до колдовства и т. п. (до разныхъ лѣшихъ, оборотней), то ему не вѣрятъ (абсолютно) какъ-разъ тѣ бабы и мужики, которые считаются колдунами, заговариваютъ и т. п. „Колдовство“ это прямо-таки болѣе или менѣе выгодная профессія и забавно наблюдать, какъ ловкая баба-колдунья „разъигрываетъ свою роль“ на деревнѣ. Хотѣлось бы подслушать разговоръ двухъ „колдуній“ вмѣстѣ. Съ глазу на глазъ онѣ навѣрное могутъ и не притворяться другъ передъ другомъ.

У насъ есть такая баба-колдунья (бѣдовая!) и, грѣшнымъ дѣломъ, у меня не разъ мелькала въ головѣ мысль—не смотритъ ли она, въ душѣ, на своего приходскаго попа, какъ на собрата по профессіи?

Въ „Новомъ Времени“ статья о неравномѣрности крестьянскихъ налоговъ. Авторъ высчитываетъ, что семья изъ пяти человѣкъ въ средней черноземной полосѣ выплачиваетъ еже-

годно государственныхъ налоговъ около 9 съ чѣмъ-то рублей, а такая же семья въ Сибири выплачиваетъ около 1/2 вышеупомянутой суммы. Статья озаглавлена: „Объ оскудѣніи центра“ и авторъ видитъ одну изъ главныхъ причинъ оскудѣнія, въ этой неравномѣрности, въ томъ, что въ центрѣ Россіи семья переплатитъ въ годъ 4 съ чѣмъ-то рубля лишнихъ сравнительно съ семьей на окраинѣ.—Ну, а вышеупомянутое колебаніе цѣнъ на предметы первой необходимости? (Даже цѣны на сапожный матеріалъ колеблются: въ неурожайный годъ пара мужскихъ сапогъ стоитъ 7 рублей, а въ урожайный доходитъ до 10). А то, что пропивается? Я знаю одну семью, гдѣ мужикъ, продавъ хлѣба въ городѣ на 20 рублей, постоянно привозитъ домой только 14—15 рублей. Другую, гдѣ отецъ, лежебокъ и лѣнтяй, *сдаетъ* (!) свою надѣльную землю, чтобы не обрабатывать ее, и пропиваетъ заработокъ своей дочери, тѣ деньги, которыя она присылаетъ въ семью изъ города, гдѣ живетъ прислугой. Эта семья, состоящая изъ 4 человѣкъ, разумѣется всегда впроголодь, даже въ урожайные годы. И такихъ или подобныхъ домохозяевъ положительно 10 процентовъ на сто, а то и больше. А деньги, которыя теряются въ кабакахъ такъ: „обронилъ“, или „украли“? А обычаи, вродѣ гульбы „годныхъ“, несоразмѣрная ни съ чѣмъ стоимость свадебныхъ пировъ? Развѣ во всемъ этомъ не тонетъ, какъ капля въ морѣ маленькая сумма лишнихъ 4—5 руб. налогу? Я не говорю, что изъ-за этого надо бросить заботы о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи податей, но, повторяю, это капля въ морѣ, буквально..

Вчера въ саду я потихоньку наблюдала за проходящими мимо—по дорогѣ, ведущей въ село. Годъ урожайный,—потому и движенія по дорогамъ больше. Идутъ два „малыхъ“ и молчатъ, щелкая подсолнухи. Подхожу къ калиткѣ.

— Куда, Борисъ?

Точно отъ толчка просыпаются.

— Въ Мураевню, чай пить.—И хоть бы какое-нибудь оживленіе, не говорю ужъ улыбка на лицахъ!

Появляются мужикъ и баба, идутъ, какъ это водится, гуськомъ. Мужикъ впереди, баба сзади.

Эти ходили на мельницу, капусту торговать. Опять какія угрюмыя, застывшія, насупленныя лица! Саженъ сто прошли они, не подозрѣвая, что я за ними наблюдаю; только разъ мужикъ обратился къ бабѣ: „Акулина, давай бумажки“. Акулина извлекла изъ-за пазухи что-то завернутое въ бумагу, оторвала клочекъ и протянула мужу: корявые пальцы набили цыгарку, и снова продолжалось безмолвное шествіе. Только когда напьются пьяны, или поругаются,—издалека ихъ слышно. Въ первомъ случаѣ на долю всякой встрѣчной бабы несется какая-нибудь нецензурная шутка. „Ты, Ванюха, въ церковь бы сходилъ лучше, должно, сроду тамъ не бывалъ“ (бабья реплика).

— „Къ попу ходить? Очень онъ мнѣ нуженъ, г...о этакое, онъ еще мине не повянчалъ съ тобой.“—Это еще одна изъ очень милыхъ шутокъ и очень умѣренная. Товарищи развеселившагося малаго хохочутъ. Жесткій такой, отрывистый смѣхъ. Развѣ такъ хохочетъ настоящее веселье?

Съ недѣлю тому назадъ исключили изъ Караваевскаго Общества „поджигателя“ (въ своемъ мѣстѣ разскажу объ этомъ поджогѣ). Это малый, лѣтъ 35, холостой, жившій со старшимъ женатымъ братомъ. Онъ уже сидѣлъ въ острогѣ за слѣдующую продѣлку.

Сватался онъ за одну дѣвушку изъ его же деревни, съ которой, быть можетъ, былъ въ связи (кто это разберетъ?). Дѣвушка не пошла за него.

Чтобы ее „острамить“, онъ забрался ночью въ кладовушку, гдѣ стоялъ сундукъ ея; вытащилъ изъ сундука всѣ дѣвушкины наряды: поддевку „тонкаго сукна“, сарафаны, платки и все тутъ же изрѣзалъ и бросилъ, а въ сундукъ

нагадилъ. Пока онъ отсиживалъ за это въ острогѣ, дѣвушка вышла замужъ и увѣряютъ, что она хорошо живетъ съ мужемъ.

Страничка изъ деревенскаго Боккачіо.

„— Сляпые эти — чистые жерябцы. Бядовые! Вожаковъ своихъ такъ бьютъ, что и сказать невозможно... А бабѣ ни одной проходу не даютъ—вожакамъ велять ихъ ловить...

На одного сляпого вожакъ разсерчалъ да и поймай яму кобылу, замѣсто бабы. Сляпой какъ навалится на ее, а она яво и ударь задомъ. Все лицо яму расшибла, во куда отлятѣлъ, да и говорить:

— Сколько лѣтъ живу, такой бядовой бабы не видывалъ!“

Жена съ мужемъ мало говорятъ, но нѣсколько бабъ вмѣстѣ представляютъ нѣчто, во всякомъ случаѣ, болѣе оживленное, чѣмъ группа малыхъ, или мужиковъ. Эти не пройдутъ молча, напротивъ, всю дорогу будутъ тараторить между собою о мелочахъ своего домашняго обихода. По-моему, и смѣхъ у нихъ живѣе и болѣе похожъ на веселье.

Бываетъ конечно и у мужчинъ болѣе живой смѣхъ. Напримѣръ я замѣчала, что нѣкоторые изъ мужиковъ неизмѣнно вызываютъ смѣхъ своихъ односельчанъ, или товарищей (батраковъ). Покажется фигура такого широкобородаго Петрухи или толстомордаго Никиты и всѣ „грохочутъ“. Обыкновенно, это фигура полная достоинства, видная, часто красивая, а „грохочутъ“ всѣ да и только! Кажется, дѣло въ томъ именно и кроется, что такіе Петрухи и Никиты полны чувства собственнаго достоинства или сознанія своей красоты, „горды“, не любятъ, чтобы надъ ними смѣялись. Поступь у нихъ важная, а это и возбуждаетъ смѣхъ, и чѣмъ больше „Никиты“ сердятся—тѣмъ смѣхъ пуще. Въ такихъ случаяхъ неудержимѣе всѣхъ „грохочутъ“ конечно, плюгавенькіе и невидные „Иваны“. (Зачинщикомъ смѣха „Иваны“ конечно никогда не бываютъ).

Смѣются долго и тонко, захлебываясь и сгибаясь, точно желая совсѣмъ ужъ спрятать свои невзрачныя лица.

Къ сожалѣнію, если такой Петруха, или Никита—богачъ, деревенскій кулакъ, то... и смѣху такого не бываетъ. Такъ смѣяться можно надъ „товарищемъ“, а какой же товарищъ—кулакъ?

Иду по деревнѣ. Противъ небогатой избенки стоитъ возъ съ капустой. Лошадь отпряжена и отведена на дворъ, хозяинъ избы стоитъ опершись локтями на передокъ телѣги и „ничего не дѣлаетъ“. Кругомъ воза толпятся 3 бабы: онѣ отбираютъ лучшіе кочни капусты и очищаютъ ихъ отъ отставшихъ листьевъ. Дверь кладовушки отворена и двѣ крошечныя дѣвочки—годовъ по 4—носятъ очищенные кочни и складываютъ ихъ на земляной полъ амбарчика. (Часа два такъ проработали). Мужикъ стоитъ у телѣги часъ, другой, иногда набиваетъ себѣ „цыгарку“ и куритъ. Бабы то звонко и быстро, то нараспѣвъ переговариваясь, о свойствахъ капусты и ея дороговизнѣ—все-таки довольно быстро облущиваютъ ее, но нужно видѣть дѣвочекъ! Съ какимъ усердіемъ, серьезностью и быстротой онѣ переносятъ кочаны въ кладовушку! Какъ онѣ ждутъ, чтобы мать, или тетка протянула имъ кочанъ и какое удовольствіе написано на ихъ замазанныхъ мордочкахъ, когда, сѣменя босыми ногами, онѣ направляются съ кочаномъ, или двумя въ кладовую. Одна изъ бабъ уходитъ въ избу и выноситъ оттуда на рукахъ $2^1/_2$-лѣтняго мальчугана. Сначала онъ жмурится отъ солнца, потомъ нѣсколько минутъ серьезно приглядывается къ дѣвочкамъ и тогда уже неудержимо рвется на землю, подбѣгаетъ не совсѣмъ еще твердыми шагами къ телѣгѣ, и уморительно хватая ручонками воздухъ, протягиваетъ ихъ къ кочнамъ: „мама дай“. Мама не сразу исполняетъ его желаніе, ревъ, конечно. „На, на, молчи“, и мальчуганъ, улыбаясь, съ непросохшими еще слезами, начинаетъ, за дѣвочками вслѣдъ, носить кочаны въ

кладовую. „Вишь, какіе работники, замѣчаетъ одна баба, не отгонишь, а да-ко-сь выростутъ,—батогами ихъ работать не заставишь: такъ-то завсегда!“ Можетъ быть для 3-хъ лѣтняго „Ивана“ новы еще впечатлѣнія отъ капусты и отъ всѣхъ предметовъ и дѣйствій окружающихъ его людей, а 15-ти лѣтнему малому уже примелькался однообразный обиходъ кругомъ него? Или картошка съ сухимъ хлѣбомъ развила въ немъ апатію, ту унылость и равнодушіе, съ которыми онъ и въ могилу сойдетъ въ свое время?

Во всякомъ случаѣ, разница между 3-хъ лѣтнимъ и 15-ти лѣтнимъ „Иваномъ“ громадная.

Неожиданный вопросъ (Петръ 28—30 лѣтній малый, женатый, домохозяинъ-одиночка. Удивительно простодушенъ и неказистъ).

Я: Петръ, скажи-ка, думаешь ты иногда, какъ твои мальчёнки выростутъ, какъ ты ихъ поженишь и какъ ты съ женой, да съ сыновьями, да со снохами хозяйствовать будешь?

Петръ (слегка подумавъ, простодушно): Нѣтъ. Почесть, что не думаю.

Я: Ну-у?

Петръ: Оно бы думалъ... Да не чается что-то... Оно, разумѣется, перемѣна, — сыновья-то, все бы меня смѣнили,—я, вишь, одинъ, да не чается, нѣтъ! Что думать-то? Думаешь не то выростутъ, а то и помрутъ... Такъ и думается болѣ, что помрутъ.

Я: Петръ, а ты сбирался когда-нибудь въ Москву, хотѣлъ туда?

Петръ: Сбирался, три года тому, да мать не пустила.

Я: А какъ нынче охотно всѣ туда идутъ! Я частенько думаю: что вамъ тамъ нравится? Можетъ, и правда, тамъ лучше? Денегъ вотъ только мало оттуда приносятъ. А все-жъ таки можетъ для васъ тамъ лучше? И вина тамъ много!

Петръ: Знамо пьянствуютъ. Денегъ мало кто домой приноситъ. Правда ваша, что другого малаго пошлютъ изъ семьи въ Москву, онъ и шлетъ денегъ понемногу, особливо лежели отца боится, а съ собой ужъ ничего не принесетъ... Ну, не всякъ только пьяница...

Я: Знаю, — такъ вотъ тверезымъ-то съ чего въ Москву такъ хочется? Всякій малый, я думаю, ужъ знаетъ, что въ Москвѣ для домашняго хозяйства не разживется.

Петръ (подумавъ): Я такъ думаю, много изъ одежи туда идутъ, тоже. Что-жъ, здѣсь и зиму и лѣто все въ старыхъ хоботьяхъ ходишь, а тамъ одѣнешься, обуешься, какъ надобыть. Гля-ко-сь, какіе оттуда приходятъ, нешто съ нами смѣнить? (Дѣйствительно, point d'honneure—крестьянскаго малаго притти домой „московскимъ чистякомъ", въ жилетѣ „пиджакѣ" калошахъ и даже брюкахъ).

Я: А тебѣ очень въ Москву хотѣлось, жалко было, что не попалъ туда? Можетъ и теперь все жалко?

Петръ (мирно улыбаясь): Хотѣлось знамо; оно бы и теперь иной разъ пошелъ, особливо какъ „наши" (деревенскіе) изъ Москвы придутъ,—все разсказываютъ. Бываетъ и завидно станетъ. А не слышишь про Москву—и забудешь, что Москва такая есть. Живешь себѣ и не „вздумаешь" про нее.

Я: Что же про Москву-то разсказываютъ?

Петръ: Про жалованье, жалованье тамъ большое и ходятъ (одѣваются) тамъ хорошо и всего тамъ много, чай, питье, ѣда не такіе какъ въ деревнѣ. И жалованье большое — и всего, дескать, много...

У помѣщика жила (самоваръ ставить, полы мыть и т. д.) маленькая черноглазая Аксютка. Круглая сирота, — сиротой росла и „всего видѣла". Лѣтъ 16-ти поступила она къ помѣщику. Черезъ годъ является къ помѣщику и проситъ разсчета. „Что такъ?" „Замужъ иду". Оказывается, хочетъ выйти тоже за сироту, 19-лѣтняго малаго, пригрѣтаго какимъ-то дядей.

Малый-подросткомъ, 16 — 17 лѣтъ, жилъ въ Москвѣ, а затѣмъ находится „изъ хлѣба“ у дяди, даровымъ работникомъ. Малый и озорной и чудной какой-то, никто его не хвалитъ. „Что-жъ ты за такого лодыря идешь? Развѣ мы тебѣ лучшаго не сыщемъ?“ „Не можно мнѣ. Что-жъ я сирота, брата и того у меня нѣтъ, а Михалкинъ дядя меня къ себѣ примаетъ“ и т. д., видно, что безповоротно рѣшила.

По справкамъ оказывается, что какая-то дальняя родня Аксюты уже старалась разстроить этотъ бракъ, но тщетно. При этомъ огласилось, что Аксютка съ Михалкомъ давно уже „въ любвѐ“, что они клялись и божились другъ другу въ вѣрности, ѣли землю для закрѣпленія своего союза и Аксюта объявила, что либо за Михалька пойдетъ, либо въ дѣвкахъ вѣкъ свѣкуетъ. Оказалось также, что дядя Михалька покровительствовалъ любви своего племянника, съ разсчетомъ получить въ домъ даровую работницу. (На время, пока дѣти его подростутъ, а потомъ и прогнать можно такихъ даровыхъ работниковъ!).

Состоялась сиротская, самая убогая свадьба. Годъ прожили у дяди, затѣмъ Михалекъ нанялся въ работники у помѣщика. У Аксюты былъ выкидышъ, очень возможно—самой ей устроенный: съ ребенкомъ дядя не сталъ бы держать.

У помѣщика, въ теченіе лѣта, произошло нѣсколько загадочныхъ казусовъ въ хозяйствѣ: страннымъ образомъ околѣло нѣсколько лошадей и коровъ. Ветеринаръ не признавалъ никакой инфекціонной болѣзни, а когда снимали шкуру съ павшихъ животныхъ, то на затылкѣ оказывались, каждый разъ, черное пятно, вродѣ кровоподтека. Кромѣ этого, сломалась два раза молотилка отъ желѣзныхъ прутьевъ, засунутыхъ явно намѣренно въ снопы. Среди работавшихъ на молотилкѣ бабъ стали ходить слухи, что теперь будетъ еще коробка спичекъ въ снопѣ и еще шкворень... Отъ кого шли такія угрозы, никакими судьбами нельзя было отъ бабъ добиться. Совершенно не зналъ помѣщикъ и того, за что ему грозятъ, — никакихъ непріятностей у него съ крестьянами не было.

На Михалька помѣщикъ не обращалъ вниманія до тѣхъ поръ, пока не вздумалъ какъ-то разъ заставить его поработать у себя въ саду,—себѣ помочь. При этой совмѣстной работѣ, изъ простого разговора помѣщика съ работникомъ, слово за слово изъ устъ Михалька получился цѣлый градъ озлобленныхъ словъ и рѣчей противъ „капиталистовъ“ (sic), богачей-помѣщиковъ и богачей-крестьянъ. „Мы бездомные, мы безземельные, а богачи себѣ сады разводятъ, чай цѣлый день попиваютъ“... (Сады безъ фруктокъ разводить по понятію крестьянъ глупая и скверная затѣя, а „чай пить“ разумѣется хорошо и пріятно) и т. д. и т. д. Помѣщикъ даже опѣшилъ нѣсколько, но за разными дѣлами забылъ на время этотъ случай.

На деревнѣ праздновался храмовой („кормовой“, крестьянская острота) праздникъ. По случаю урожая все было поголовно пьяно. На третій день къ вечеру запылала рига у деревенскаго богача-лавочника. Сбѣжался народъ и поймали у риги Михалька. Тѣмъ временемъ занялась сосѣдняя рига и огонь сталъ угрожать всей деревнѣ. Воды взять неоткуда, все замерзло, и вотъ деревня дружно наваливается на Михалька, бьетъ чѣмъ попало и бросаетъ его въ огонь (у всѣхъ вѣдь хлѣбъ!) Такъ и сгорѣлъ бы Михалекъ, но выручилъ его тотъ же богачъ, у котораго онъ зажегъ ригу. Вы думаете—это великодушіе. Ничуть. Богачъ боялся, что если Михалекъ сгоритъ и будетъ по этому дѣлу слѣдствіе,—деревня на него, *пострадавшаго богача*, свалитъ смерть поджигателя. Пожаръ хотя и не принялъ большихъ размѣровъ, но кой у кого хлѣбъ до тла погорѣлъ и... когда на слѣдующій день пріѣхалъ на слѣдствіе урядникъ, получилось нѣсколько крестьянскихъ показаній о томъ, какъ Михалекъ хвасталъ, что онъ желѣзный прутъ засунулъ въ помѣщичью молотилку, что онъ нѣсколько коровъ убилъ у того же помѣщика и т. д. и т. д. Словомъ, пока дѣло касалось одного помѣщика, знали и молчали, „крыли“ своего, конечно, сочувствовали Михальку, но когда поплатились своимъ трудовымъ имуществомъ, то раздалась другая пѣсня...

Оказалось, что Аксютка все время помогала своему мужу...

— „Чуденъ онъ, во какой матасъ, а жену не бьетъ никогда“.

Съ деревенскимъ богачемъ (равно какъ и съ помѣщикомъ) Михалекъ никогда не „враждовалъ“. Очевидно—здѣсь „идея“ своего рода. И Михалька и Аксюту, обоихъ недюжинныхъ и способныхъ выше обыденнаго крестьянскаго уровня—гнули и сиротство и бѣдность [1]) до тѣхъ поръ, пока не явился протестъ. Очень можетъ быть, что въ Москвѣ Михалекъ хлебнулъ кой-какихъ „рѣчей“,—въ его разговорѣ съ помѣщикомъ это такъ очевидно сквозило. Какъ бы нелѣпы и не обдуманны ни были дѣйствія этого малаго,—характерна все-таки эта назрѣвшая ненависть бѣдняка къ богачамъ, къ крупнымъ владѣльцамъ земли. Нѣтъ привычки къ интенсивному труду, нѣтъ никакихъ знаній и свѣта, а нужда давитъ и гнетъ тѣмъ не менѣе [2]).

И что важно, вражда и ненависть эти назрѣли теперь извнутри, они уже, хотя и рѣдко, но порождаютъ такихъ Михальковъ, дѣйствующихъ по своему выстраданному убѣжденію, тогда какъ вся пропаганда семидесятниковъ, шедшихъ въ народъ, едва ли произвела одного *такого* поджигателя...

Съ барскаго гумна возвращается десятка полтора бабъ и дѣвокъ и два молодыхъ барскихъ батрака. Холодъ, вьюга.

Двѣ бабы замѣшкались въ дверяхъ риги у вороха овса. Около нихъ „барскій староста“.

---

[1]) Они ихъ и свели такъ прочно вмѣстѣ.

[2]) Тутъ не идеалъ нужно принимать во вниманіе, пусть этотъ идеалъ будетъ даже лишній шкаликъ, или какая-нибудь пара калошъ, тутъ дѣло въ томъ, что бьются, по-своему, какъ рыба объ ледъ, а все-таки идеалъ недостижимъ. При этомъ еще является мысль: какимъ способомъ намъ, на которыхъ обращена эта ненависть измѣнить такой идеалъ, открыть новые горизонты, дать представленіе объ интенсивномъ трудѣ (какъ источникѣ благополучія)? Намъ не вѣрятъ, смѣются надъ нами и можетъ быть справедливо...

Анисья (баба лѣтъ 30): „Александра, касатка, поиши мою шаль, я ее даве тутъ въ овесъ положила“.

Александра (солдатка): „Ее тутъ и не на́йдешь“. (Роется въ овсѣ).

Староста: „Вы тутъ чаво овесъ ворошите, живо домой!“

Анисья: „Эхъ,—шаль-то моя“...

Староста: „Какое тамъ г...о, пятіалтынный стоитъ, ты не на Михайловъ день повѣнчалась и безъ шали дойдешь... Живѣе!“

Анисья (обидчиво): „Хушь бы и пятячекъ, да она мнѣ дорога“.

Александра: „Вотъ она, дѣушка, на́“.

Староста запираетъ ригу и вмѣстѣ съ Александрой и Анисьей догоняетъ медленно подвигающихся противъ вѣтра бабъ и дѣвокъ.

Анисья (завязывая шаль): „Спасибо те, касатка... (помолчавъ). Скоро твой хозяинъ домой-то прѝде“.

Александра: „Два года ему еще служить“. (Вздыхаетъ).

Староста: „Она намедни сказывала, хучь бы еще годокъ послужилъ, я рада“—(смѣется).

Александра: „Ври болѣ, я вся искричалась, гля-кось на меня, а онъ—рада“.

Староста (продолжаетъ смѣяться): „Слышь, Анисья, намедни сказали, что Паньку-то въ Китаѣ убили, а она плясать“.

Александра: „У... у... тебя“.

Староста: „Ты что-жъ это, Миколка, валандаешься округъ дѣвокъ, а скотина не кормлена?“

Алешка: „Вишь, онъ за Машку схоронился, грѣется“.

Дѣвки хохочутъ. Вѣтеръ обдаетъ всѣхъ цѣлымъ облакомъ мелкихъ жесткихъ снѣжинокъ.

---

[1]) Анисья баба изъ той же деревни, откуда „взята“ и Александра. Пришла въ ту деревню, гдѣ „отдата“ Александра, погостить къ своей сестрѣ, которая въ этой же деревнѣ замужемъ. Александра зазвала ее себѣ за кампанію на барскую молотилку „поработаться“ за хорошую цѣну, 30 коп. въ день.

Анисья: „Холодякъ какой, въ избу бы поскорѣе на печку“.

Машка (толстая, румяная дѣвка): „Надоѣстъ на печкѣ“.

Александра: „Надоѣстъ. Нѣтъ, тамъ лучше, одинъ бочокъ погрѣешь, другой,—хорошо!“ (Затягиваетъ какую-то пѣсню).

Староста: „Ишь, шустрая, чего заголосила?“

Александра: „У мине́ одна пѣсня“.

Дѣвки хихикаютъ въ рукавъ.

Александра: „Кабы были крылушки, полетѣла бы къ нему“.

Дѣвки опять хихикаютъ.

Одна изъ нихъ: „А онъ бы тебѣ въ горбъ наклалъ!“

Александра (обращаясь къ Анисьѣ). „Нѣтъ, онъ мнѣ намедни письмо прислалъ: „кабы у меня восемь крыловъ, такъ кажный день бы къ тебѣ леталъ“, такъ и пишетъ“...

Письмо Паньки.

— Письмо на родину. Отъ сына вашего. Первымъ долгомъ я васъ спѣшу увѣдомить, что я внастоящее время живъ и здоровъ затемъ ниско кланяюсь дорогой мамаши Марфе Васильевнѣ и желаю вамъ отъ Бога добраго здоровья и въ дѣлахъ рукъ вашихъ скораго и счастливаго успѣха, затѣмъ прошу мира и благословенія, которое можетъ существовать какъ на военной такъ и на часной службе по гробъ моей жизни. Еще ниско кланяюсь братцу Демьяну Иванычу и желаю вамъ отъ Господа Бога добраго здоровія и всего лучшаго. Еще ниско кланяюсь любезной своей супругѣ Александрѣ Артемовнѣ целую тебя какъ все равно съ тобою въ сахарныя уста нещетно разъ и посылаю я тебѣ свое супружеское глубочайшее почтеніе и желаю я тебѣ отъ Господа Бога добраго здравія и вделахъ рукъ вашихъ скораго и счасливаго успѣха и всегда быть весело настроеннаго расположеннаго духа. Еще низехонко кланяюсь своимъ любезнымъ незабвеннымъ дѣткамъ Владиміру Павловичу и Авдотіи Павловнѣ. Посылаю я вамъ свое родительское миръ и благословеніе, которое можетъ существовать погробъ вашей жизни. Дорогая мамушка извините меня натомъ, что я долго неслалъ

вамъ ответа и самъ незналъ, что мнѣ были вами посланы деньги я недавно только получилъ зачто васъ душой благодарю за ваши дорогія для меня гостипцы. Вы думаете дорогая мамушка что я на васъ обижаюсь, нетъ не обижаюсь, только радуюсь, но дѣло состоитъ въ томъ—я очинно о васъ сильно скучаю кабы были у меня 4 великихъ крыла, тады я навѣрно леталъ къ вамъ и къ любезной хозяйкѣ своей кажный день. Еще ниско кланяюсь богоданнымъ родителямъ во первыхъ Артему Кузьмичу а во вторыхъ Авдотіи Ильинишной сдѣтками вашими и желаю отъ Господа Бога здравія и всего хорошаго на свѣтѣ. Еще ниско кланяюсь матери кресной съ супругомъ вашимъ Ильей Андреевичемъ и желаю отъ Господа Бога добраго здравія и въ дѣлахъ рукъ вашихъ скораго и счасливаго успѣха. Еще кланяюсь тетенькѣ Анисьѣ Степановой еще кланяюсь братцу Петру Николаевичу съ супругой издѣтками вашими и желаю вамъ отъ Господа Бога добраго здоровья и всего хорошаго. Еще кланяюсь Егору Терентіевичу съ супругой вашей Любовью Николаевною и здѣтками вашими желаю вамъ отъ Бога добраго здравія и всего хорошаго еще поклонитеся тамъ всемъ роднымъ и знакомымъ братцамъ и сестрамъ и желаю вамъ всемъ вообще отъ Бога здравія и вдѣлахъ рукъ вашихъ скораго успѣха. Затѣмъ прощайте остаюсь я живъ и здоровъ слава Богу. Павелъ Ивановъ Опенкинъ.

VII.

Программа сообщенія свѣдѣній о бытѣ крестьянъ.

(наброски).

I.

Имущественное состояніе должно быть взято среднее (описать его инвентарь: живой и мертвый. При описаніи его надо быть особенно осторожнымъ).

Имущественное состояніе Степана (что у него было: изба, скотъ и проч.) въ общихъ чертахъ.

Иванъ былъ третій сынъ Степана и Лукерьи (взято наиболѣе встрѣчающееся женское имя). Когда бываетъ наибольшее число рожденій (какой мѣсяцъ года), справиться у священника одного или больше. Если наибольшее число зачатій падаетъ на осенніе мѣсяцы, т.-е. на холодные, то объясненій можно не искать, но если большинство ихъ бываетъ въ другое время, то разспросить объясненія у крестьянъ. Какое вліяніе на зачатіе имѣетъ пьянство. Приблизительно среднее число лѣтъ (возрастъ) выхода замужъ женщинъ и женитьба мужчинъ. Насколько развиты физически будущія жены (невѣсты) и мужья. Наиболѣе часто выходятъ дѣвушки замужъ по любви или разсчету. Чѣмъ выражается такая любовь, чѣмъ вызывается, насколько продолжительна и интенсивна. Бываютъ ли несчастные случаи отъ неудачной любви (по винѣ обстоятельствъ несчастные случаи частнаго характера и друг.). Какимъ разсчетомъ руководятся при женитьбѣ). Какое приданое взялъ Степанъ за Лукерьей. Изъ кого состояла семья Степана въ то время, какъ въ нее входила Лукерья. Насколько дружна

была ихъ совмѣстная жизнь (въ общихъ чертахъ)—(дальше по этому поводу будетъ подробнѣе), какъ часто билъ мужъ жену и какъ билъ. Что дѣлала Лукерья во время беременности Иваномъ, т.-е. какую работу несла въ послѣдній мѣсяцъ беременности и послѣдніе дни. Были ли разговоры объ ожидаемомъ ребенкѣ между родными (въ своей семьѣ и между Степаномъ и Лукерьей. Если мальчикъ, то... если дѣвочка, то...) Какъ родился ребенокъ (въ законное время или рожденіе его было ускорено дракой, поднятіемъ тяжести, на тряской телѣгѣ и проч.), гдѣ родился (въ избѣ, полѣ). Кто принималъ ребенка, успѣли ли во время сбѣгать за повитухой. Какъ происходили роды. Тянули ли роженицу черезъ хомутъ или другимъ способомъ. Обращались ли къ попу, служилъ ли онъ молебенъ, отворялъ ли царскія врата и проч. Гдѣ былъ отецъ, какъ онъ отнесся къ рожденію мальчика. Чѣмъ выразилъ свое удовольствіе или недовольство. Какъ отнеслась къ ребенку мать. Первыя ея заботы о ребенкѣ. Послѣродовое время, (сколько мать лежала въ постели, кто обмывалъ ребенка, какъ онъ кормился). Крещеніе ребенка, обрядъ, кумъ, кума, обряды суевѣрія, сколько дали попу, имя, по чьей иниціативѣ даютъ имя и проч. У матери не было молока, какую жвачку давали ребенку, какъ долго и какъ онъ плакалъ, не болѣлъ ли пупикъ отъ крика и чѣмъ, кто и при какихъ условіяхъ лечилъ эту болѣзнь, плата и проч.; какъ часто ребенокъ лежалъ мокрый. Какъ долго оставался ребенокъ безъ присмотра матери, старшихъ братьевъ, сестеръ или другихъ лицъ. Засыпаніе младенца. Поносы, леченіе, какъ относилась къ этому мать, главнѣйшія ея заботы въ это время по дому или она работала на поляхъ; отношеніе отца.

Первые проблески сознанія Ивана. Первыя слова, которыя онъ произнесъ. Когда онъ началъ лазить и гдѣ лазилъ. Была ли опасность, что его объѣдятъ свиньи или разорвутъ собаки. Описать всѣ случаи подобнаго рода, о которыхъ разсказываютъ крестьяне своей деревни и сосѣднихъ деревень. Чѣмъ питался

въ это время ребенокъ. Ѣлъ ли нечистоты, землю и проч. Вообще повседневная пища крестьянской семьи (въ общихъ чертахъ, дальше будетъ подробнѣе). Кто и какъ заботился о его чистотѣ въ это время. Какъ часто его била мать или отецъ. Какъ ребенокъ всталъ на ноги (внѣшность ребенка и его привычки), его костюмъ, занятія, сверстники, игры (описать всѣ игры дѣтей такого возраста своей и сосѣдней деревни), подчеркнувъ связь игръ съ домашнимъ и общественнымъ строемъ деревни; подражательность ребятъ, ихъ наблюдательность, и живость воображенія. Чѣмъ питался въ это время ребенокъ и кто и какъ заботился объ его ѣдѣ (о времени ея), питьѣ, костюмѣ и общей внѣшности его. Чему научился ребенокъ отъ сверстниковъ, его проказы; когда научился лгать. Наказанія за проказы (какія проказы, кто имъ научилъ и какія, со стороны кого наказанія). Первыя бранныя слова, какія, кто имъ научилъ и по какому поводу мальчикъ сталъ ихъ употреблять. Что думаетъ ребенокъ о старшихъ (объ ихъ трудѣ, дракахъ, пьянствѣ, сожительствѣ отца и матери), о сельскомъ начальствѣ, о земскомъ начальникѣ, фельдшерѣ, знахаркѣ и проч.

Было бы хорошо составить такое описаніе съ большимъ тщаніемъ и всесторонностью. Первыя обязанности и порученія, даваемыя Ивану. Онъ пастухъ. Кого, когда и гдѣ пасетъ, или занимается чѣмъ другимъ. Занятія Ивана во время пастьбы. Пасутъ ли мальчики или также дѣвочки. Сходятся ли пастухи вмѣстѣ для общихъ игръ или разговоровъ. Отношеніе мальчиковъ и дѣвочекъ. Какъ рано они понимаютъ различіе половъ и въ чемъ это пониманіе выражается. Игры между ребятами каждаго возраста (описаніе ихъ возможно обстоятельное). Проказы, наказанія. Какъ часто и за что Степанъ бьетъ Ивана. Только ли тогда, когда Степанъ пьянъ или и въ другое время. Вообще отношеніе ребенка къ отцу (пьяному и трезвому) и къ матери; къ своимъ сестрамъ и братьямъ (младшимъ и старшимъ). Когда и отъ кого ребенокъ услышалъ о

Богѣ, святыхъ и проч. и что по его представленію они значатъ: добры, злы, страшны и всегда вмѣшиваются ли въ людскія дѣла. Какое отношеніе они имѣютъ лично къ нему. Поступилъ ли Иванъ въ школу. Почему его отдали туда. Нужна ли школа по понятіямъ Степана и почему онъ отдалъ Ивана. Кто, какъ и чему училъ Ивана и что онъ приносилъ домой изъ школы. Насколько измѣнился мальчикъ въ своихъ представленіяхъ объ окружающей крестьянской жизни. (Школа, насколько мнѣ извѣстно, даетъ представленіе дѣтямъ о русской грамматикѣ, счисленіи, нѣкоторыхъ явленіяхъ природы, о Богѣ, исторіи, но ничего не даетъ объ условіяхъ крестьянской жизни: гражданскихъ и экономическихъ). Школа для описанія должна быть взята церковно-приходская, средняго разбора, преподаваніе ея, т.-е. то, что она даетъ, должно быть изображено съ возможной точностью. Сколько времени пробылъ Иванъ въ школѣ (чѣмъ занимался каникулами, пока былъ въ школѣ), что вынесъ, что сейчасъ же забылъ и что изъ вынесеннаго сейчасъ же пригодилось. Какую роль и обязанности сталъ Иванъ нести дома по выходѣ изъ школы. Работникъ, новая среда, заработки поблизости (фабрикъ и заработковъ въ большихъ городахъ не нужно), какъ пособіе для веденія хозяйства дома. Истощеніе и преждевременная старость и дряхлость матери, отецъ—пьянство и лѣнь или усталость къ тяжелой работѣ. Время близкое къ женитьбѣ, разговоры объ этомъ, повечерки, посидѣлки-дѣвушекъ, по представленію Ивана. Когда онъ въ первый разъ сошелся съ женщиной, какъ это случилось и какъ на это посмотрѣлъ Иванъ. Какъ вообще на это смотрятъ крестьяне (мужчины и женщины), существуетъ ли развратъ (по распущенности или профессіональный), участіе въ развлеченіяхъ такого рода Ивана, чѣмъ онъ прельщаетъ дѣвушекъ, что даритъ и проч. Когда и при какихъ условіяхъ напился въ первый разъ Иванъ пьянымъ. Случалось ли ему пробовать водку и раньше, когда онъ еще былъ совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ. Какъ Иванъ

вообще смотритъ на водку. Потребности въ ней у него пока конечно нѣтъ; почему же Ивану хочется напиться водкой. Какъ онъ ее пьетъ; сразу, постепенно, сколько и чѣмъ пьетъ. Ради молодечества. Гдѣ предпочитаетъ пить (у себя дома, въ кабакѣ). Какъ часты случаи общаго пьянства въ деревнѣ, ищутъ ли ихъ крестьяне. Развлеченія. юноши Ивана, игры, пѣсни, карты, кражи изъ-за удальства, проказы, любовныя похожденія, пьянства и драки. (Женитьба Ивана, на комъ, во сколько лѣтъ, по какому разсчету). Церемонію сговоровъ, самой свадьбы, первой ночи описать въ общихъ характерно-выпуклыхъ чертахъ, не распространяясь, обративъ особое вниманіе на суевѣрія. Первые дни молодоженовъ, отношеніе Ивана къ женѣ, ласки, охлажденіе, побои, какъ и чѣмъ бьетъ, поводы, беременность и проч. Отношеніе свекра къ молодой, отношеніе свекрови. Отношеніе отца къ взрослому сыну и взрослой дочери. Отношеніе матери. Выдѣленіе Ивана изъ семьи. Перечень имущества, съ которымъ онъ выступилъ въ жизнь. Характерныя черты церемоніи выдѣла. Описаніе избы, тоже курной (возможно точно), вся одежда Ивана и его жены. Пища (подробно во всѣ времена года), въ хорошее время и голодуху. Занятія Ивана-земледѣльца, какой подсобный промыселъ и доходность его; заработокъ личный или въ артели: куда уходятъ и сколько заработанныхъ денегъ. Попытаться выяснить бюджетъ Ивана (его семья изъ жены и трехъ дѣтей) „Богомолье“ молодыхъ бабъ, дѣвушекъ и старухъ. Взглядъ мужчинъ на это богомолье.

Иванъ гражданинъ—равноправный членъ деревни. Представленіе его о крестьянскомъ строѣ, крестьянскомъ мірѣ (обществѣ), обязанность его къ обществу и общества къ нему и взаимная зависимость; подати, выколоченныя осенью (нарисовать общую картину); пріѣздъ властей, продажа съ молотка, ловля птицы на улицахъ, животныхъ и пр. Что думаетъ Иванъ въ это время. Почему у него накопилась недоимка, онъ уже наслѣдовалъ ее. Ивана сѣкутъ, за что (нерадивость,

грубость къ волостному начальству, протестъ во время выколачиванія платежей и пр.), какъ сѣкутъ (формальности и очень подробно), кто сѣчетъ, кто присутствуетъ, что̀ думаетъ и чувствуетъ Иванъ и что̀ думаютъ крестьяне сосѣди и очевидцы, равговоры по этому поводу въ околоткѣ. Какъ относятся къ этому дѣти Ивана, вообще дѣти. Возвращеніе Ивана къ обыденной жизни. Иванъ утромъ (когда, какъ всталъ, молился Богу, его молитва, работа, занятія земледѣліемъ, какое оно у него; такое же какъ у отца или видно гдѣ новые пріемы, удобряетъ ли землю, сколько ея; полдень, обѣдъ, работа, вечеръ дома, ночь, разговоры съ женой, заботы, бесѣды съ сосѣдями (весной, лѣтомъ, осенью и зимой). Времяпрепровожденіе въ праздникъ; пьянство, кабакъ, чай, обѣдня (церковная служба), что онъ тамъ понялъ, машинальность ея, роль попа въ деревнѣ, отношеніе къ нему Ивана и попа къ Ивану. Иванъ наказанъ холодной.

Заключеніе договоровъ Ивана съ хозяиномъ, у котораго онъ находитъ подсобную работу; приблизительныя условія ея (возможно подробнѣе). Задолженность Ивана во время голодовки (не сильной, но обыкновеннаго недоѣданія). Иванъ голодный, сколько, когда и какъ его кормитъ казна. Какъ онъ къ этому относится. Иванъ старѣетъ. Его экономическая мощь (что̀ онъ имѣетъ), сравнить съ тѣмъ, что̀ онъ имѣлъ, отдѣляясь отъ семьи, когда вступалъ въ жизнь. Сколько лѣтъ было Ивану, когда онъ сталъ уставать въ работѣ, когда началъ дряхлѣть. Въ чемъ выражается его жизненный опытъ. Его представленіе о землѣ (небѣ, Богѣ, землѣ, какъ скопищѣ людей), о крестьянахъ, помѣщикахъ (какія у него были съ ними столкновенія), земскомъ начальникѣ, своихъ ближайшихъ властяхъ, лекаряхъ, вообще господахъ; объ управленіи землей (Россіей), кто и какъ ею правитъ. Что такое высшія власти (губернаторы, Петербургъ и пр.). Что такое отечество, зачѣмъ нужны солдаты, кому онъ платитъ повинность, и куда идутъ его деньги. Почему Ивану слѣдуетъ трудиться (съ точки зрѣнія Ивана),

склонность къ новшествамъ. Нужно ли все то начальство, которое онъ знаетъ. Какъ Иванъ относится къ суду (какія дѣла были у него лично, какіе-нибудь пустяки, но характерные по бытовымъ условіямъ) и пр. Чего бы желалъ Иванъ и на что надѣется. Думаетъ ли Иванъ, что за его жизнь ему должна быть награда на томъ свѣтѣ и какая. Представленіе его о загробной жизни, представленіе Ивана о грѣхахъ. Представлевіе Ивана о воровствѣ.—Пожары, месть, поджоги, суевѣрія при повальныхъ болѣзняхъ; при падежѣ скота. Предѣльный возрастъ средняго мужика. Отношеніе Ивана къ медицинѣ деревенской и докторской: очеркъ крестьянской медицины.

II [1]).

1) Рѣчь Ивана на сходѣ по поводу какихъ-нибудь утѣсненій. Чѣмъ хворалъ Иванъ. Нѣсколько обыкновенныхъ болѣзней. Болѣзнь, когда разговляются. Сифилисъ. Глазныя болѣзни. Представленіе Ивана о женской красотѣ, при суевѣріяхъ и свадебныхъ обычаяхъ, поясненіе чѣмъ они вызваны. Сколько попъ беретъ за свадьбу, крестины, похороны.

2) Отношеніе крестьянъ, дѣтей, женщинъ и мужчинъ во всякое время къ домашнимъ животнымъ.

3) Очеркъ крестьянской медицины.

4) Посидѣлки (вечеринки), ихъ обряды внѣшніе и существо ихъ. Взглядъ на нихъ Ивана. Чѣмъ они вызываются. Жениханье. Женился ли Иванъ на той дѣвушкѣ, съ которой женихался. Почему предпочелъ ее. Представленіе крестьянъ о женской красотѣ. Суть суевѣрій и свадебныхъ обычаевъ. Сколько стоитъ свадьба (попъ). Существуетъ ли разница въ цѣнахъ въ зависимости отъ пышности церемоній. Не читаютъ ли лишнихъ молитвъ и не зажигаютъ ли лишнихъ свѣчей, за лишнія деньги. Какой попъ по мнѣнію Ивана лучшій. На-

[1]) Подъ №№ рядъ пунктовъ, которые подробнѣе развиваютъ и освѣщаютъ общее поставленные вопросы программы. *В. Ш.*

сколько Иванъ знаетъ мѣстность и людей кругомъ. Представленіе его о пространствѣ. Гдѣ и по какому случаю онъ бывалъ.

5) Охотно ли Иванъ идетъ на сходъ. Конечно неохотно, когда не предвидится выпивки и дѣло его не кончится. Какъ относится къ земскому начальнику, какъ къ власти. Уважаетъ ли за строгость и ручную расправу. Проявленіе его уваженія (дѣйствительнаго).

6) Какой сборъ бываетъ на посидѣлкахъ. Когда Иванъ былъ причисленъ къ взрослымъ.

7) Ходитъ ли бѣдный женихъ по дворамъ, предлагая себя.

8) Женихъ ощупываетъ невѣсту.

9) Отношеніе крестьянъ къ убійству тощихъ и „сытыхъ“ людей.

10) Что̀ изъ одежды крестьяне дѣлаютъ сами и что̀ покупаютъ. Цѣнность женской и мужской одежды.

11) Какъ крестьяне пьютъ водку.

12) Что говорятъ въ деревнѣ о царѣ, какіе иногда слухи ходятъ по деревнямъ и т. д.

13) Какіе на селѣ люди считаются справедливыми (чаще изъ богатыхъ или изъ бѣдныхъ).

14) Есть ли и чѣмъ вызывается любовь къ чтенію религіозныхъ книгъ; къ толкованіямъ (отраженіе въ нихъ текущей жизни). Любовь къ хожденію по̀ святымъ мѣстамъ.

15) Вліяніе на психику Ивана однообразнаго уклада его жизни и изъ вѣка въ вѣкъ повторявшихся, ритуальныхъ обычаевъ, сопровождающихъ „выдающіеся“ моменты его жизни. Насколько тяжелыя условія быта и однообразіе „ритуала“ жизненнаго нивелируетъ Ивановъ, подавляютъ развитіе личности (при богатыхъ природныхъ задаткахъ къ индивидуальности у Ивановъ).

16) Разсказы стариковъ и старухъ о ихъ собственной прожитой жизни.

17) Крестьянскіе разговоры: мужицкіе, бабьи, дѣвичьи, дѣтскіе, батрацкіе.

18) Умирающій Иванъ. Его состояніе и психика. Иванъ послѣ какого-нибудь крупнаго несчастья,—пожара напримѣръ.

19) Психологія крестьянскихъ ссоръ. Психологія ненависти. Роль, которую при этомъ играетъ боязнь колдовства, порчи и вообще всякія боязни.

20) Крестьянское уваженіе къ человѣку.

21) Теперешнее значеніе грамоты для крестьянъ.

22) Чего больше боятся Иваны. Что больше всего любятъ.

23) Что представляется подъ „веселъемъ“ Ивану ребенку, Ивану-малому и Ивану-мужику.

24) Обратить вниманіе на обрядовую сторону православія.

25) Туалетъ Ивана, его жены и дѣтей (во всѣхъ мелочахъ) въ обыкновенное время (рабочее лѣтомъ, весной, зимой и осенью) и въ праздники. Возможно подробнѣе (употребленіе гребня, мыла и полосканіе рта). Утиральники и ихъ употребленіе.

26) Вѣра въ Божію помощь. Чѣмъ она живетъ и поддерживается и пр. Какія иконы въ избахъ и откуда онѣ. Различіе и значеніе этого различія святыхъ иконъ въ глазахъ Ивана.

27) Поѣздка Ивана въ другія села на ярмарки и базары, кромѣ коммерческой стороны дѣла, какъ смотритъ на нихъ Иванъ. Что выноситъ (какъ себя держитъ, какія посторонніе разговоры).

28) Разговоръ крестьянъ о переселеніяхъ (смыслъ ихъ, надежды, боль разставанія съ насиженными мѣстами), неизмѣнное желаніе быть похороненнымъ на родной сторонѣ и пр. Отношеніе къ уходящимъ. Роль въ переселеніи женщинъ.

29) Обращеніе Ивана и его семьи къ животнымъ (собакамъ, кошкамъ, примѣры обычной жестокости съ ними).

30) Искренность похоронныхъ плачей. Поминки.

31) Сопоставленіе какого-нибудь прежняго языческаго обычая съ теперешнимъ. „Господи помилуй“.

32) Любовь жены къ мужу (она, напримѣръ, отказывается работать вмѣстѣ съ нимъ у помѣщика).

33) Смѣхъ во время чужого несчастья. Примѣры обычнаго жестокосердія.

34) Примѣры великодушія и сердечной мягкости. (Эту главу надо развить возможно подробнѣе и яснѣе, обстоятельнѣе).

35) Бани въ печи. Стрижка подъ горшокъ. Стригутся ли женщины; дѣвочки, во сколько лѣтъ.

36) Плачъ по коровѣ, лошади, овцѣ, потерянным вещамъ, на пожарѣ, послѣ градобитія.

37) Отупѣніе послѣ 15 лѣтъ старческой мудрости. Клептоманъ.

38) Распространенность книгъ священнаго писанія. Роль въ этомъ случаѣ своихъ и зашедшихъ (прохожихъ) богомольцевъ. Книгоноши въ деревняхъ.

39) Статистическая таблица требованій книгъ въ библіотекѣ.

40) Роль и значеніе отхожихъ промысловъ (нравственное вліяніе на самихъ уходящихъ и на ихъ семьи, домъ).

41) Кустарничество, какъ подсобный промыселъ. Роль его.

42) Что приносятъ съ собой солдаты домой по окончаніи службы. Скоро ли они возвращаются въ свое первобытное состояніе.

43) Фельдшеръ и роль, которую онъ сыгралъ въ своей деревнѣ.

44) Провѣрить имущественное состояніе отца Ивана.

45) Отношеніе между женихомъ и невѣстой. Перечислить ласковыя слова, употребляемыя ими въ разговорахъ интимныхъ и на людяхъ. Какъ женихи дѣлаютъ предложенія невѣстамъ (обстановка, форма, слова). Возможно подробно по существу, а не по ритуалу.

46) Происходитъ ли фактически ощупываніе. Какъ скоро измѣняются жениховскія отношенія къ невѣстамъ, (Исключительный ли случай когда бьютъ отца),—когда начинаютъ бить и за что. Причины первой потасовки, второй, третьей.

47) Пользуется ли женщина во время беременности ка-

кой-нибудь заботливостью мужа и семьи. Въ чемъ она выражается.

48) Какіе роды самые трудные.

49) Есть ли семьи, гдѣ мужья не бьютъ своихъ женъ ни разу или почти никогда, и какъ на это смотрятъ тогда сосѣди, чѣмъ себѣ это объясняютъ.

50) Представленіе ребенка о мірѣ Божіемъ.

51) Нападеніе на яблоневые сады.

52) Самое подробное описаніе случаевъ, когда попы колдуютъ ради увеличенія доходовъ. Списать очистительную молитву о мыши. Въ какихъ случаяхъ изобрѣтаются еще очистительныя молитвы, предупредительныя, заговорныя и всякія другія. Отъ глазу нечистаго и др. Понимаютъ ли крестьяне кощунственность этого, или только вымогательство. Развиваетъ ли это въ нихъ суевѣрія.

53) Болѣе подробная таксировка требъ. Зависимость цѣны отъ лишнихъ молитвъ и „Господи помилуй“, ихъ качества: какія молитвы дороже и какія дешевле. Молитвы оптовыя и ихъ причина.

54) Монастыри. (Царица Александра требуетъ денегъ).

55) Церковно-приходскія школы. Гдѣ и каковы онѣ. Мнѣніе діакона объ учительствѣ.

56) Стадообразность Ивановъ на счетъ праздниковъ. Именины не празднуются.

57) Сила сектантскаго движенія и чѣмъ оно выражается. Цѣлыми днями безпросвѣтной работы.

58) Побольше разсказовъ о представленіи мужчинъ и женщинъ о Богѣ, чудесахъ и проч.

59) Сопоставленіе прежнихъ обычаевъ и языческихъ воззрѣній съ теперешними. „Господи помилуй“.

60) Богъ существо карающее главнымъ образомъ.

61) Побольше крестьянскихъ соображеній о грамотѣ и ея пользѣ.

62) Подлежатъ ли убійству гулевыя дѣти всѣ или вообще.

Совершается-ли убійство подъ вліяніемъ стыда, страха, или экономическихъ соображеній. Насколько распространено дѣтоубійство. Характерно ли оно для средняго Ивана. Отношеніе къ дѣтоубійству женщинъ и мужчинъ особенно.

63) Процентъ незаконныхъ дѣторожденій и убійствъ.

64) Кто является покупателемъ женщины замужней.

65) Примѣры воскресныхъ „разговоровъ.

66) Примѣры поповскихъ увѣщаній и распеканій. (Исторія мужа Маши Прошкиной).

67) Причины вечернихъ (послѣ выпивки) ссоръ между мужемъ и женой.

68) Перечень кушаній за обѣдомъ, ужиномъ и т. д. Ивановъ. Въ будни, праздники, рабочую пору, весной, зимой, лѣтомъ и осенью. Во всѣхъ подробностяхъ, обстановки также. Въ нынѣшнемъ году. (Какъ ѣли бабы въ рабочую пору у насъ на деревнѣ).

69) Какъ ждутъ лѣта бабы и дѣти въ неурожайные годы. Подножный кормъ. „Отдышемся“. „Сытѣе кажется“.

70) Какъ держатъ себя невѣсты до мелочей, даже до гримасъ когда ее выводятъ сватамъ.

71) Чѣмъ руководятся женихи и невѣсты, вступая въ связь ранѣе брака. Какія для этого нужны прелюдіи. Обстановка.

72) Во сколько дворовъ средняя деревня.

73) Почему міръ „топитъ“ богатаго. Крестьянская община вообще. Характерно ли, что крестьяне считаютъ міръ неправеднымъ. Примѣры.

74) Продажный элементъ въ „обществѣ“ Характерно ли это для большинства общинъ. Случаи и примѣры притѣсненій старшины. Средній срокъ службы въ старостахъ при нѣсколькихъ выборахъ. Охотно ли идутъ въ старосты. Какъ относится Иванъ къ своимъ общественнымъ повинностямъ (обязанностямъ).

75) Еще примѣры любви мужа къ женѣ. Любовь жены

къ мужу. (Баба нейдетъ работать съ нимъ на общую работу).

76) Что способствуетъ легкости нравовъ теперь сравнительно со стариной.

77) Вся обстановка избы при ожиданіи попа съ молебномъ. До мельчайшихъ подробностей.

78) Побольше мужицкихъ разговоровъ въ подлинникахъ. И бабьихъ.

79) Разговоры ребятъ.

80) Только ли потому обидно выйти за „стараго“, что онъ помретъ ранѣе, или тутъ играетъ роль инстинктивный темный подборъ. Отчего не любятъ рыжихъ.

81) Какъ Иванъ ложится на печку и ничего не дѣлаетъ.

82) Пробѣлы законодательства.

83) Когда Иванъ началъ курить. Какъ, когда и сколько курилъ. Цѣнность этого удовольствія.

84) Процентъ нерадивыхъ домохозяевъ.

85) Протестанты (Михальки) и много ли ихъ.

86) Крестьянскія письма. Какъ и поскольку разъ жены читаютъ письма своихъ мужей. Письмо, гдѣ писецъ спрашиваетъ хорошо ли письмо написано. Долго ли хранятся письма.

87) Примѣры, когда и почему крестьяне не думаютъ о завтрашнемъ днѣ.

88) Оставшіеся обряды и суевѣрія. Мать сыра земля. Какъ просятъ у нея прощенія. Какъ жабу заговариваютъ.

89) Еще бюджеты.

90) Обрядовая сторона православія. До мелочей.

91) Малые оплевываютъ дѣвокъ подсолнухами. Какъ пьютъ дѣвки и дѣвочки 14 лѣтъ. (На улицѣ).

92) Среднее имущественное состояніе теперешняго Ивана.

93) Какъ собираются нѣсколько семей въ неурожайные годы въ одну избу для общей топки. Типично ли это для средняго Ивана. Будутъ ли такіе случаи нынѣшней зимой.

94) Примѣры дѣтской игры въ „господъ“.

95) Народныя развлеченія крестьянъ на ярмаркахъ и базарахъ.

96) Исторія Ѳени.

97) Расхожія теперешнія пѣсни.

98) Какъ уживается въ головѣ средняго Ивана религіозность (религіозныя его воззрѣнія) съ питьемъ водки передъ тѣмъ какъ идти въ церковь и въ церкви.

99) Какъ постятся средніе Иваны. Его мнѣніе о постѣ.

100) Какъ Иванъ относится къ поповскимъ поученіямъ.

101) Опрятность бабъ и дѣвушекъ.

102) Иванова свадьба 6-ая по счету (вѣнчаютъ по двѣ пары). Иванъ, конечно, женился въ урожайный годъ.

103) Количество водки, выставленной женихомъ на свадьбѣ и невѣстою.

104) Развитіе кулачества и роль кулака (экономическая и нравственная) въ жизни Ивана. Завидуетъ ли Иванъ кулаку и хотѣлъ ли бы быть на его мѣстѣ.

105) Куда Иванъ стремится употребить скопленныя деньги. (Сколько ихъ). Имѣетъ или нѣтъ стремленіе отдать ихъ въ ростъ. Представленіе о долгахъ послѣ смерти. Должники, отказывающіеся отъ своего долга.

106) Народное леченіе глазъ.

107) Потребности крестьянъ въ чистотѣ. Почему моются въ субботу въ печкѣ. Когда мѣняютъ рубаху.

108) Средній процентъ профессіональныхъ побирушекъ въ такой годъ, какъ нынче.

109)Ославъ своихъ дѣтей въ кусочки, подаетъ ли Иванъ самъ другимъ побирушкамъ. Сколько и какъ.

110) Гостепріимство и его причины. Мотовство, т.-е. склонность къ нему.

111) Какъ, кто и когда забываютъ имена своихъ дѣтей.

112) Оставшіеся обычаи язычества и суевѣрія. (При падежѣ скота).

113) Ко̀пить—„грѣхъ“.

114) Въ неуваженіи къ труду, когда оно проявляется сказывается удальство, или что?

115) Сифилисъ.

116) Недостатки законодательства (жизненнаго), мірского и земельнаго и административнаго по мнѣнію Ивана.

117) Число, качество крестьянскихъ земельныхъ угодій. Отсутствіе сѣнокоса. Что Иванъ про это думаетъ, какъ думаетъ поправить это дѣло. Дошелъ ли до идеала сельскохозяйственной культуры. „Утѣсненія хозяйства".

118) Какъ Иванъ удобряетъ поля. (Видитъ ли возможность этого и только этого).

119) Желаютъ ли имѣть побольше скота.

120) Какъ по его мнѣнію можно поправить его экономическую жизнь и хозяйство.

121) Духовныя (церковныя законодательства относительно крестьянъ). Церковное покаяніе. Эпитимія, поводы и основанія для ея наложенія и какъ ее цѣнятъ и исполняютъ крестьяне.

122) Какъ и въ чемъ измѣнились отношенія крестьянъ къ духовенству.

123) Желательное отношеніе крестьянъ къ духовенству по мнѣнію духовенства. Желательное отношеніе духовенства по мнѣнію Ивана къ крестьянамъ.

124) Кумовство. Какъ смотрятъ крестьяне на кумовство съ богатымъ и съ бѣднякомъ.

III.

Рожденіе Ивана. (35 лѣтъ тому назадъ) Иванъ третій сынъ Василія и Акулины. (На какіе мѣсяцы падаетъ большинство рожденій; какое вліяніе на зачатіе имѣетъ сытость, скоромное время, не страдная пора). Въ какомъ возрастѣ женился Василій. Сколько лѣтъ было его невѣстѣ. (Средній возрастъ брачующихся 25 лѣтъ тому назадъ). Женился ли онъ или его женили. По какому разсчету. Какъ онъ относится

къ своей Акулинѣ. Бьетъ ли ее и какъ она къ нему относится. Семья Василія, когда въ нее входитъ Акулина. Были ли у Василія и Акулины разговоры о первомъ ихъ ребенкѣ до его рожденія. Что говорилось о 2 и 3-емъ. Работала ли въ полѣ Акулина вплоть до рожденія Ивана. Гдѣ родился Иванъ и въ законное ли время. Успѣли ли вò время сбѣгать за бабкой. Что дѣлали бабки съ Акулиной. Какъ ей помогала мать. Гдѣ былъ отецъ, какъ отнесся къ рожденію мальчика. Послѣродовое время. Крестины Ивана. Кумовья. Попъ. Обѣдъ для кума и кумы. Проводы бабки. Заботы матери о ребенкѣ. Какъ она его кормила, мыла и т. д. Когда она встала. Когда стала работать. Какъ брали Ивана въ поле. Какъ лечили ребенка. Первые проблески сознанія Ивана. Первыя его слова. Гдѣ онъ ползалъ. Какъ былъ одѣтъ. Чѣмъ питался. Какъ сталъ на ноги. Сверстники. Игры. Умственное развитіе ребенка. Чѣмъ питался, какъ былъ одѣтъ, когда сталъ хорошо ходить. Пища всей семьи. Когда сталъ въ первый разъ ругаться и лгать. Какъ научился тому и другому. Его шалости. Наказанія за нихъ. Что думаетъ ребенокъ объ отцѣ, матери и старшихъ. Первыя порученія, даваемыя Ивану. Иванъ—пастухъ.

Нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ по поводу программы: во-первыхъ 1) Рожденіе Ивана. а) Свѣдѣнія о его отцѣ, матери — вообще о всей его семьѣ. б) Собственно рожденіе и крещеніе. б) Послѣродовое время и первыя заботы матери объ Иванѣ. 2) Иванъ до того возраста, когда онъ началъ ходить. 3) Иванъ на ногахъ. Дѣтство. 4) Иванъ вступаетъ въ тотъ возрастъ, когда отъ него требуется работа. (7—8) а) Иванъ пастухъ. б) Иванъ зимою дома. 5) Иванъ подростокъ, онъ начинаетъ пахать (11 — 12 лѣтъ). 6) Иванъ женихъ (17—20 лѣтъ. а) Работы, которыя онъ исполняетъ въ этотъ возрастъ б) Его гульба. 7) Женитба Ивана. 8) Иванъ семьянинъ. Иванъ въ полной силѣ.

Вотъ вкратцѣ рамка для „Ивана“.—Такъ какъ Иванъ „средній“, то и возрастъ его средній (лѣтъ 35),—слѣдова-

тельно одряхлѣніе, морщинистая шея и т. п. надо ужъ отнести къ какому-нибудь случаю. Только такимъ образомъ можетъ выйти пореформенный Иванъ. И, мнѣ кажется, что надо отдѣльно записывать свѣдѣнія о свадьбѣ, рожденіи, крещеніи—теперешнихъ, т.-е. за послѣднія лѣтъ 15.

Свадьба Василія, Иванова отца. Лѣтъ 40 тому назадъ.

Вопросы.

1) *Воп.* Сколькихъ лѣтъ женился Василій. *Отв.* 17—18.

2) *Воп.* Сколько лѣтъ было его невѣстѣ Акулинѣ. *Отв.* Столько же.

3) *Воп.* По какому разсчету женили родители Василія, своего сына. *Отв.* Чтобы получить въ домъ скорѣе даровую работницу.

4) *Воп.* По какому разсчету выдали замужъ Акулину ея родители. *Отв.* Чтобы дѣвка не засидѣлась, чтобы не упустить хорошаго жениха.

5) Приданое Акулины: домотканныхъ паневъ—3; ситцевыхъ сарафановъ 2—3. Ея умѣнье ткать. Головныхъ платковъ 5—6. Прясть. Ея кроткость. Ея здоровье.

6) *Воп.* Что далъ Василій Акулинѣ. *Отв.* Овчинную шубу, валенки, суконную поддевку, коты, 10 рублей денегъ.

7) *Воп.* Какъ засватали Акулину. *Отв.* Сговоръ, какъ и теперь. „Считанье столбовъ“ у жениха (какъ и теперь). *Воп.* Какъ велъ себя на сговорѣ женихъ и невѣста.—*Отв.* Едва смотрѣли другъ на друга, молчали все время.

8) Свадьба (какъ и теперь). Сколько заплатили за нее попу.

9) Семья Василія, когда въ нее вступила Акулина. Дѣдъ. Не старые свекоръ и свекровь. Золовка-невѣста. Деверь-подростокъ (14 лѣтъ). Еще мальчикъ 10 лѣтъ. Дѣвочка 1 года.

10) Имущественное состояніе отца Василія.

11) Совмѣстная жизнь Василія и Акулины.

Сначала они какъ бы конфузятся другъ друга. Акулиной заправляетъ „свекра“. Первый ребенокъ родится черезъ полтора года послѣ свадьбы. Онъ—дѣвочка хилая и слабая. Молодая мать не умѣетъ за ней ходить и она умираетъ нѣсколькихъ недѣль.

Послѣ ея смерти Акулина еще выправляется. Она еще росла послѣ вѣнца (съ вѣнца поднимаются). Теперь она довольно румяная и полная. Черезъ годъ послѣ смерти перваго ребенка родится второй, а еще черезъ два года—третій. Оба мальчики. Второй изъ нихъ умираетъ отъ поноса въ то время, когда мать его уже беременна третьимъ сыномъ (Иваномъ). Этотъ третій сынъ родится какъ разъ „подъ рабочую пору". Семья Василія и Акулины ждала перваго ребенка. Даже свекръ шутилъ, что „невѣстка родитъ мнѣ внука". Когда родилась дѣвочка—объ ней уже забыли думать, какъ только окрестили. Не пожалѣли о ея смерти. Молодой отецъ тоже мало печалился объ этомъ. Когда ожидался второй ребенокъ, то никто о немъ не говорилъ, однако были рады, когда родился мальчикъ. На второго мальчика и отецъ не обращалъ почти никакого вниманія, а когда ожидался третій (Иванъ) то даже сама Акулина была недовольна: „буде ужъ ихъ ребятъ-то". Она похудѣла, такъ какъ въ это самое время она кормила второго своего сына. На лицѣ у нея выступили темныя пятна, она такъ постарѣла, что никто не далъ бы ей 22-хъ лѣтъ. Съ облегченіемъ похоронила своего второго сынишку, умершаго отъ поноса въ Петровки.—Наканунѣ родовъ она полола просо. На слѣдующее утро она, вернувшись, почувствовала первыя боли. Сначала думала, что спину ломитъ отъ работы. Свекровь пошла за бабкой. Бабы не сразу шли, зная скупость Акулининой свекрови. Торговались изъ-за цѣны. Акулинина свекровь хотѣла выторговать у бабки „пирогъ", т.-е. ситный хлѣбъ. (Бабкѣ полагается такая плата: 1 ржаной хлѣбъ, 1 ситный хлѣбъ, бумажный платокъ и 10 коп. денегъ). Бабы не соглашаются и хотятъ идти въ другую деревню. Въ это время Акулина лежала безъ призора. Вступилась ужъ мать Акулины, обѣщала дать ситный хлѣбъ. Бабка пришла въ избу уже незадолго до разрѣшенія Акулины. Бабка, набравъ въ ротъ воды, вылила ее на руки и затѣмъ стала помогать Акулинѣ.